

B164 96

Levanth

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

АНГЛИЯ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ГЕРБЕРТА УЭЛЛСА

H. G. WELLS

— 1866 —

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Е. И. ЗАМЯТИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
при Народном Комиссариате по Просвещению

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Г. ДЖ. УЭЛЛС

B164
96

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

4

ВОЙНА В ВОЗДУХЕ

П Е Р Е В О Д
Э. ПИМеновой
ПРЕДИСЛОВИЕ
Е. И. ЗАМЯТИНА

П Е Т Е Р Б У Р Г М С М Х I X

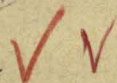
ВОЙНА В ВОЗДУХЕ
THE WAR IN THE AIR

РОМАН

1908

785977

ПРЕДИСЛОВИЕ.

— „Воздушные корабли носились всюду, бросая бомбы... А внизу—происходили экономические катастрофы, голодающее, безработное население восставало... Целые округа и города вследствие затруднений в транспорте с'естных припасов, были переполнены голодающими... Это вызывало правительственные кризисы и осадное положение, временные правительства, советы и революционные комитеты, и все эти организации—ставили своей задачей опять-таки вооружить население...“

— „Деньги исчезли, запрятанные в погребах, ямах, стенах домов и всевозможных тайниках. Остались только обесцененные бумажки. Вместе с исчезновением денег—настал конец торговле и промышленности. Экономический мир зашатался и пал мертвым: как будто в жилах живого существа внезапно свернулась кровь... Все организованные правительства в мире—рассыпались, как фарфоровые чашки от удара палкой... Анархия, голод, чума—оказались победителями внизу, на земле... Повсюду—развалины и мертвые, непогребенные тела, а те, кто пережил все эти ужасы—охвачены смертельной апатией... Это было всемирное разложение...“

Так великий английский прозорливец Уэллс писал пятнадцать лет тому назад. Все это—отрывки из его романа „Война в воздухе“. Пятнадцать лет назад—этот роман был фантастическим; теперь он стал бытовым. Пятнадцать лет назад в печати только впервые промелькнули какие-то неясные сведения об аэропланах, будто бы изобретенных американцами, братьями Райт. Мир не верил в крылатого человека: считали это просто газетной уткой. И не видели собиравшихся над головой грозных туч мировой войны: казалось, человечество так далеко ушло от зверя. И, вероятно, улыбались по адресу тех немногих, кто предсказывал близкое крушение всей старой европейской

культуры: неколебимой, прочной, вечной представлялась эта культура.

Но такие немногие прозорливцы — все же были. Теперь, когда² се это невероятное стало сегодняшним, кажется просто странным: как же это случилось, что все ослепли? Кажется странным: почему не все видели то, что видно было немногим?

Перед началом мировой войны и революции мир был котлом без манометра. Кочегары все подкладывали и подкладывали уголь, топки горели все жарче, давление пара все поднималось, и конец мог быть только один: мировой котел разнесло взрывом. Целыми десятками лет мир вооружался. Целыми десятками лет миллиарды тратились на постройку броненосцев, эсминцев, пушек. Накапливались горы пироксилина, пороха. Все великолепное здание старого мира было построено на фундаменте не из камня, а из пироксилина. И все же, как это теперь ни кажется странным, люди спокойно жили, работали, веселились и не заботились, что под ногами — пироксилин. Но вот, случайно кем-то оброненная спичка — и загремел беспрецедентный в истории взрыв.

В 1812 году Москва сгорела от копейной свечки: но, конечно, не копейная свечка виновата в пожаре Москвы. И, конечно, не Германия и не германский народ виноваты в мировом пожаре: Германия была только копейной свечкой. Стихийную мировую войну могла вызвать только стихия, и это была стихия экономическая. Германия, страна с высоко развитой промышленностью, производила продуктов слишком много, германскому капиталу нужны были новые рынки сбыта продуктов. Но эти новые рынки можно только отнять у конкурирующего капитала, а так как конкурент без боя не уступит, — надо эти рынки отнять силой, надо завоевать их. И стихийно, логически Германия пришла к войне, Германия стала копейной свечкой, от которой загорелся пожар, а Вильгельм II Гогенцоллерн — той спичкой, которая нужна была, чтобы зажечь свечку. Свечка спалила весь мир.

Человечество оказалось годовалым ребенком: годовалый ребенок до тех пор будет тянуться к свечке, пока не обожжет себе палец, и только тогда поймет, что огонь жжется. Человек учится только на ошибках, человек верит только опыту. И нужен был жестокий опыт всемирной войны, чтобы человек

понял, что здание старого мира никуда не годится, что стены между нациями надо разрушить; что мечи надо перековать на серпы. В течение долгих лет людям нужно было по-звериному истреблять друг друга, чтобы прийти к выводу, что спасение — во всемирном братском союзе народов. Годовалый ребенок — человек еще пытается схватить пламя, армии еще мобилизуются, люди еще стреляют друг в друга. Но все яснее становится безумие всякой войны, и все ближе день, когда солдаты поймут, как понял Берт в романе Уэллса: „Шесть-семь правительств с глупыми флагами и глупыми газетами натравляют нас друг на друга и мешают нашему объединению. Довольно уже“. Народы никогда не воюют друг с другом: воюют правительства.

Вся нелепость, дикость, противоестественность войны, как нельзя яснее, открываются в романе Уэллса „Война в воздухе“. Художественная ценность этого романа менее значительна, чем других романов того же автора. Но для нас, свидетелей мировой войны, эта пророческая книга имеет особенный интерес. Книга написана так, как будто ее писал человек, уже переживший эти страшные годы. Начало войны, когда в газетах уже появились зловещие заголовки: „Американский ультиматум“, „В Берлине — волнение“, „Война — вопрос нескольких часов“, но люди еще не верили: „Берт смотрел на объявления и не видел их; Берт думал о велосипедах, о прежнем и теперешнем домохозяйстве, о магазинных счетах...“ Затем — нелепый взрыв национализма во всех странах, эпидемия процессий с флагами, проповеди на военные темы в церквях. Немецкий, английский, французский обыватель готов „умереть за отечество, впрочем, не сам лично, а уполномочивая сделать это того, кто запишется в ряды войск“, насмешливо замечает Уэллс. Но колесо войны захватывает самого этого обывателя: воюют уже не „они“, а „я“ — это живо излечивает: даже воинственный немецкий лейтенант Курт понял, что „война — страшная игра... война — глупость, жестокость, безумие...“ Впрочем, это было понято только тогда, когда тяжкий маховик войны уже вертелся во всю, крушил человеческие жизни, города, страны, когда слабые человеческие руки уже не в силах были остановить его убийственный ход.

Всем знакомо это: утро, через щелочку в ставне пробивается солнечный луч, и, отраженные сквозь маленькую щелочку, на стене бегут люди, едет лошадь, медленно плывут облака. Так и в „Войне в воздухе“ Уэллса — все огромные события миро-

войны проходят опрокинутые, отраженные сквозь впечатления маленького человека—английского механика Берта. Медленно, последовательно показывает Уэллс все ощущения и все перемены, которые производит война в душе человека. Берт—ни хорош, ни плох: это самый обыкновенный средний английский мещанин—и таких, как он, продуктов цивилизации начала двадцатого века—миллионы. Берт жил своей маленькой, ограниченной жизнью; ему и в голову не приходило, что именно, он, Берт, будет невольным участником грандиозных разрушений и убийств. Как и все „продукты цивилизации двадцатого века“—Берт никогда в жизни и воробья не убил. От вида крови, от вида убитых и умирающих людей—ему становится дурно. Но в том-то и ужас войны, что она будит жестокого зверя в самом мирном и как будто неспособном на жестокости человеке; в том-то и ужас, что яд войны отравляет всех и всех приучает к мысли, что отвратительнейшее из человеческих преступлений—убийство, вовсе не преступление, а просто необходимая принадлежность ежедневного обихода. И вот, Берт, незаметно для себя и незаметно для читателя, меняется так, что уж без особых угрызений совести своими руками убивает немцев. А затем, вернувшись домой, уже в мирной обстановке спокойно убивает одного англичанина и другого. Так из Бертов, никогда в жизни не убивших и воробья, из Бертов, пригревающих на груди заброшенного котенка, война делает хладнокровных убийц. И тысячи таких Бертов, в сущности, очень милых и добрых, во время мировой войны, на наших глазах, топили беззащитные пассажирские пароходы, забрасывали бомбами мирные города; во время революции и гражданской войны—спокойно расстреливали, вешали, грабили, закапывали в землю живьем.

В романе „Война в воздухе“, громче чем где-нибудь, Уэллс зовет людей к гуманности, зовет их вспомнить, что они не звери, а люди; в этом романе, яснее чем где-нибудь, Уэллс является читателю, как один из великих гуманистов двадцатого века. Весь роман—горячая речь против войны и человекоубийства, какими бы нарядными и пышными одеждами ни прикрывались эти преступления против человеческого духа и высокого имени „человек“. Одна из наиболее сильных и запоминающихся страниц романа—описание смертной казни матроса воздушной немецкой эскадры. Смертная казнь—это

жесточайшая из человеческих жестокостей—непременно приходит вместе с войной и является следствием все того же самого поворота от человека к зверю, вызываемого войной. И у нас, в России, еще так недавно смертная казнь вызывала протесты и возмущение. Теперь же, по обе стороны фронта гражданской войны, с одинаковым равнодушием расстреливают и вешают и хладнокровно читают в газетах длинные списки казнённых. А между тем, смертная казнь—неизмеримо „ужаснее всякого сражения“, как замечает Уэллс устами все того же самого английского механика Берта. Солдат идет в бой, даже самый жестокий, непременно с надеждой: „авось, уцелею“, „авось, только ранят“. Но осужденный на казнь знает, что сейчас умрет, у него нет надежды. Солдат идет в бой с оружием в руках, он может защищать свою жизнь. Но осужденный на казнь—безоружен, смертная казнь—убийство лежащего, безоружного, и потому, подлинно, отвратительнее и ужаснее всякого сражения. И потому так понятно, что Берт, видевший смертную казнь, испытывал „ощущение дурноты и ужаса“. Тот, кто подписал смертный приговор казненному матросу—немецкий принц Альберт—тоже видел казнь. Но он только спокойно сказал: „Так!“, затем „несколько мгновений смотрел вниз, еще более надменный и суровый, повернулся к спуску внутрь судна—и скрылся“. Таковы неизменно все посылающие людей на убой и на казнь.

На фигуре принца Альберта стоит остановиться подробнее. В этом принце Уэллс, несомненно, дал изображение всем нам знакомого героя мировой войны Вильгельма II Гогенцоллерна. Знакомая нам „надменная, вычищенная, выбритая и нафабрённая“ фигура, воображающая себя сверхчеловеком и Александром Македонским. Знакомые и величественные жесты и героические речи о том, что „Мир ожидает нас, немцев! Должно завершиться то, что подготовлялось пятьюдесятью веками!“ Знакомая хладнокровная жестокость, проповедь войны до конца—и рядом проповедь „о вере и милости Господней к Давиду“—и рядом молитва „Бог—мое прибежище и моя крепость“... Величественно-смешная фигура, потому что этот великан был на глиняных ногах и в романе (как и теперь на нашей памяти) бесславно гибнет; отталкивающая и одновременно жалкая фигура, потому что несомненно, это—ненормальный, одержимый манией величия человек. Таким он и изображен в романе Уэллса, очень метко и

верно, без всяких преувеличений и с обычной для Уэллса чуть приметной, но тем вернее попадающей в цель, насмешкой.

Как уже говорилось, роман Уэллса „Война в воздухе“ — в наши дни перестал быть фантастическим романом: аэропланы, цеппелины, бои воздушных кораблей с морскими, сражения воздушной эскадры с воздушной, мастерски описанные налеты цеппелинов — все это было несбыточным, фантастическим пятнадцать лет назад, когда Уэллс писал свой роман. Для нас, современников воздушной войны, интерес романа не в этом. Для нас интерес в том, что силою мысли Уэллс сумел проникнуть сквозь непроницаемую завесу будущего и увидеть это будущее; для нас интерес в общественной стороне романа. Этой стороне Уэллс отводит в романе очень много места: целые главы посвящены разбору недостатков общественного строя, анализу общественных условий, которые привели — и как это с неотразимой убедительностью показывает Уэллс, неминуемо должны были привести — к мировой войне и краху старой культуры. Больше чем в каком-нибудь другом из романов, Уэллс в „Войне в воздухе“ показывает себя, как глубокого мыслителя, правильно и тонко разбирающегося в сложных общественных и экономических вопросах.

Будущность человечества, если оно не сумеет найти новые пути, если оно не сумеет от закона „человек человеку — волк“ перейти к закону „человек человеку — брат“, — представляется Уэллсу в самом мрачном и безнадежном свете. Особенно резко это сказывается в заключительной главе романа „Война в воздухе“: бесконечная война — война между нациями и война междоусобная — обратили в развалины весь мир, всю цивилизацию; люди вернулись в первобытное, дикое состояние; все их помыслы об одном, — как и где достать себе пищу; мальчик — дитя нового поколения — с недоверием слушает рассказы деда о том, что когда-то были железные дороги, электричество, книги... Из других произведений Уэллса мы знаем, что из этого безнадежного тупика он видит выход в братском сотрудничестве народов, в уничтожении капиталистической конкуренции, в коренной перестройке современного государства.

Мрачное зрелище всеобщего одичания, развернутое перед читателем в последней главе романа, так знакомо и так близко нам. В этих людях, все свои силы тратящих на первобытную борьбу с голодом и холодом, мы узнаем себя; в этих развалинах

мы узнаем Россию. И только одно может и должно дать нам силу жить дальше: камни от развалин так похожи на камни, приготовленные для какого-то нового, может быть, огромного и светлого здания.

Евг. Замятин.

ВОЙНА В ВОЗДУХЕ

Глава I.

О прогрессе и семье Смоллуэйсов.

I.

— Вот это прогресс! И все дальше да больше!—воскликнул мистер Том Смоллуэйс.—Кто бы мог поверить, что дойдет до таких штук!—так говорил мистер Том Смоллуэйс еще задолго до начала войны в воздухе. Он сидел у плетня, в конце своего сада, и равнодушным взором смотрел на огромный газовый завод Бен Хилла. Над группой газометров показались какие-то странные предметы: три болтающихся во все стороны тонких пузыря, которые хлопали и свертывались в трубку. Мало-помалу они становились все толще и толще, все круглее и по мере надувания превращались в воздушные шары. Это были те самые воздушные шары, на которых еженедельно по субботам южно-английский аэро-клуб устраивал полеты.

— Они поднимаются каждую субботу,—сказал сосед Смоллуэйса, мистер Стринджер, продавец молока.—Еще так недавно весь Лондон сбегался смотреть на полет воздушного шара, а теперь в каждой маленькой деревушке еженедельно совершаются такие полеты. Для газовых компаний—это прямо-таки спасение.

— В прошлую субботу на мои грядки обрушилось три огромных мешка с песком. Целых три мешка! Этот груз они выбрасывают, как балласт. Некоторые из моих растений были сломаны, а другие совершенно засыпаны песком,—заметил Смоллуэйс.

— Говорят, и дамы поднимаются на воздушных шарах!—сказал Стринджер.

— Полагаю, что это не настоящие лэди. Я не могу представить себе, чтобы лэди летала на воздушном шаре и выбрасывала оттуда песок на идущую внизу публику. У меня свой взгляд на это.

Стринджер кивнул головой в знак согласия и несколько мгновений задумчиво смотрел на раздувающиеся шары. Но во взгляде его чувствовалось осуждение.

Том Смоллуэйс был по профессии зеленщик и питал большую склонность к садоводству. Его маленькая жена Джессика наблюдала за торговлей, а он благоденствовал. Том Смоллуэйс был создан для спокойной жизни, но, к несчастью для него, судьба распорядилась иначе. Окружающий мир постоянно подвергался изменениям и при этом таким, которые угрожали личному спокойствию мистера Смоллуэйса. Даже почва, которую он обрабатывал, не была застрахована от перемен. Он арендовал клочок земли, где находился его сад, но могущественный совет округа объявил его участок годным для построек. Он занимался огородничеством, но знал, что от него всегда могут потребовать назад этот последний зеленый клочок земли в округе: весь округ был захвачен новыми веяниями, город грозил все поглотить.

Смоллуэйс утешал себя, как мог. Ведь должен же наступить конец этому! Его старик-отец еще помнил то время, когда Бен Хилл представлял из себя тихую, спокойную деревушку в Кенте. Старик Смоллуэйс до пятидесяти лет служил кучером у сэра Питера Бона. Потом он начал немного попивать и, лишившись места, поступил на станцию почтовых дилижансов, где оставался до семидесяти восьми лет. Затем он бросил службу. Теперь он постоянно сидел, скорчившись, у очага, готовый, однако, везти, если понадобится, какого-нибудь неосторожного и беспечного иностранца. Этот древний старик-кучер жил воспоминаниями. Он мог бы рассказать вам об исчезнувших поместьях сэра Питера Бона—это было еще задолго до начала эры строительства в этой местности; о том, как этот магнат управлял своими поместьями, какие тут устраивались охоты, какие почтовые кареты раз'езжали по боль-

шой дороге, какое огромное поле для игры в крокет простиралось там, где находится теперь газовый завод. Старик Смоллуэйс помнил, когда был выстроен Хрустальный дворец. Дворец возвышался в шести милях от Бен Хилла и его огромный фасад сверкал в лучах утреннего солнца, а по вечерам он блистал огнями, представляя даровой фейерверк для всего населения Бен Хилла. Потом появились кругом виллы железная дорога, газовые заводы, водопроводы и целое море жалких лачуг для рабочих. Устроена была канализация, и вода исчезла из Отербэрна, который превратился в отвратительную грязную канаву. Затем построена была новая железнодорожная станция—Южный Бен Хилл; появились новые дома—много домов, лавок, витрин. Конкуренция возрастала, учреждена была школа, введены налоги, появились омнибусы, трамваи, идущие прямо в Лондон, моторы, и еще моторы, и библиотека Карнеджи!

— Нет: кто бы мог поверить, что так и пойдет все дальше,—говорил мистер Том Смоллуэйс, живя посреди всех этих чудес.

Но чудес становилось все больше. Все изменилось вокруг Тома Смоллуэйса. Его лавочка, помещавшаяся в одном из старых уцелевших деревенских домов, в нижней части Гай-стрита, как будто хотела притаиться и спрятаться от чьих-то взоров, стороживших ее. Когда была поднята мостовая Гай-стрита, то лавочка очутилась внизу, и приходилось спускаться на три ступени, чтобы попасть в нее. Том старался из всех сил продавать только свои собственные превосходные продукты, не отличавшиеся большим разнообразием, но и он должен был, в конце концов, уступить требованиям времени. В витринах у него появились французские артишоки, иностранные фрукты, яблоки из Нью-Йорка, из Калифорнии, из Канады, из Новой Зеландии. «Красивые фрукты, непохожие на наши английские яблоки».—говорил про них Том,—бананы, странные орехи, виноград, манго.

Моторы мчались во всех направлениях, и их становилось все больше. Быстрота их движения возростала, а скверный запах, исходивший от них, все больше распро-

Уэллс. Война в воздухе.

странялся в воздухе. Появились огромные, гремящие платформы с керосиновыми двигателями, развозившие уголь и тюки товаров вместо прежних конных возов. Моторные омнибусы бегали теперь вместо прежних дилижансов, и даже Кентская земляника, отправляемая в Лондон ночью, терпела ущерб от этой замены, потому что во время перевозки на моторных телегах она подвергалась слишком большой тряске, и притом к ее аромату примешивался запах керосина.

А в конце концов, и молодой Берт Смоллуэйс тоже приобрел мотоциклет...

2.

Надо сказать, что Берт был самым прогрессивным из Смоллуэйсов.

Ничто бы не могло красноречивее доказать беспощадную силу прогресса, как это распространение влияния новых веяний на семью Смоллуэйсов. Впрочем, Берт всегда отличался предприимчивостью и уже в очень юном возрасте обнаруживал стремление не отставать от прогресса. Однажды он пропал на целый день, когда ему было только пять лет, и чуть не утонул в резервуаре нового водопровода, когда ему было семь. Ему было только девять лет, когда на стоящий полисмен отнял у него настоящий пистолет. Он научился курить, но не так, как некогда его брат Том, куривший трубку, набитую бумагой,—он курил настоящие американские папироски, приготовленные специально для английских мальчиков. Его манера выражаться шокировала его отца уже тогда, когда ему было всего лишь двенадцать лет. В этом же возрасте, высматривая покупателей и зарабатывая три шиллинга в неделю продажей на железнодорожной станции Бен Хиллской газеты «Еженедельный Экспресс»,—Берт тратил все свои деньги на папиросы и на разные вещи, необходимые для того, чтобы жить в свое удовольствие и чтобы просветить свой ум. Все это несколько не мешало его занятиям литературой, благодаря которым он достиг высокого развития в очень юном возрасте.

Берт был шестью годами моложе Тома, и одно время была сделана попытка приучить его к делу в зеленой ла-

вочке: это случилось, когда Том женился в двадцать один год на тридцатилетней Джессике и скопил немного денег. Но Берт был не из тех людей, судьбою которых можно было распоряжаться. Он ненавидел земляные работы, а когда ему поручали отнести корзину с каким-нибудь товаром, то в нем просыпался бродяжнический инстинкт, и он отправлялся бродить, не замечая тяжести своей ноши и забывая о том, куда должен ее доставить. Мир был полон для него какого-то очарования, и он устремлялся вперед, вместе с своей корзиной и со всем, что в ней находилось. Волей-неволей Тому пришлось самому разносить свои товары, а Берту было предложено поискать других занятий. Берт перепробовал множество профессий. Он служил у суконщика, у химика, был рассыльным у доктора, младшим помощником у газовщика, писал адреса на конвертах, помогал равнотеру молока, был носильщиком и, в конце концов, попал приказчиком в велосипедную лавочку. Тут, повидимому, он нашел то, чего так жаждала его прогрессивная душа. Его хозяин, молодой человек, по имени Грабб, мечтавший о различных изобретениях, днем расхаживал весь вымазанный в саже, а по вечерам заседал в концертном зале. Для Берта это был образец высоко развитого джентльмена. Он ухитрялся сбывать самые скверные велосипеды во всей южной Англии и с удивительной энергией улаживал возникавшие после этого недоразумения. Берт хорошо уживался с ним. Сделавшись чрезвычайно искусным велосипедистом, Берт мог проделывать с велосипедом настоящие фокусы. Он проезжал целые мили на таких велосипедах, которые неминуемо развалились бы, если бы мы с вами вздумали на них прокатиться. После работы Берт всегда тщательно вымывал свое лицо, а иногда и шею, и тратил все свои лишние деньги на разные необыкновенные галстуки и воротнички, на папироски и на изучение стенографии в Бен Хиллском институте.

Иногда он заходил в лавочку Тома и своим блестящим разговором производил такое впечатление на него и Джессику, что оба они, почтительные со всеми, к Берту относились сверхпочтительно.

— Он передовой парень, этот Берт, не правда ли?— говорил Том жене.— Он кое-что знает.

— Будем надеяться, что это не слишком много для него,—возражала обыкновенно благоразумная Джессика, у которой было очень развито чувство меры во всем.

— Теперь время другое,—продолжал Том.—Все стремится вперед. Вот мы уже в марте будем иметь молодой картофель и притом английского происхождения, если, конечно, все пойдет так, как теперь! Я еще не видывал таких времен, Джессика. Заметила ты, каким узлом был завязан его галстук?

— Это к нему не шло, Том. Такой бант годится лишь для джентльмена, а не для него. Он не подходит ни к его лицу, ни к костюму. Ему не следует носить такие галстуки...

Но Берт скоро облачился в костюм велосипедиста, и когда они вместе с Граббом, оба, изогнувшись дугой, мчались на своих велосипедах в Брайтон и обратно, пожалуй, можно было поверить, что Смоллуэйсы могут достигнуть многого!

Ну и времена!

Старый Смоллуэйс, сидя у очага и вспоминая величие прежних дней, мог сколько угодно рассказывать о старом сэре Питере, которого он в двадцать восемь часов возил в Брайтон и обратно; о его белой высокой шапке; о лэди Бон, никогда не ходившей пешком (за исключением только прогулок по саду); о состязаниях на приз в Кроулее; об охотах на лисиц в Ринк Боттме (где теперь устроен приют для душевно-больных); о платьях и кринолинах лэди Бон,—никто уже не обращал внимания на его рассказы! Народился новый тип джентльмена, обладающего самой неджентльменской энергией,—джентльмена, одетого в запыленную и замасленную кожаную куртку, в огромных наглазниках, в удивительной шапке,—джентльмена, распространяющего по дороге аромат бензина и быстро мчащегося в облаках пыли и вони. А лэди, сопровождающая такого джентльмена,—если иногда удавалось увидеть ее в Бен Хилле,—лишена всякого изящества: у нее обветренное лицо и она не столько была одета.

сколько запакована, будто для отправки большой скоростью.

Берт жил мечтами о все увеличивающейся скорости передвижения. Насколько он мог, он изучил конструкции велосипедов и все их разновидности. Но ни один из них не удовлетворял его. Одно время он раз'езжал на велосипеде, делая до двадцати миль в час, по дорогам, где все чаще и чаще встречались механические экипажи. Но такая скорость все же была далеко от его идеала. Наконец, когда он накопил достаточно денег, он приобрел мотоциклет. Компания, отдававшая на прокат мотоциклеты, потерпела финансовый крах, и, благодаря этому, Берт, в одно прекрасное и памятное для него воскресное утро, напуганный советами и указаниями Грабба, умчался на своем собственном мотоциклете по большой дороге. На этой дороге и так уже было самое оживленное движение, а Берт, с своей стороны, добавил еще одну общественную опасность ко всем уже существующим приятностям путешествия по южной Англии.

— Поехал в Брайтон!—сказал старик Смоллуэйс, глядявая из окна лавочки вслед своему младшему сыну. Во взоре его отражалось нечто среднее между гордостью и осуждением.—В его годы я ни разу не был в Лондоне, ни разу не был южнее Кроулея и, вообще, никуда не ездил. Да и никто не ездил тогда никуда. Даже образованные люди сидели дома. А теперь все куда-то стремятся, все разбегается в разные стороны, и вся наша страна как будто разлетается в куски. И удивительно, что все они возвращаются назад!.. Да, все мчатся в Брайтон. А разве кто-нибудь покупает теперь лошадей?

— Но про меня ты не можешь сказать, чтобы я ездил в Брайтон,—заметил Том.

— И нечего тебе ездить!—резко возразила Джессика.—Только зря деньги швырять!

3.

На некоторое время Берт так занялся своим мотоциклетом, что совершенно не замечал происходящих вокруг него перемен. Он не замечал, что время таких штук, как

его мотоциклет, проходит, и что уже возникают новые способы передвижения. В самом деле, замечательно, что именно Том первый обратил на это внимание. Его занятие садоводством заставляло его внимательно следить за небом. Близость же Бен Хиллского газового завода и Хрустального дворца, откуда постоянно поднимались воздушные шары, а также то обстоятельство, что на его картофельные грядки часто падал балласт, внушало Тому подозрение, что на этот раз в небесах, а не на земле, должны произойти новые перемены. Это была эпоха, когда только что начиналось увлечение аэронавтикой.

Грабб и Берт слышали об этом в первый раз в концертном зале; затем они увидели это в кинематографе, но на воображение Берта всего больше подействовало чтение шестипенсовой книжки Джорджа Гриффита «Изгнанники воздуха». Так аэронавтика всецело покорила воображение Берта.

Прежде всего бросалось в глаза заметное увеличение количества воздушных шаров. Небо в Бен Хилле, казалось, было наполнено этими шарами. По четвергам и субботам, в особенности, нельзя было взглянуть на небо, без того, чтобы не увидеть где-нибудь воздушный шар. И вот, в один прекрасный день Берт, ехавший на своем мотоцикле в Кройдон, был задержан на дороге появлением какого-то огромного шаровидного чудовища, поднимавшегося над Хрустальным дворцом. Берт остановился и стал наблюдать. Внизу шара была прикреплена деревянная рама, где сидел человек и находилась машина: машина приводила в движение винт, очень быстро вращавшийся в носовой части дирижабля. Позади же помещался руль, сделанный из парусины. Издали могло показаться, что деревянная рама, где сидит человек, тащит за собой упирающийся шар, заставляя его двигаться. Это удивительное сооружение не только двигалось вперед, но несомненно его движениями можно было управлять. Поднявшись на высоту тысячи футов (Берт ясно слышал шум машины), оно направилось к югу, скрылось за холмами, затем появилось вдали, на востоке, в виде маленькой голубоватой полоски и, быстро двигаясь, вернулось к Хрустальному дворцу, обогнуло его башни и, выбрав место

для спуска, медленно опустилось и скрылось из глаз Берта.

Берт глубоко вздохнул и вернулся к своему мотоциклету.

Однако, это было только началом. Все чаще и чаще стали появляться в небесах странные фигуры, имевшие цилиндрическую, конусообразную или грушевидную форму, а однажды появилось какое-то сооружение из алюминия, необыкновенно блестящее и вызвавшее по чему-то в уме Грабба представление о броненосце.

Затем уже начались настоящие полеты. Однако, из Бен Хилла их нельзя было наблюдать, так как они совершались в особых, нарочно приспособленных для этого местах. При благоприятных условиях, Берт и Грабб узнавали об этих полетах только из статей дешевых газет или в кинематографической передаче. Но все же об этом говорили очень много, поэтому Берт решил повесить на окне магазина дощечку с надписью: «Здесь строят и чинят аэропланы». Том, увидев эту вывеску, взволновался. Ему казалось легкомысленным такое отношение к собственному делу. Но соседи Грабба и в особенности те, кто занимался спортом, очень одобряли его.

Все говорили о полетах и повторяли одни и те же слова, что «аэроплан должен вернуться!» Но аэропланы редко возвращались. Тут было что-то неладно. Правда, люди летали на аппаратах, тяжелее воздуха. Но эти аппараты часто ломались. Иногда погибала только машина, иногда аэроплан, а чаще—и то, и другое. Те самые аппараты, которые благополучно совершали полет и, поднявшись на три или четыре мили, возвращались обратно, в следующий раз подвергались катастрофе. Казалось, доверять им было невозможно, достаточно было малейшего ветерка, чтобы нарушить правильность их движений, или незначительной рассеянности аэронавта, чтобы все погубить. Словом, как будто выходило: идея аэропланов,—просто так и провалилась.

— Им не хватает устойчивости,—говорил Грабб, повторяя слова своей газеты.—Они бросаются во все стороны, пока не разлетятся в куски.

Мало-по-малу, после двухлетних ожиданий, интерес

к воздухоплаванию ослабел. Газетам надоело воспроизводить дорогие стоящие фотографические снимки с различных воздухоплавательных аппаратов, а публике надоело читать оптимистические отчеты, сменяемые сообщениями о катастрофах, за которыми следовало злобное молчание. Полеты на летательных аппаратах почти прекратились, и даже воздушные шары показывались теперь гораздо реже. Впрочем, воздухоплавание оставалось популярным спортом, и песочный балласт продолжал сыпаться на сады и луга жителей Бен Хилла. Но все-таки Том мог рассчитывать, по крайней мере, на десять лет спокойствия, так как воздухоплавание, повидимому, не развивалось далее. Теперь наступало другое увлечение, и Том, следивший с тревожным вниманием за появлением в небесах летательных машин, должен был теперь обратить свои взоры вниз, где тоже появились грозные симптомы надвигающихся изменений.

Об однорельсовой системе железных дорог говорили уже давно. Но настоящая беда началась лишь тогда, когда Бреннан выступил в Королевском обществе с демонстрацией гироскопического однорельсового *) вагона. Это произвело сенсацию, и в 1907 году общественное внимание было уже всецело поглощено этим открытием. Помещение, где был выставлен вагон, не могло вместить всех желающих. Храбрые солдаты, руководящие политические деятели, заслуженные беллетристы, благородные дамы запруживали узкий проход, проталкиваясь локтями

*) Гироскоп—прибор, основанный на принципе волчка. Если запустить волчок, то силой вращения он держится в вертикальном положении; как только волчок перестает вращаться—он падает на бок. Механическое свойство силы вращения таково, что она стремится сохранить неизменным положение оси вращения; если с осью вращения волчка-гироскопа соединено какое-нибудь тело—будет ли это стенка вагона или что другое—гироскоп, пока он вращается, будет удерживать это тело в плоскости вращения своей оси. Волчок-гироскоп, при практических его применениях в технике, делается, обыкновенно, в виде металлического тяжелого диска (колеса), насаженного на ось, причем волчок этот приводится во вращательное движение помощью электричества. Если такой волчок установить в однорельсовом вагоне, так, чтобы ось волчка была в горизонтальной плоскости (диск при этом будет вращаться в вертикальной плоскости, проходящей через продольную ось вагона), то все время, пока волчок-гироскоп будет вращаться, он не позволит вагону наклоняться ни вправо, ни влево. Однорельсовая железная дорога (с одним только рядом колес под каждым вагоном) действительно изобретена, но пока практического применения не получила. Более широко гироскопом пользуются для управления подводными лодками, чтобы удерживать их при плавании под водой в одной горизонтальной плоскости. Были также попытки применить гироскоп для сообщения устойчивости аэропланам.

вперед, и радовались, если им удавалось увидеть хоть кончик рельса. Великий изобретатель невнятно, но убедительно излагал публике историю своего изобретения и демонстрировал модель будущего поезда, которая послушно двигалась вдоль одного рельса, проходила закругления и подьемы, останавливалась, возвращалась назад и все время сохраняла равновесие. Гром аплодисментов сопровождал эту демонстрацию. Публика разошлась, рассуждая о том, какое должно быть наслаждение на такой стальной проволоке проехать над пропастью. «Представьте, если гироскоп остановится!» Но лишь очень немногие предвидели те перемены, которые должно было произвести изобретение Бреннана...

Через несколько лет никто уже не боялся ездить в вагоне, висящем над пропастью на стальной проволоке. Однорельсовая система вытеснила все другие способы передвижения, трамваи и железные дороги. Там, где земля была дешева, рельс был проложен по земле, где она была дорога—рельс висел в воздухе, прикрепленный к железным столбам. Легкие и удобные вагоны бежали во все стороны и выполняли все, что было нужно: прежняя система передвижения по двойным рельсам отжила свой век.

Когда старик Смоллуэйс умер, его сын Том сказал: «А ведь, когда он был молод, ничего не было выше наших труб, не было ни одной проволоки, ни одного каната в небесах!» Теперь же густая сеть проволок протянулась над Бен Хиллем, где электрическая компания поставила трансформаторы и устроила электрическую станцию около старого газового завода. Ветвь однорельсовой дороги прошла и в Бен Хилл. Кроме того, каждый местный горговец обзавелся уже собственным телефоном,—словом, телефон можно было найти почти в каждом доме.

Колонны, к которым прикреплен был рельс новой дороги, представляли собой мощные железные сооружения, выкрашенные в темно-голубой цвет. Сооружения эти резко выделялись на общем фоне городского пейзажа. Одна такая гигантская колонна возвышалась как раз около дома Тома, подавляя его своею величиной, а другая—в углу его огорода. Тут же находились две огромные доски с рекламами. Одна из этих реклам рекомендовала деше-

вые часы, другая—средство для укрепления нервов, но обе доски были поставлены почти горизонтально, для того, чтобы пассажиры, проезжающие в однорельсовых вагонах, могли читать эти объявления. Таким образом, рекламы служили крышей для навеса, где лежали садовые инструменты Тома и хранились грибы. И днем и ночью, над головою Тома быстро проносились вагоны, длинные комфортабельные, ярко освещенные с наступлением темноты. Когда они мчались ночью из Брайтона и Гастингса, это сопровождалось грохотом, и улицы внизу на мгновение освещались ярким светом, как во время грозы.

Такая же однорельсовая дорога проложена была и через Ламанш. Огромные железные сооружения, величиною с Эйфелеву башню, возвышались на полтора фута над водой. Но посредине они были сделаны еще выше, для того, чтобы дать проход пароходам Антверпенской и Гамбургско-Американской линии.

Наконец, и тяжелые товарные вагоны стали передвигаться только на двух колесах, вместо четырех. Это обстоятельство почему-то особенно сильно взволновало Тома, и он целый день ходил мрачный, после того как первый такой вагон промчался над его лавочкой...

Само собою разумеется, что общественное внимание было поглощено таким развитием однорельсовой гироскопической системы. Большую сенсацию произвело также открытие, сделанное мисс Патрицией Гидда, доктором геологии и минералогии лондонского университета. После кратковременной агитации в пользу женского избирательного права, она вернулась к своим научным трудам и занялась исследованием золотоносных скал Северного Уэльса. Во время этой работы у нее возникла мысль, что и под водой можно найти такие скалы. Чтобы проверить это, она воспользовалась подводным аппаратом доктора Альберта Кассини. Благодаря счастливому сочетанию интуиции, свойственной ее полу, и логики ученого—ей, действительно, удалось найти золото во время первой же подводной экскурсии; пробы под водой три часа, она поднялась наверх с грузом руды, содержащей золото в небывалом количестве: семнадцать унций в одной тонне! Но история ее подводной работы—хоть это и очень за-

нимательная история—должна быть рассказана в другое время. Теперь достаточно упомянуть только, что возобновление интереса к воздухоплаванию совпало с последующим возрастанием цен и развитием духа предприимчивости.

4.

Любопытно, как началось это новое, последнее увлечение воздухоплаванием. Оно налетело словно вихрь в тихую погоду, ничто не вызвало его—оно появилось само собой. Люди снова заговорили о летании, с таким видом, как будто они никогда и не переставали думать об этом. Рисунки и изображения полетов и летательных машин снова появились в газетах, и число статей о воздухоплавании заметно увеличилось, даже в серьезных журналах. В однорельсовых поездах люди спрашивали друг друга: «Когда же мы, наконец, полетим?» Изобретатели воздухоплавательных аппаратов вырастали, точно грибы после дождя. Аэро-клуб возвестил о своем проекте устроить грандиозную выставку летательных машин, которая будет помещаться на огромной площади, оставшейся после сношения всех трущобных домов в Уайт-Чепеле.

Эта волна скоро докатилась и до Бен Хилла. Грабб вытащил из под-спуда модель своей летательной машины и начал пробовать ее во дворе, позади своей лавочки. Ему удалось добиться чего-то вроде полета, но при этом были разбиты семнадцать оконных стекол и девять цветочных горшков в оранжерее, находившейся на соседнем дворе.

И вот, наконец, неизвестно откуда явился упорный, волнующий слух, что проблема воздухоплавания разрешена, что тайна уже известна. Берт услышал это в одной гостинице, близ Нэтфильда, куда он заехал отдохнуть, во время поездки на своем мотоцикле. Там он встретился с каким-то субъектом в хаки, повидимому, сапером, который очень заинтересовался его машиной и начал внимательно рассматривать ее. Это был довольно прочный аппарат, но, принимая во внимание быстро меняющиеся времена, он мог уже считаться старым, так как су-

ществовал почти восемь лет. Осмотрев с серьезным видом машину Берта, солдат сказал: «В следующий раз я уже отправлюсь на аэроплане. Мне надоело таскаться по всяким этим дорогам».

— Да, одни только разговоры об этих аэропланах,— заметил с недоверием Берт.

— О них говорят и их делают. Это будет скоро.

— Все «скоро» да «скоро». Я поверю, когда увижу своими глазами.

— Дождаться придется недолго.

Разговор принял характер дружеского спора.

— Говорю вам, что я видел, как они летают,—настаивал на своем солдат.—Я сам видел это.

— Мы все это видели,—возражал Берт.

— Да я вовсе не имел в виду эти полеты и падения? Я говорю о настоящем, безопасном и управляемом полете, даже при противном ветре.

— Ну, положим: таких полетов вы не видали!

— Видел! В Альдершоте. Но это держат в секрете. И хорошо делают. Не станет же наше военное министерство рауглашать эту тайну.

Недоверие Берта пошатнулось. Он закидал солдата вопросами, и тот отвечал:

— Я вам вот что скажу. У них есть огороженное место, так, в квадратную милю, нечто вроде долины, окруженной проволоочно изгородью; изгородь—вышиной в десять футов и вся усажена шипами. Там, внутри, они и занимаются этими делами. Но в лагерь проникают слухи, и нам удалось кое-что подсмотреть. Однако, не мы одни имеем такие аппараты. Они, конечно, есть и у японцев, и у немцев! Я не могу допустить, чтобы и французы отстали от нас в этом отношении. Ведь они изобрели броненосцы, подводные лодки, они развили судоходство; возможно ли, чтобы они тут оставались позади?

Солдат стоял перед Бертом, расставив ноги и с серьезным видом набивал свою трубку. Берт облокотился на низкий забор и прислонил к нему свой мотоциклет.

— Вот, если теперь война—занятая это будет штука!—заметил Берт.

— Да, вопрос разрешится скоро,—сказал солдат.—Когда это случится, то начнется ужасное представление. Но уверяю вас, что каждый будет на своем месте, когда поднимется занавес... Вот будет сражение тогда! Вам в газетах об этом не случалось читать?

— Я читал кое-что.

— Ну, так обратили вы внимание на замечательный случай исчезновения изобретателя: он уже произвел публично несколько весьма удачных опытов, и затем о нем больше ничего не было слышно?

— Что-то не помню.

— А я знаю такие факты. Какой-нибудь изобретатель добился в этом отношении успеха. И вдруг он исчезает, как будто проваливается сквозь землю! Скоро о нем уже никто ничего не слышит. Понимаете? Такие изобретатели исчезают. Уходят и не оставляют своего адреса. Спустя некоторое время—впрочем, это уже старая история!—появляются братья Райт из Америки. Они как-то проскользнули мимо и потерялись из виду. Да, да, они исчезли... Потом эти ирландцы... Я забыл их имя. Все говорили, что они умеют летать. И они тоже исчезли из виду. Я слышал, что они живы, но правда ли это—никто с достоверностью сказать не может. Где они—никто не знает. А вот еще этот парень, который облетел вокруг всего Парижа и опрокинулся в Сену. Де-Булей, кажется? Забыл его имя. Его полет был замечателен, несмотря на несчастный конец. Куда же он девался? Ведь он не пострадал от падения? Но о нем также не слышно...

Солдат стал раскуривать свою трубку.

— Похоже на то, как будто их всех захватывает какое-нибудь тайное общество,—заметил Берт.

— Тайное общество? Не-ет, не то...

Солдат зажег спичку и поднес ее к трубке, которую держал во рту.

— Тайное общество?—проговорил он сквозь зубы и бросил спичку.—Скорее, это военное министерство, вот что. Говорю вам, что нет теперь ни одной крупной державы в Европе, Азии, Америке или Африке, которая не запаслась бы уже одной или двумя летательными машинами. Но только державы хранят это в тайне. Уверяю вас,

что нет ни одной! И у каждой есть настоящие летательные аппараты, вполне годные к употреблению. А как они шпионят друг за другом, к каким прибегают уловкам, чтобы выведать тайну других! Ни один иностранец, сэр, даже никто из туземных жителей, не может теперь проникнуть в заповедные места около Лидса, не говоря уже о нашем небольшом округе в Альдершоте и экспериментальном лагере в Голузе. О, нет!

— Хорошо,—решительным тоном заявил Берт.—Я постараюсь как-нибудь проникнуть туда, чтобы увидеть собственными глазами. Увижу—и тогда поверю, это я обещаю вам.

— Вы скоро увидите,—ответил солдат, садясь на свой велосипед.

Сдвинув на затылок свою шапку, Берт остался стоять у стены, держа в руках папироску и задумчиво поглядывая вслед умчавшемуся велосипедисту.

— Если только он говорит правду,—сказал, наконец, Берт,—то мы с Граббом совершенно напрасно теряем золотое время. Не говоря уже об убытках из-за этой разбитой оранжереи...

5.

Как раз в то время, когда Берт всецело был поглощен мыслью о своем таинственном разговоре с солдатом, случилось удивительное событие, представляющее одну из самых драматических глав человеческой истории. Явилась возможность летать. Люди обыкновенно очень просто говорят о событиях, составляющих эпоху в истории. А это было именно такое событие мировой важности. Неожиданно и незаметно была разрешена важная задача. Мистер Альфред Беттеридж совершил полет из лондонского Хрустального дворца в Глазго и обратно на небольшом аппарате тяжелее воздуха; впрочем, аппарат производил впечатление уже настоящего, годного для практических целей. Беттеридж в совершенстве управлял этой машиной, которая летала, точно голубь.

Все почувствовали, что это был уже действительно гигантский скачок вперед, разрешивший проблему возду-

хоплавания. Мистер Беттеридж держался в воздухе в продолжение девяти часов и летал с такою уверенностью и легкостью, как будто он и в самом деле превратился в птицу. Но его летательный аппарат не был похож ни на птицу, ни на бабочку, не имел так же таких широких боковых поверхностей, какие бывают у аэропланов. Он скорее напоминал своим видом большую пчелу или осу. Некоторые части аппарата вертелись с огромною быстротой, производя впечатление каких-то прозрачных крыльев. Другие части, включая особенно изогнутые «надкрылья»,—если уж продолжать сравнение аппарата с летающей пчелой,—оставались во время полета совершенно неподвижными. Посредине находилось длинное, кругловатое тело, напоминающее видом тельце моли; на нем сидел верхом мистер Беттеридж, совершенно так, как сидят на лошади. Сходство с осой увеличивалось еще тем, что во время летания аппарат издавал жужжащий звук, совершенно такой, какой издает оса, когда она бьется об оконное стекло.

Мистер Беттеридж поразил весь мир, внезапно появившись на своем аппарате. Он был одним из тех неизвестно откуда являющихся людей, которые предназначаются судьбой служить стимулом для всего остального человечества. Одни говорили, что он приехал из Америки или Австралии, другие утверждали, что он явился из южной Франции. Про него рассказывали также, что он был сыном человека, нажившего хорошее состояние производством стальных перьев с золотыми кончиками и изобретением «Самонипущего пера Беттериджа». Но, на самом деле, это был совсем другой Беттеридж. Наш мистер Беттеридж был в течение нескольких лет членом большинства существующих воздухоплавательных ассоциаций, правда, совершенно незаметным, хотя у него и был громкий голос, внушительная наружность, зазорное фанфаронство и вызывающие манеры.

В один прекрасный день он написал во все лондонские газеты, что уже сделал приготовления к полету из Хрустального дворца на своем аппарате, и что изобретением этого аппарата окончательно разрешены все затруднения в деле воздухоплавания. Но лишь немногие из га-

зет напечатали его письмо, и еще меньше нашлось таких людей, которые поверили ему. Никто даже не взволновался тем обстоятельством, что обещанный полет был отложен. На лестнице одного первоклассного отеля на Пикадилли Беттеридж хотел, по причинам личного характера, отхлестать одного знаменитого немецкого музыканта; вышел скандал, помешавший полету. В газетах было различно рассказано об этом, притом и самая фамилия Беттериджа была переврана. Само собою разумеется, что, пока он не совершил полета, он не мог привлечь к себе ничьего внимания. Едва ли нашлось тридцать человек, пожелавших взглянуть на его аппарат, когда он открыл для публики двери огромного сарая, где находился аппарат. Это было нечто вроде огромной модели мегатерия, выставленной в Хрустальном дворце. И вот, наконец, это гигантское насекомое с жужжанием вылетело навстречу пренебрежительному и неверующему миру.

Но прежде чем Беттеридж во второй раз облетел башни Хрустального дворца, молва о нем уже распространилась везде. Спавшие на улицах около Трафальгарской площади бродяги с испугом повскакали со своих мест, услышав жужжание его аппарата, и увидели, как он огибал колонну Нельсона. А когда он перелетел через Бирмингэм, в половине десятого вечера, слава о нем уже прогремела по всей стране. То, в чем уже начинали отчаиваться, было достигнуто. Человек мог летать, безопасно и хорошо!

Вся Шотландия выпучила глаза, когда он прилетел туда. Он был в Глазго в час дня, и говорят, что в этом промышленном улье не было ни одной фабрики, ни одной верфи, где бы работа могла начаться в этот день раньше половины второго. Все глазели на летающего человека. Мир привык считать проблему летания почти неразрешимой, но все были уже настолько осведомлены в вопросах воздухоплавания, что могли оценить по достоинству изобретение Беттериджа. Он обогнул университетские строения и опустился на склоне Джиллмура при доносившихся к нему из Вест-Энда громких восторженных криках толпы. Он летал на своем аппарате уверенно и спокойно, со скоростью приблизительно трех миль

в час, описывая широкие круги в воздухе. Громкое жужжание, сопровождавшее его полет, могло бы совершенно заглушить его звучный голос, если бы он не запасся предусмотрительно мегафоном *). Он очень ловко маневрировал, избегая однорельсовых кабелей, церквей и других высоких строений, когда приближался к земле.

— Мое имя Беттеридж,—кричал он глазевшей внизу толпе.—Б-е-т-е-р-и-д-ж! запомните хорошенько! Моя мать была шотландка...

Убедившись, что его поняли, он снова поднялся вверх при громких, патриотических криках толпы и легко и свободно полетел дальше, то поднимаясь, то опускаясь; волнообразные движения аппарата чрезвычайно напоминали полет осы.

Возвращение Беттериджа в Лондон, после того как он посетил Манчестер, Ливерпуль и Оксфорд, выкрикивая везде свое имя, произвело неслыханную сенсацию. Все жители высыпали на улицу и глазели на небо. На городских улицах, пожалуй, за три месяца не перебивало столько народа, сколько в один этот день; у Вестминстерского моста чуть не произошло несчастье с пароходом: пароход налетел на сваю, вследствие того, что шкипер загляделся на небо.

Беттеридж вернулся к вечеру в Хрустальный дворец,—это классическое место для всех воздухоплавательных опытов,—и благополучно ввел свой аппарат в сарай и захлопнул дверь перед самым носом фотографов и журналистов, ожидавших его возвращения.

— Вот что, ребята,—сказал он, обращаясь к ожидавшей его толпе, когда его ассистент запер ворота сарая,—я смертельно устал и едва могу стоять. Я не в состоянии говорить с вами теперь. Мое имя: Беттеридж... Б-е-т-е-р-и-д-ж. Запомните хорошенько. Я—империалист... Мы поговорим завтра...

Ассистент Беттериджа с трудом проложил себе дорогу через толпу назойливой молодежи, наступавшей на него с записными книжками и фотографическими каме-

*) Прибор, усиливающий звук человеческого голоса.

рами в руках. А Беттеридж стоял, выпрямившись во весь свой высокий рост, доминируя над толпой, окружавшей его. В этот момент он был самым знаменитым человеком в стране! И этот мегафон, которым он сейчас размахивал, был как бы символом его славы.

6.

Том и Берт Смоллуэйс, оба видели возвращение Беттериджа. Они наблюдали за ним с вершины холма, откуда часто следили за пиротехническими опытами в Хрустальном дворце. Берт был очень возбужден, а Том был спокоен и тупо смотрел на происходившее. Но ни тот, ни другой не могли знать тогда, какое огромное влияние будет иметь это событие на их собственную жизнь. Берт только заметил:

— Быть может, это заставит старину Грабба кое-что переменить в своей лавчонке и бросить в огонь свою благословенную модель аэроплана. Не думаю, однако, чтобы это могло спасти нас, если только мы не поплывем по течению и не ухватимся за новую идею.

Берт был уже настолько внаком с проблемами аэронавтики, что мог вполне оценить значение нового открытия. Гигантская пчела должна была, по его выражению, «вскружить голову газетным репортерам». Действительно, на другой день все газеты и журналы совершенно были черны от поспешных фотографических снимков. Статьи скорее напоминали горячечный бред, нежели произведения печати. На другой день было еще хуже. К концу недели все улицы были полны криками газетчиков, сообщавших различные подробности, касающиеся личности изобретателя и тех необыкновенных требований, которыми он обставлял свое согласие открыть тайну изобретения.

Действительно, он окружил свое изобретение непроницаемой тайной. Он сам построил свой аппарат в уединенном и безопасном убежище, предоставленном ему администрацией Хрустального дворца. Ему помогали рабочие, изготовлявшие для него отдельные части, но не интересующиеся целым. На другой день после своего по-

лета он собственноручно разобрал свой аппарат, запаковал некоторые главные части, а затем, призвав мало интеллигентных помощников, уложил все остальное в запечатанные ящики и отправил в различные склады технических изделий, где его машины были тщательно спрятаны. Такие предосторожности оказывались далеко не лишними: был огромный спрос на какие-нибудь фотографические снимки или эскизы с его аппарата. Но мистер Беттеридж, продемонстрировав свой аппарат, не желал давать более никаких разъяснений. Он хотел сохранить свою тайну от преждевременного раскрытия.

Мистер Беттеридж обратился к британской публике с вопросом: желают ли получить его изобретение или нет? Он заявлял, что он—империалист и прежде всего желает, чтобы исключительно Англия воспользовалась его открытием, только...

Вот тут-то и начались затруднения!

Беттеридж был, очевидно, человеком совершенно свободным от всякой ложной скромности, пожалуй, даже лишенным всякой скромности. Он очень охотно принимал газетных корреспондентов, отвечал на какие угодно вопросы, за исключением того, что касалось аэронавтики, высказывал мнения, критиковал, сообщал автобиографические подробности, раздавал свои портреты, позировал для фотографов и вообще наполнял собою вселенную. На его портретах прежде всего бросались в глаза его огромные черные усы и свирепое надменное выражение лица. Общее впечатление было таково, что Беттеридж—ничтожный человек. Действительно выдающийся человек не мог бы смотреть так вызывающе на всех. Но в физическом отношении Беттериджа можно было назвать выдающимся человеком. Ростом он был шесть футов два дюйма, и вес его был пропорционален росту. Кроме того, у него была любовная история, весьма странного и необычного характера, о которой он не стеснялся говорить. Британская публика, такая строгая в вопросах морали, к ужасу своему узнала, что сочувственное отношение к любви м-ра Беттериджа ставится непременно условием продажи м-ром Беттериджем его тайны, от которой зависела судь-

ба воздухоплавания в Британской империи. Точные подробности этой любовной истории не были никому известны, но, повидимому, героиня, — выражаясь словами одной из неопубликованных речей Беттериджа, — повинаясь голосу своего благородного сердца, неосторожно вступила в брак с «трусливым хорьком». Беттеридж, очевидно, любил зоологические сравнения. Такой поступок окончательно погубил ее социальное положение и счастье. Беттеридж очень хотел подробно распространиться об этом предмете, для того, чтобы показать во всем блеске возвышенность натуры своей возлюбленной. Но это привело в большое смущение газеты, всегда обнаруживавшие большую сдержанность в этом отношении и поэтому не решавшиеся печатать такие, слишком интимные, подробности личной жизни изобретателя. Вообще, было очень неловко слушать его рассказы об этом, хотя Беттеридж с чрезвычайною готовностью раскрывал свою душу перед журналистами, и они никак не могли избежать его признаний. Он славословил свою любовь и требовал, чтобы газеты писали о ней.

— Но ведь это, в конце концов, частное дело, — возражали ему.

— Несправедливость, сэр, — это дело, касающееся всего общества, — говорил он. — Мне все равно, имею ли я тут дело с учреждениями или отдельными личностями, и против кого я встаю! Я защищаю дело женщины, женщины, которую люблю, непонятой, благородной женщины, сэр! Я хочу отомстить всему миру за нее!

— Я люблю Англию, — прибавлял он обыкновенно. — Да, я люблю ее. Но пуританизм — я ненавижу. Я питаю к нему невыразимое отвращение. Он стоит у меня поперек горла. Возьмите, например, обстоятельства моего дела...

Он постоянно возвращался к этому вопросу и требовал от газетных корреспондентов, чтобы ему показывали оттиски. Если они недостаточно распространялись в своих отчетах о его любовных чувствах и разглагольствований, то он вычеркивал все остальное.

Да, для британской журналистики настали тут трудные времена! Никогда еще не бывало более несложной

и неинтересной любовной истории, менее возбуждавшей сочувствие публики. А между тем, публика была чрезвычайно заинтересована открытием Беттериджа. Но когда интервьюерам удалось отвлечь на некоторое время Беттериджа от его любимой темы, то он начинал говорить расстроенным голосом и со слезами на глазах о своем детстве, — о матери, представлявшей настоящий кладезь всех материнских добродетелей, и к тому же «шотландке». Она была почти красавицей, по словам Беттериджа.

— Я — всем обязан моей матери, — заявлял он, — всем!.. Впрочем, спросите любого человека, достигшего чего-нибудь в жизни, и он вам скажет то же самое. Всем, что мы имеем, мы обязаны женщинам. Они — хранительницы рода. Мужчина не более, как призрак. Он приходит и уходит, как сон. Но душа женщины ведет нас к прогрессу...

В таком роде Беттеридж разговаривал со всеми репортерами.

Что, собственно, он желал получить от правительства за свой секрет, он не говорил. И затем — непонятно было, чего можно ожидать в данном случае от современного государства, кроме уплаты денег. Общее впечатление было таково, что он не столько стремится получить что-нибудь, сколько желает воспользоваться беспримерным случаем, чтобы покрасоваться и прокричать о себе на весь мир. Между тем, стали распространяться различные слухи о его происхождении. Говорили, что он был владельцем большого отеля в Капштадте, где однажды остановился один молодой, очень скромный изобретатель, по имени Паллизер, приехавший в южную Африку из Англии и находившийся в последнем градусе чахотки. Беттеридж видел его планы и чертежи, и, когда изобретатель умер, он похитил его бумаги и уехал с ними. Так, по крайней мере, утверждали наиболее распространенные американские газеты. Но ни опровержения, ни подтверждения этих слухов так и не было сделано.

Беттеридж со страстью вступал в спор, доказывая себе право на получение различных денежных премий. Некоторые из этих премий за успешный механический полет были объявлены еще в 1906 году. Около того времени, когда Беттеридж появился со своим изобретением, мно-

гие газеты, уверенные в безуспешности таких попыток, объявили, что уплатят громадные суммы первому человеку, который пролетит из Манчестера в Глазго, из Лондона в Манчестер, словом, пролетит сто или двести миль. Большинство этих газет, впрочем, обусловило платеж различными оговорками и теперь отказывалось платить. Но одна или две газеты всетаки заплатили и громогласно заявили об этом; мистер Беттеридж затеял иски против тех, которые отказывались платить, продолжая в то же время усиленно агитировать и добиваться, чтобы правительство купило у него изобретение.

Для всех, однако, было очевидным фактом, что Беттеридж, несмотря на все его хвастовство и прочие личные качества, несмотря на его постоянные разговоры о любовных делах, был всетаки единственным человеком, владевшим секретом постройки управляемого аэроплана, и от этого секрета зависела не только будущность авиации, но, пожалуй, даже будущность мирового положения империи. К великому огорчению огромного большинства, включая сюда и Берта, переговоры о покупке этого драгоценного секрета британским правительством, если таковые, действительно, происходили, по видимому не могли увенчаться успехом. Лондонская газета «Дэйли Реквием» первая высказалась по поводу этого и напечатала интервью под грозным заглавием: «Мистер Беттеридж выражает свое мнение».

В этом интервью изобретатель,—если только он был им в действительности,—изливал свое негодование.

— Я приехал сюда с другого конца света,—говорил он, отчасти подтверждая этим слухи насчет Капштадта,—я привез на свою родину секрет, который должен доставить ей мировое владычество...—И что же я встречаю здесь?—Он сделал паузу.—Старые мандарины пренебрегают мной... а с женщиной, которую я люблю, обращаются, как с прокаженной!

— Я империалист!—напыщенно заявил он в интервью, написанном его собственной рукой.—Но существуют границы и для человеческого сердца! Есть более молодые, более предприимчивые нации, которые не

дремлют и не задыхаются беспомощно в тисках различных формальностей и рутины. Такие нации не станут колебаться и не будут подвергать опасности свое государство из-за желания выказать свое пренебрежение к человеку, имя которого им неизвестно, и оскорблять женщину, у которой они недостойны даже развязать ботинок! Есть нации, не подчиняющиеся слепо разным ученым и не отдающие себя в руки ничтожным выскочкам и выродившимся декадентам. Короче говоря, запомьте мои слова: есть другие нации!

На Берта Смоллуэйса эти слова произвели потрясающее впечатление.

— Если этим секретом завладеют немцы или американцы,—сказал он с ударением своему брату,—то Британская империя погибла! Наш британский флаг, «Юнион Джэк», превратится в простую тряпку, помани мое слово, Том!

— Не можешь ли ты, Берт, помочь нам отнести сегодня утром картофель в город? — обратилась к нему Джессика с вопросом, когда он замолчал.—Все требуют молодого картофеля. А Том не в состоянии всех удовлетворить.

— Мы живем на вулкане,—продолжал Берт, не обращая внимания на Джессику.—Каждый момент может разразиться война... и какая война!

Он с зловещим видом покачал головой.

— Возьми этот мешок, Том,—сказала Джессика и, внезапно повернувшись к Берту, настойчиво спросила:—Ты ведь можешь пожертвовать нам одно утро, Берт?

— Да, могу,—сказал Берт.—В лавке дела мало. Но эта опасность, которая грозит нашей империи, не дает мне покоя!

— Не думай об этом,—сказала Джессика.

Берт, согнувшись под тяжестью мешка с картофелем и под тяжестью своих патриотических огорчений, вышел из лавочки наружу—в мир перемен и чудес. В его душе все сильнее и сильнее закипало раздражение против Джессики и против этого безобразного мешка с картошкой.

Глава II.

Как Берт попал в затруднительные обстоятельства.

I.

Ни Том, ни Берт Смоллуэйс, конечно, не предполагали, что замечательный полет мистера Беттериджа может как-нибудь повлиять на их судьбу. Они не думали, что, благодаря ему, они выдвинутся из миллиона других людей, таких же, как они сами. Полюбовавшись с вершины Бен Хилла на летательную машину, на ее вращающиеся плоскости, отсвечивающие золотом в лучах заката, они пошли домой, а машина, с жужжанием, спустилась к своему сараю. Оба брата были заняты мыслями о том разговоре, который начался между ними еще до того, как мистер Беттеридж во славе вынырнул из лондонского тумана.

Это был очень неприятный и бесплодный спор. Когда они направлялись к вершине холма, чтобы посмотреть на полет, грохот гироскопических моторных вагонов, пересекающих Гай-стрит, заглушал их слова, так что приходилось прямо кричать. А между тем, разговор их был частного характера. Но они оба были раздражены и горячились. Дела Грабба шли плохо, и он предложил поэтому Берту быть его компаньоном. Последнее время Берт не получал от него жалованья, и отношения между хозяином и Бертом—были самые неопределенные.

Берт старался убедить Тома, что преобразованная компания «Грабб и Смоллуэйс» для рассудительного человека с небольшим капиталом представляет небывалые преимущества и выгоды. Но тут Берт пришлось лишний раз убедиться,—как в чем то новом, что Том был совершенно неспособен воспринять какую-нибудь идею. В конце концов, однако, оставив в стороне всякие финансовые соображения и опираясь исключительно на чувства братской привязанности, Берт получил от Тома в долг совершен, обязавшись честным словом вернуть ему эти деньги.

Фирма «Грабб и Смоллуэйс» (прежде Грабб) была как-то особенно несчастлива в этом году. Уже в течение нескольких лет Грабб боролся с неудачами в своей маленькой лавочке на Гай-стрите, украшенной разноцветными объявлениями о велосипедах и уставленной всевозможными принадлежностями велосипедного спорта; тут были целые коллекции звонков и брюкодержателей, жестянки для масла, насосы, чехлы, сумки, объявления: «Велосипеды на прокат», «Ремонт», «Надувание шин бесплатно», «Бензин»—и так далее. Грабб был агентом многих неизвестных велосипедных фабрикантов, но весь его наличный запас заключался лишь в двух образцах. Иногда ему удавалось продать что-нибудь. Он брал также починку и делал все, что мог, хотя не всегда удачно исправлял то, что ему приносили. Он продавал дешевые граммофоны и делал небольшие дела с музыкальными ящиками. Но основу его коммерческого предприятия всетаки составлял прокат велосипедов. Это было, во всяком случае, странное предприятие, которое не считалось ни с какими известными коммерческими или экономическими принципами, вообще,—ни с какими принципами. В лавочке находился запас дамских и мужских велосипедов, очень плохих, но несколько подновленных, которые и отдавались на прокат нетребовательным и беспечным или ничего несмыслящим в устройстве велосипеда людям. Грабб брал по шиллингу за первый час и по шести пенсов за остальные. Но в действительности, у него не было установленной таксы, и настойчивые мальчуганы могли получить велосипед и подвергнуть себя опасности за ничтожную сумму в три пенса, если только им удавалось убедить Грабба, что больше у них нет денег. Грабб прилаживал седло и руль к велосипеду, отдаваемому на прокат, и, взяв валог (он делал исключение только для известных ему клиентов), смазывал машину и затем предоставлял клиентов их собственной судьбе. Обыкновенно «он» или «она», взявшие велосипед, возвращались в лавочку, но в серьезных случаях Берт или Граббу приходилось самим отправляться за своими велосипедами, чтобы доставить их домой. Плата всегда удерживалась ими из залога и

рассчитывалась по то время, когда велосипед был доставлен назад, в лавочку. Очень редко велосипеды, отдаваемые ими, находились, действительно, в безукоризненном состоянии. Обыкновенно, в каждой отдельной части велосипеда уже заключалась возможность катастрофы: и в винте, прикрепляющем седло, и в непроводных педалях, и в плохо соединенных звеньях цепи, и в руле и, больше всего, в тормозах и шинах. Стук и звон, и странный ритмический треск сопровождали отважного велосипедиста, когда он мчался по дороге. Случалось, что колокольчик переставал звонить или тормоз отказывался служить, когда велосипедист спускался с холма. Иногда соскальзывала подушка, или седло вдруг опускалось на три или четыре дюйма ниже, производя неприятный толчок, или слишком свободная цепь соскакивала с шестерни, в то время, как велосипед спускался с горы—машина внезапно останавливалась, и велосипедист летел кувирком. Порою шина отказывалась служить и, испустив глубокий вздох, падала на землю...

Когда велосипедист возвращался пешком, разгоряченный ходьбой, Грабб, игнорируя всякие словесные жалобы, с серьезным видом исследовал машину и говорил:

— Так нельзя обращаться с велосипедом;—затем он начинал мягко увещевать пострадавшего.—Ведь не можете же вы ожидать, чтобы велосипед брал вас на руки и вез,—говорил он в таких случаях.—Вы должны были действовать разумно. Ведь это же не что иное, как машина!

Случалось, впрочем, что процесс ликвидации последующих жалоб кончался рукоприкладством. Правда, приходилось тратить много слов на убеждения и подвергаться большим неприятностям, но ведь в такие прогрессивные времена нельзя жить, если не производишь шума около своего дела. Порою приходилось очень трудно, но зато прокат велосипедов доставлял всетаки верный доход, пока, наконец, двое, чрезвычайно настроенных велосипедистов нечувствительных к реторике, не произвели полного разгрома в лавочке Грабба, разбив окна и повредив выставленные образцы. Это были огромные грубые кочегары из

Гревсэнда. Один был недоволен тем, что у него отвалилась левая педаль, а другой тем, что у него шина ослабела. В сущности, это были ничтожные приключения, на которые не стоило бы обращать внимания. Несомненно, это произошло от грубого обращения с таким нежным механизмом, но велосипедисты и слышать не хотели об этом. Конечно, они прибегли к довольно странному доводу, и, желая убедить хозяина лавочки в том, что он дал им плохие велосипеды, они выбросили на улицу его насос и, захватив его запас гонгов, швырнули их ему обратно, через окно. Само собою разумеется, что такой метод убеждения не мог подействовать на Грабба или Берта, а только еще пуще раздражал и сердил их. Одна ссора всегда влечет за собой другую, и поэтому нелюбезный поступок велосипедистов вызвал спор между Граббом и домовладельцем по вопросу о законной и нравственной ответственности за разбитые стекла в окнах. Спор этот достиг высшей точки как раз накануне Троицына дня, и в результате Грабб и Смолдуэйс должны были прибегнуть к ночному стратегическому передвижению на новые позиции.

Впрочем, они уже давно имели в виду эту позицию. Это была маленькая, похожая на сарай, лавочка, с витриной и комнатой позади. Она помещалась как раз у крутого поворота дороги, в нижней части Бен Хилла. Здесь они мужественно боролись с преследовавшими их неудачами, и, несмотря на приставания своего прежнего домохозяина, не теряли надежды на какие-нибудь счастливые случайности, которые помогли бы им выпутаться из затруднительных обстоятельств. Казалось, местоположение лавочки благоприятствовало этому, но и тут их постигло разочарование.

Большая дорога, идущая из Лондона в Брайтон, через Бен Хилл, достигла своего теперешнего значения постепенно, подобно Британской империи или Британской конституции. В противоположность другим европейским дорогам, британские большие дороги никогда не подвергались выравниванию и выпрямлению, и от этого, вероятно, зависит их живописность. Старая Бен-Хиллская большая улица в конце круто спускалась на

восемьдесят или сто футов, поворачивала под прямым углом налево и, образуя изгиб на расстоянии тридцати ярдов, подходила к кирпичному мосту, проложенному через высокую канаву, где некогда протекала речка Отербэри. Отсюда дорога снова круто поворачивала направо, огибала густую рощу и, наконец, перестав извиваться в разные стороны, становилась обыкновенной, прямой и ровной дорогой. Раньше чем Берт и Грабб поселились в лавочке у крутого поворота дороги, там было несколько несчастных случаев с лошадьми, повозками и велосипедами и, говоря откровенно, именно это обстоятельство, то-есть вероятность других, подобных же несчастных случайностей, побудило их выбрать это место.

Однако, вначале их планы поправить свои дела носили несколько юмористический характер.

— Тут как раз такое место, где можно снискать пропитание, разводя кур,—заметил Грабб.

— Ну, вы ничего этим не наживете,—возразил Берт.

— Если ваша курица попадет под автомобиль, то ведь вам за нее заплатят,—сказал Грабб.

Когда они поселились на новом месте, то вспомнили этот разговор. Но кур держать было негде; для них не было места. Новая лавочка имела более современное устройство, нежели прежняя: тут была большая витрина из цельного стекла.

— Рано или поздно,—сказал Берт,—к нам сюда в'едет автомобиль.

— Это было бы хорошо,—заметил Грабб.—Тогда мы потребовали бы вознаграждения. Я бы ничего не имел против, еслиб он залез прямехонько в лавку и даже еслиб я получил ушиб... А пока,—лукаво проговорил Берт,—я пойду и куплю собаку.

Он так и сделал. Он купил трех собак, одну за другой, и очень удивил продавцов собак в Баттерси, когда потребовал себе непременно глухую собаку. Он отвергал всякую собаку, которую предлагали ему, если только замечал, что она настораживает уши

— Мне нужен хороший, глухой, малоподвижный пес, такой, который ни за что не сойдет с места, — говорил он.

Продавцы собак высказывали при этом совершенно ненужное любопытство и заявляли Берту, что глухие собаки попадаются редко.

— Видите ли,—говорили они,—собаки не бывают глухими.

— Но моя собака должна быть глухой,—настаивал он.—У меня уже бывали собаки не глухие. Такие мне не нужны. Видите ли, я продаю граммофоны. Конечно, я должен заводить их, чтобы показать покупателям. Ну вот, собака, не глухая, не любит этого. Она приходит в возбужденное состояние, обнюхивает, лает, ворчит. А это волнует покупателя. Понимаете? Притом же собака, не глухая, склонна фантазировать, принимает проходящих людей за ночных грабителей и готова сражаться с каждым прощумевшим автомобилем. Все это недурно, если вы нуждаетесь в оживлении местности, где вы живете. Но мне этого не нужно. Наше место достаточно оживлено и так. Мне не нужна такая собака. Мне нужна спокойная собака.

В конце концов, ему удалось раздобыть трех глухих псов. Но ничего хорошего из этого не вышло. Первая собака убежала, не обращая внимания на зов. Вторая была убита ночью моторным вагоном, нагруженным фруктами, который быстро исчез, прежде, чем Грабб успел сойти вниз. Третья попала в переднее колесо проезжавшего велосипедиста, который пробил в витрине стекло. Он оказался актером без занятий и, кроме того, банкротом. Этот господин стал требовать вознаграждения за какие-то воображаемые увечья и слышать ничего не хотел о ценной собаке, которую убил, и о разбитом стекле. Посредством грубых, физических приемов, он заставил таки Грабба исправить ему погнувшееся переднее колесо. Но этим дело не кончилось, и его поверенный забросал несчастных владельцев лавочки самыми невозможными требованиями, на которые Грабб старался отвечать язвительно, что было, по мнению Берта, ошибкой.

Дела шли все хуже и хуже. Заколостили досками разбитую витрину, и по этому поводу у них возникли очень неприятные пререкания с новым домохозяином, Бен Хиллским мясником. Это был грубый, крикливый человек и он был очень недоволен, что окно остается долго невставленным. Это напомнило хозяевам лавочки, что у них еще не улажен спор с прежним домовладельцем. Таково было положение вещей, когда Берт решил обратиться к Тому и уговорить его вложить деньги в дело, чтобы получать хорошие проценты. Но Том не был склонен к предприимчивости и наотрез отказался...

Злой рок, преследовавший компанию «Грабб и Смоллуэйс», нанес последней удар их предприятию и окончательно погубил его.

2.

Только совсем несчастные люди не могут веселиться, но Берт и Грабб еще не были такими; поэтому, когда наступил праздник Троицы, они почувствовали желание забыть на время о своих огорчениях. Отчасти этому способствовало и то, что Берт все-таки занял деньги у брата, и так как почти половина отдаваемых на прокат велосипедов была у них взята от воскресенья до понедельника, то они могли позволить себе отдохнуть от своих работ в Троицын день, чтобы потом уже со свежими силами вернуться в свою лавочку. Утомленный и обескураженный человек не может придумать ничего хорошего! Случилось, что как раз перед тем они познакомились с двумя молодыми девушками, служившими приказчицами в магазине Клэнгема. Это были мисс Флосси Брайт и мисс Эдна Бэнтон. И вот, на Троицу было решено устроить вчетвером маленькую увеселительную поездку в Кент, чтобы провести день на лоне природы между Ашфордом и Мэдстоном.

Мисс Брайт умела ездить на велосипеде, и для нее отыскивали дамский велосипед, конечно, не из тех, которые отдавались на прокат, а из лучших, которые специально предназначались для продажи. Но мисс Бэнтон—симпатия Берта—не умела ездить на велоси-

педу. Берт с большим трудом раздобыл для нее на прокат плетеную корзину на колесах, которую и прикрепил к своему мотоциклету. Приятно было смотреть на них, когда они, нарядившись в светлые костюмы и весело покуривая папироски, отправились к назначенному месту, где их ожидали дамы. Грабб очень ловко управлял своим велосипедом, везя рядом с собой дамский велосипед, а Берт катил на своем мотоцикете, весело размышляя о том, что смелость города берет и даже может восторжествовать над несостоятельностью. Их домохозяин, когда они выезжали, хотел было остановить их. Но не тут-то было, и он только мог злобно крикнуть что-то вслед их удаляющимся спинам.

Им было все равно.

Погода была прекрасная. Хотя они выехали из дому раньше девяти часов утра, но все дороги были уже полны праздничной толпой. Множество молодых мужчин и женщин ехало на велосипедах и мотоциклетах. Гироскопические автомобили,двигающиеся, подобно велосипедам на двух колесах, смешивались с прежними четырехколесными автомобилями. В такие праздники всегда можно было встретить на дорогах и вышедшие из употребления старинные экипажи, и старых людей. Попадались даже трехколесные велосипеды, электрические кареты и пришедшие в ветхость старые беговые автомобили, с огромными пневматическими шинами. Наши велосипедисты встретили даже настоящую лошадь, запряженную в коляску, а дальше они увидели молодого всадника, ехавшего верхом на черной лошади мимо веселой праздничной толпы, осыпавшей его градом шуток. Они видели также множество управляемых газовых воздушных кораблей, не говоря уже о воздушных шарах, носившихся в воздухе. После всех тех забот и тревог, которые испытали Берт и Грабб, это праздничное оживление казалось им особенно приятным и освежающим душу. Эдна была очень интересна в своей коричневой соломенной шляпке, украшенной маками, и сидела в своей корзине, точно королева, а мотоциклет, несмотря на свой почтенный возраст, бежал так, как будто бы он только вчера вышел из мастерской.

Настроение мистера Берта Смоллуэйса несколько не изменилось даже тогда, когда он увидал газетный плакат:

Германия осуждает доктрину Монрое.
Двусмысленное поведение Японии.
Как поступит Великобритания?
Будет ли война?

Такого рода громкие заявления были самым обычным делом, но в праздники на них не обращали внимания. В будни, в свободное послеобеденное время, можно было терзать себя мыслями о судьбе Империи и международной политике, но в яркий солнечный день, в воскресенье, когда везешь с собою хорошенькую девушку и видишь, как проезжающие велосипедисты бросают завистливые взгляды, никакие политические соображения не могут завладеть человеком! Наши молодые люди не придали также большого значения признакам усиленной военной деятельности, которые по временам невольно бросались в глаза. Близ Мёдстона они наткнулись на одиннадцать моторных пушек, особенной конструкции, выстроившихся в ряд, возле дороги. Около них группа озабоченных инженеров наблюдала в подозрительную трубу за устройством траншеи вблизи гребня, внизу. Но Берт отнесся к этому с большим невниманием.

— Что это?—спросила Эдна.

— Маневры, вероятно,—сказал Берт.

— Маневры? А я думала, что они происходят в Истере,—заметила Эдна и больше не беспокоилась об этом.

Последняя война, которую вели англичане, южно-африканская, давно уже была забыта, и публика перестала интересоваться военными делами.

Наши молодые люди очень весело провели время. Пикник вполне удался, и они были счастливы совершенно так же, как бывали люди счастливы в старину, еще в древней Ниневии. Глаза у них блеснули. Грабб был весел и почти остроумен. Берт сыпал эпиграммами. Зеленая изгородь, из жимолости и шиповника, закрывала пыльную дорогу; оттуда к ним доносились звуки автомобильных гудков, которые, в конце концов, пре-

красно могли сойти за звуки рога в волшебной стране. Они смеялись, болтали, собирали цветы, ухаживали за девушками, которые, шутя, курили папироски. Пробовали также в шутку бороться. Говорили, между прочим, и об авиации и о том, как они, в непродолжительном времени, отправятся на пикник, все вместе, на летательной машине, изобретенной Бертом. Все казалось им возможным и веселым в этот яркий, солнечный день. Рассуждали и о том, как отнеслись бы их прадеды к воздухоплаванию. К семи часам вечера они пустились в обратный путь, не предвидя никакой катастрофы. Но она случилась с ними на вершине спуска, между Ротэмом и Кингсдоуном.

Они взобрались на холм уже в сумерки. Берт старался проехать как можно дальше без фонарей. Они промчались мимо множества велосипедистов, расталкивая их, потом мимо старомодного четырехколесного автомобиля, потерпевшего крушение, вследствие свалившейся шины. Пыль попала в рожек мотоциклета, и поэтому он издавал какой-то странный, свистящий и трещащий звук, очень забавлявший Эдну. Ради смеха, Берт даже старался по возможности усиливать этот звук во время езды, чтобы заставить Эдну хохотать в ее корзинке. Они мчались, сломя голову, вдоль дороги, что производило весьма различное впечатление на других путешественников, вызывая у них негодование или восторги, смотря по темпераменту. Эдна, правда, заметила голубоватый, дурно пахнущий дымок, струившийся из резервуара мотора, но подумала, что так всегда бывает и поэтому не беспокоилась. Вдруг показалось желтоватое пламя.

— Берт!—вскрикнула она.

Берт затормозил с такой силой, что она запуталась в его ногах, когда хотела вылезть. Наконец, выкарабкавшись из корзинки, она отошла в сторону, чтобы поправить свою шляпку, довольно таки пострадавшую от толчка.

— Ой! ой!—воскликнул Берт.

Несколько роковых секунд он стоял неподвижно, гля-

дя, как пламя медленно увлечивается. В голове у него прежде всего мелькнуло сожаление, что он не продал год тому назад этот старый мотоциклет. Конечно, ему следовало это сделать тогда, но теперь уже поздно было думать об этом. Он повернулся к Эдне и крикнул ей: «Достаньте мокрого песку!» отвел машину к краю дороги, оглядываясь, нет ли где-нибудь мокрого песку. Пламя, от движения, начало разгораться сильнее, а мрак кругом сгустился еще больше. Дорога была каменистая, и песку тут было найти трудно. Почва была известковая.

Эдна увидела какого-то толстого велосипедиста и тотчас же остановила его.

— Нам нужен сырой песок,—сказала она и тотчас же прибавила:—наш мотор загорелся.

Низенький, толстый велосипедист посмотрел на нее с изумлением, но тотчас же понял, в чем дело, и бросился собирать кремнистый песок на дороге. Его примеру последовали Берт и Эдна. Другие велосипедисты, поровнявшись с ними, останавливались и с любопытством смотрели, что они делают.

— Сырой песок. Надо сырого песку!—говорил толстый велосипедист и с ожесточением скреб дорогу; некоторые из велосипедистов присоединились к нему. Они бросали пригоршнями мокрый песок в пламя, но от этого оно разгоралось только сильнее.

Наконец, примчался Грабб. Он что-то кричал. Быстро соскочив с велосипеда, он бросил его в плетень, и крикнул:

— Только не лейте воды! ни в каком случае нельзя воды!

Грабб выказал большое присутствие духа. Все подчинились его распоряжениям и повторяли его слова: «только не лейте воды!» Но воды не было.

— Бейте же пламя, дураки!—крикнул он.

Он выхватил шерстяной коврик из корзины (это было зимнее одеяло Берта) и принялся ударять им по пламени. На мгновение он как будто одержал победу над пламенем, но зато разбрызгал во все стороны горящий керосин. Другие, подражая ему, делали то же самое. Берт достал подушку из плетеной колясочки и стал ударять

по пламени этой подушкой. Та же участь постигла другую подушку и скатерть, а какой-то юный герой даже сорвал с себя куртку и заработал ею. Несколько минут ничего не было слышно, кроме тяжелого дыхания и ожесточенного шлепая. Флосси, прибежавшая на шум, вскрикнула:

— О, Господи!—и разразилась слезами. Она кричала: Помогите! Пожар!

Пострадавший автомобиль, мимо которого так лихо прокатил Берт, исправив свои шины, подехал к месту приключения и остановился, точно сконфуженный. Высокий, седой господин, сидевший в автомобиле, с акцентом оксфордского уроженца, спросил, в чем дело, и, взглянув, прибавил:

— Можно ли, вообще, тут помочь чем-нибудь?

Коврик, скатерть, подушка и куртка—все это пропиталось керосином и тоже начало гореть. Подушка, которую размахивал Берт, порвалась, и воздух был наполнен перьями, летевшими во все стороны, точно снежинки.

Берт был покрыт пылью и потом и сильно разгорячен. Ему казалось, что в самый момент победы оружие ускользнуло у него из рук. Пламя распласталось по земле, точно умирая, и при каждом новом ударе оно судорожно вздрагивало. Но Грабб отошел в сторону, чтобы затоптать горевшее одеяло, рвение же других ослабело. Кто-то побежал к мотоциклету, но Берт остановил его криком. Бросив горевшие остатки подушки, он быстро сдернул куртку и с громким восклицанием прыгнул в пламя. Он топтал его, пока огонь не стал подниматься по его сапогам. Эдна смотрела на Берта, освещенного красным сиянием пламени, как на героя, и подумала: хорошо быть мужчиной.

В одного из стоявших по близости полетела раскаленная монета. Берт вспомнил о бумагах в своих карманах и бросился назад, пробуя потушить загоревшуюся куртку и прыгая, как бешеный. Эдна, заметив какого-то господина в шелковой шляпе и праздничной одежде, который, казалось, с участием смотрел на происходившее, бросилась к нему и с отчаянием крикнула:

— О, помогите же этому молодому человеку? Как вы можете стоять и смотреть так?

Тотчас же раздался крик: «Брезент!»

Какой-то господин, с серьезным лицом, в светло-сером велосипедном костюме, вдруг очутился около автомобиля и спросил его владельца:

— У вас есть брезент?

— Да,—отвечал тот, любезно.—Да. Мы взяли с собой брезент.

— Ну, так давайте скорей!—крикнул господин с серьезным лицом.

Джентльмен, сидевший в автомобиле, двигаясь, точно загипнотизированный человек, с какими-то странными молитвенными жестами, вытащил, наконец, превосходный брезент.

— Здесь!—крикнул серьезный господин, обращаясь к Граббу.—Держите крепче!

Все поняли, что будет испробован новый метод тушения огня. Тотчас же к брезенту протянулось множество рук. Остальные приветствовали серьезного господина громкими возгласами одобрения. Брезент был протянут над горящим мотоциклетом, как балдахин, и затем опущен, чтобы закрыть мотоциклет со всех сторон.

— Мы должны были сделать это раньше,—проговорил со вздохом Грабб.

Это был момент торжества. Пламя исчезло. Каждый, кто только мог, непременно старался прикоснуться к краю брезента, а Берт держал его обеими руками и, кроме того, придерживал ногой. Но брезент, выпячивавшийся в центре, имел такой вид, как будто хотел сдерживать восторги толпы. Наконец, он лопнул в центре и точно расплылся в широкую красную улыбку. В самом деле, он словно открыл широкий рот и, улыбаясь, извергал пламя, отражавшееся в огромных наглазниках господина, сидевшего в автомобиле.

— Спасайте колясочку!—крикнул кто-то. Это был последний акт борьбы. Но спасти коляску было уже невозможно. Прутья, из которых она была сплетена, загорелись. В толпе наступило молчание. Керосин продолжал медленно догорать, но пивовое плетение коляски горело

с треском, и искры разлетались во все стороны. Толпа разделилась на группы критиков, советчиков и нейтральных людей, не принимавших почти никакого участия в происшествии. В центральной группе находились главные действующие лица, возбужденные и огорченные случившимся. Какой-то молодой человек, повидимому, хорошо знакомый с мотоциклетами, приставал к Граббу, желая ему, во чтобы то ни стало, доказать, что несчастья могло бы и не случиться. Грабб, рассеянно слушал его, и молодой человек, наконец, исчез в толпе. Но, заметив благосклонно смотревшего старого джентльмена в шелковой шляпе, молодой человек обратился к нему и стал говорить, что люди, ничего не понимающие в такого рода машинах, всегда сами виноваты, если случаются такие вещи.

Старый джентльмен предоставил ему говорить несколько времени, а затем вдруг радостно воскликнул:

— Я совершенно глух... Пренеприятная вещь, знаете ли...

Какой-то румяный господин, в соломенной шляпе, обратил на себя внимание толпы.

— Я спас переднее колесо,—сказал он.—Эта шина была бы тоже охвачена огнем, еслиб я во время не повернул ее.

Так и было на самом деле. Переднее колесо, сохранившее свою шину, уцелело и медленно вертелось среди почерневших и изогнувшихся остатков машины.

— Это колесо стоит теперь по крайней мере фунт!—воскликнул румяный господин, повертывая его.

Вновь прибывшие присоединялись к толпе, спрашивая, что случилось, и эти вопросы бесконечно раздражали Грабба. Лондонские полисмены разгоняли толпу. Мало-по-малу она рассеялась. Большинство снова покатило дальше на своих велосипедах, автомобилях и т. д., с видом людей, довольных тем, что им удалось увидеть интересное зрелище. Голоса их раздавались в полумраке, и порою слышался смех, при воспоминании о каком-нибудь особенно забавном моменте этого достопамятного вечера.

— Боюсь, что мой брезент попорчен,—сказал джентльмен, сидевший в автомобиле. Грабб согласился с этим, так как собственник брезента был, конечно, наилучшим судьей в таком деле.

— Больше я ничем не могу служить вам?—спросил этот джентльмен, как показалось Граббу, с некоторым оттенком иронии.

Берт вмешался и, обратившись к джентльмену, сказал:

— Видите ли эту молодую даму? Если она к десяти часам не будет на месте, то ее не впустят в дом. Понимаете? Все деньги, которые у меня лежали в кармане куртки, пропитаны сажей и так горячи, что я не могу к ним притронуться. Мастерская Кленгэма будет вам по дороге?

— Не совсем,—отвечал оксфордский джентльмен, владелец автомобиля, но, повернувшись к Эдне, все же прибавил:—Я буду очень рад, если вы поедете с нами. Мы все равно уже опоздали к обеду, и следовательно это не составит большой разницы, если мы отправимся домой по другой дороге, мимо Кленгэма. Как бы то ни было, но мы должны попасть в Сёрбитон. Боюсь только, вам покажется, что мы немного медленно двигаемся.

— Но что же будет делать Берт?—спросила Эдна.

— Я не знаю, как мы можем помочь Берту, хотя мы были бы рады услужить и ему,—замечил джентльмен.

— Но ведь вы не можете захватить с собою все это!—воскликнул Берт, указывая рукой на жалкие, обгорелые остатки своего мотоциклета.

— Боюсь, что не могу... Очень огорчен... вы понимаете!—проговорил, извиняясь, оксфордский джентльмен.

— Мне придется здесь остаться. Надо хорошенько осмотреть все. Поезжайте, Эдна.

— Мне не хочется оставлять вас, Берт.

— Что же делать, Эдна!..

В последний раз Эдна увидела фигуру Берта: он стоял на дороге, в обгорелой и почерневшей от дыма рубашке и старался высвободить из-под пепла уцелевшие железные части мотоциклета. Толпа уже разошлась, оставалось не более двенадцати человек. Флосси и Грабб тоже собирались удрать.

— Не унывайте, Берт!—крикнула Эдна, стараясь придать бодрости своему голосу.—Скоро увидимся!

— Когда, Эдна?—спросил Берт.

— Завтра.

— Итак, до завтра!—отвечал Берт, не подозревая, что

ему суждено обездить большую часть земного шара, прежде чем он снова увидится с нею.

Берт начал зажигать спички, взятые им у одного из присутствующих, и старательно разыскивал, среди пепла и обломков, монету,—полкроны, упавшую туда. Его лицо было серьезно и выражало огорчение.

— Как я огорчена, что это случилось!—воскликнула Флосси, проезжая мимо, вместе с Граббом.

Берт остался один. Он стоял, печальный и упавший духом, раздумывая о том, не нанять ли ему повозку, и нельзя ли будет сделать какую-нибудь чудесную починку и хотя бы несколько восстановить стоимость его единственного имущества? Но темнота все сгущалась, и он понял тщету всех своих намерений. Истина в первый раз явилась ему во всей своей нагоде, и холод пронизал его. Он всетаки взялся за ручку и попробовал поставить мотоцикл; заднее колесо, лишенное шины, было безнадежно согнуто, как он и думал. Несколько минут он в отчаянии простоял неподвижно. Потом, с большим усилием, толкнул обгорелый мотоцикл в канаву, несколько минут смотрел на него, затем повернулся и решительно зашагал по дороге к Лондону.

Он даже ни разу не поглядел назад.

— Конец езде на мотоцикле!—грустно сказал себе Берт.—Нет больше тёф-тёфа для Берта Смоллуэйса, по крайней мере, еще год или два. Прощайте светлые дни! О! Я должен был продать эту проклятую машину, когда представлялся случай три года тому назад!

3.

Глубокое уныние овладело обоими компаньонами фирмы Грабб и Смоллуэйс, так что на следующее утро они даже не обратили никакого внимания на огромные плакаты, появившиеся в табачной лавочке, напротив них. Там было напечатано следующее:

Американский ультиматум.

Великобритания должна воевать.

Наше упрямое военное министерство все еще отказывается выслушать мистера Беттериджа.

— Страшная катастрофа на однорельсовой дороге в Тимбукту.

Другие плакаты:

Война—вопрос нескольких часов.

Нью-Йорк—спокоен.

В Берлине волнение.

Или:

Вашингтон все еще молчит.

Что будет делать Париж?

Паника на бирже.

Королевская увеселительная поездка к замаскированным туарегам.

Мисгер Беттеридж делает предложение.

Последнее пари в Тегеране.

Или:

Хочет ли Америка войны?

Антигерманские беспорядки в Багдаде.

Муниципальные скандалы в Дамаске.

Изобретение Беттериджа приобретается Америкой.

Берт смотрел на эти объявления, красовавшиеся на дверях лавочки, и не видел их. На нем была почерневшая фланелевая рубашка и жалкие остатки его вчерашнего праздничного костюма. В лавочке было темно и уныло до последней степени. Несколько плохих велосипедов, предназначенных для проката, выглядели особенно жалкими в это печальное утро. Берт смотрел на них и думал о предстоящих пререканиях, о прежнем и теперешнем домохозяине, о счетах и о суде. Живнь первый раз представилась ему безнадежной борьбой против рока...

— Грабб, дружище!—воскликнул он.—Мне надоело возиться с этой лавочкой!..

— И мне тоже,—отвечал Грабб.

— Она мне стала прямо отвратительна. Я больше не в состоянии разговаривать ни с одним из покупателей.

— Вдобавок, еще эта колясочка...—заметил задумчиво Грабб.

— К чорту все! Во всяком случае, я не оставлял за нее залога. Следовательно... Да не все ли равно! Мы ни-

сколько не подвигаемся вперед здесь. Мы теряем деньги пригоршнями. Дела наши запутаны до последней степени!

— Но что же нам делать?—спросил Грабб.

— Бросить все. Продать, что только можно, и за такую цену, какую дадут. Ликвидировать все дело. Понимаешь? Что за польза биться, как рыба об лед, когда все равно дело это пропащее. Ничего хорошего мы не добьемся. Глупо было бы продолжать.

— Это так,—возразил Грабб,—но ведь не твой капитал погибает здесь.

— Зачем же и мы будем погибать, вместе с нашим капиталом,—отвечал Берт, игнорируя замечание Грабба.

— Однако, я не считаю себя ответственным за эту повозку. Ни в каком случае! Это не мое дело.

— Никто и не взваливает на тебя ответственности. Если тебе больше нравится оставаться здесь, то как тебе угодно. Я ухожу. Слышишь?

— Покидаешь меня?

— Да, покидаю... если ты остаешься.

Грабб оглянулся. В самом деле, какой унылый вид имела лавка! Было время, когда все казалось здесь так хорошо, когда у них были надежды на успех нового начинания, был запас товара, и они рассчитывали на кредит. Теперь все разлетелось прахом... Очень возможно, что домохозяин явится и затеет ссору из-за разбитого окна...

— Куда же ты хочешь идти, Берт?—спросил Грабб.

Берт обернулся и посмотрел на него в упор.

— Я уже думал об этом, когда шел домой,—сказал он,—и думал всю ночь... Я не мог заснуть ни на минуту!

— О чем же ты думал?

— Я составлял планы.

— Какие?

— О! Ведь ты же остаешься здесь?

— Нет, если найдется что-нибудь получше...

— У меня есть одна идея.

— Выкладывай ее поскорее.

— Ты помнишь, как смеялись девушки вчера, когда ты пел им эти куплеты?

— Кажется, будто это было так давно!

— А бедняга Эдна даже заплакала, когда я запел свою песню.

— Да, ей попала в глаз мошка. Я заметил это. Но какое это имеет отношение к твоим планам?

— Очень большое.

— Не думаешь же ты петь на улицах?

— На улицах? Нет! Но что ты скажешь о поездке по разным курортам Англии, Грабб? Если там попробовать петь? Разве молодые люди, даже из хорошего общества, не поют ради веселья? У тебя голос—неплохой, у меня—тоже. Да мы за пояс заткнем любого из певцов, которых мне приходилось слышать на пляжах *). Вот моя идея, Грабб. Мы будем делать то, что делали вчера ради забавы. Программу придумать нетрудно. Шесть хороших песенок вполне достаточно для начала. Одну или две надо иметь про запас, и затем мы должны рассчитывать на свое красноречие. Я, во всяком случае, на него рассчитываю.

Грабб задумался. Он смотрел на свою потемневшую и унылую лавочку, вспомнил о своих домохозяевах, о тяжелой борьбе за существование в эту эпоху—типичную эпоху мещанства; показалось, что откуда-то, издали, доносится звон бубна и голос, поющий на берегу... Он ощущал горячий песок, освещаемый солнцем, и ему представилось, что кругом него дети, люди в праздничных одеждах, и он слышит шопот: «Да ведь они, и вправду, джентльмены!» Потом: звук медяков, падающих в шлепу... Иногда и серебряные монеты... Это был чистый доход; никаких издержек, никаких счетов!

— Я согласен, Берт,—сказал он.

— Согласен? Прекрасно. Медлить нечего!—воскликнул Берт.

— Но нам нельзя пускаться в путь совершенно без денег,—возразил Грабб.—Если мы выберем лучшие из этих велосипедов и отвезем их на велосипедный базар, в Финсбери, то мы выручим за них шесть или семь фун-

*) Пляжем в приморских местах называется отлогий морской берег, удобный для прогулок.

тов. Мы можем это сделать завтра, прежде чем кто-нибудь проведает о нашем намерении...

— Как приятно подумать, что старый хозяин явится со своими обычными приставаниями и увидит на дверях объявление: «Закрито вследствие ремонта»...

— Сделаем это! Непременно сделаем это!—воскликнул Грабб с воодушевлением.—И знаешь ли, мы вывесим еще один плакат:—направим к нему всех, кто будет нас разыскивать; а? Понимаешь? Пусть узнают о нас!

К вечеру план нового предприятия был уже окончательно выработан. Сначала они, было, хотели соорудить себе новые костюмы, напоминающие форму морских офицеров. Берт очень улыбалась мысль покрасоваться в ярко-голубом мундире со множеством позументов, нашивок и украшений. Но этот план оказался непрактичным: сделать такие костюмы—потребовало бы слишком много времени и денег. Надо было придумать что-нибудь более дешевое и более легкое. Грабб предложил нарядиться в белые маскарадные костюмы. Они подумывали о том, чтобы выбрать два самых скверных велосипеда, из тех, которые отдавались на прокат, выкрасить их ярко-пунцовой эмалевой краской, заменить колокольчики громким гудком и кататься на этих велосипедах в начале и в конце каждого представления.

Но и эту мысль пришлось оставить.

— Найдутся люди, которые, пожалуй, сразу распознают наши старые велосипеды,—сказал Берт.—Нет, уж лучше нам не делать этого. Надо окончательно порвать со старым и начать новое...

— Я так хочу этого, так хочу,—сказал Грабб.

— Нам надо забыть о том, что было, и выбросить все это старье. Они нам не привесли ничего хорошего, эти дрянные велосипеды.

Но тем не менее решено было все-таки рискнуть и взять с собою два велосипеда. Они придумали также и подходящий для себя костюм: коричневые чулки и сандалии, балахоны из дешевого небеленого полотна и парики и бороды из пакли. Они назовут себя «Дервишами *).

*) Дервиш — мусульманский монах. Есть секта «вертящихся дервишей», (вроде наших хлыстов).

пустыни» и будут петь наиболее популярные песенки и куплеты, вроде «Мой кавалер» и «Почем шпильки?»

Порешили отправиться сначала в наиболее скромные местечки на морском берегу и только постепенно, завоевав внимание публики, перейти в более крупные курорты. Для начала они выбрали Литтлстон, в Кенте, главным образом, потому, что это было глухое место.

Пока они обсуждали этот план, половина всех правительств мира усиленно готовилась к войне. Берт и Грабб узнали об этом уже около полудня, когда увидели плакаты вечерней газеты на другой стороне улицы. Там было напечатано огромными буквами:

Тучи сгущаются. Возможна война.

— Все говорят о войне,—заметил Берт.—Право, они накликут ее когда-нибудь, если будут так неосторожны...

4.

Ничего нет удивительного в том, что внезапное появление «Дервишей пустыни», нарушившее спокойное однообразие жизни в песках Даймчёрча, было встречено зрителями не особенно дружелюбно. Однорельсовая дорога еще не проникла в Даймчёрч, и поэтому тишина этого местечка еще ничем не была нарушена. Немногочисленные посетители Даймчёрча особенно ценили это спокойствие и отсутствие той шумной жизни и всякого рода экстравагантностей, которые составляют неизбежную особенность всякого курорта. Здесь они могли купаться, лежать на берегу, мирно беседовать и играть с детьми на песке. Очень понятно, что «Дервиши пустыни» им не особенно понравились.

Весь Даймчёрч встрепнулся, когда вдали показались две белые фигуры, мчавшиеся на красных велосипедах по дороге из Литтлстона. Они быстро приближались, трубя в рог и издавая дикие крики и вообще демонстрируя веселость прямо-таки угрожающую.

— Господа! Что это такое?—спрашивали себя обитатели Даймчёрча.

Подъехав к пляжу, наши молодые люди, согласно выработанному плану, обехали кругом, сошли с велосипедов, при общем внимании, и сказали:

— Лэди и джентльмены! Позвольте представиться вам. Мы—«Дервиши пустыни»...

Немногочисленная публика, прогуливавшаяся по пляжу, с испугом смотрела на них.

— Тут мы ничего не получим,—заметил Грабб шопотом.

Но дети, заинтересовавшись, подошли ближе. Какой-то маленький мальчуган рассмеялся от души, когда они с комически-деловым видом сложили в кучу свои велосипеды. Затем, они начали петь. Грабб запевал, а Берт изображал хор. А в конце каждого куплета они исполняли тщательно прорепетированный ими танец, держась за полы своих балахонов.

«Тинга-линга, тинга-линга, тинга-линга-танг.

Почем нынче шпильки...».

Так они пели и танцевали на берегу в Даймчёрче. Солнце ярко светило.

Дети были довольны этим неожиданным развлечением и обступили молодых людей веселой толпой, дивясь их странному поведению; но взрослые смотрели холодно и недружелюбно на незваных певцов.

Везде, по всем берегам Европы, раздавалось в это время веселое пение разных странствующих певцов. Дети весело играли в песке, согретом солнечными лучами. Сновали яхты и лодки, наполненные веселыми, беззаботными людьми, и казалось, никто не замечал грозных туч, покрывающих горизонт, и надвигающейся опасности. В городах люди спокойно занимались своими делами и развлекались. С газетами случилось то же, что с пастухом в басне: они раньше слишком часто кричали «волк, волк!», и теперь, когда пришел настоящий «волк»—им никто уже не верил.

5.

Когда Берт и Грабб в третий раз повторяли свои куплеты, они вдруг заметили на северо-западной стороне го-

ризонта низко летевший огромный золотисто-коричневый шар; шар быстро приближался к ним.

— Какая досада!—сказал Берт.—Как раз, когда нам удалось, наконец, завладеть их вниманием, явилось это новое развлечение. Но все-таки продолжай, Берт!

«Тинга-линга, тинга-линга, тинга-линга-танг,
Почем нынче шпильки?».

Шар поднимался и опускался, и, наконец, скрылся из виду.

— Спустился, слава Богу!—воскликнул Грабб, делая прыжок.—Скорее, Берт! Будем танцевать, а то они заметят его...

Они окончили свой танец и только тогда посмотрели в сторону шара.

— С ним что-то случилось,—сказал Берт.

Все стали смотреть теперь на шар, гонимый довольно свежим северо-западным ветром. Конечно, никто уже не интересовался ни танцами, ни пением. Даже Берт и Грабб сами позабыли о своей дальнейшей программе. Шар подпрыгивал, как будто собирался спуститься. Он приближался, медленно опускаясь, почти касался земли, затем делал скачок вверх, футов на пятьдесят, и снова опускался. Корзина шара коснулась группы деревьев, и какая-то темная фигура, барахтавшаяся в веревках, упала или спрыгнула назад в корзину. Наконец, шар опустился еще ниже и медленно полетел над песчаным берегом. Шар был огромный, величиною с дом, а за ним волочился по земле длинный канат. Из корзины раздавались отчаянные крики. Какой-то человек как будто старался сбросить с себя одежду и затем, нагнувшись над краем корзины, крикнул:

— Хватайте скорее канат!

— Спасай, Берт!—закричал Грабб, стараясь схватить конец веревки.

Берт кинулся тоже и столкнулся при этом с каким-то рыбаком, который нагнулся к канату. Женщина с ребенком на руках, двое маленьких мальчиков с игрушечными шпагами и какой-то толстый господин в фланелевом костюме,—все в одно и то же время бросились до-

вить канат. Они делали уморительные прыжки, стараясь поймать его. Но Берту удалось таки наступить ногой на извивающуюся, подобно змее, и скользящую по земле веревку, и, чтобы не упустить ее, он стал на четвереньки и обеими руками ухватился за нее. Через несколько мгновений уже все население пляжа сбегалось к этому месту, и множество рук уцепилось за канат.

— Тяните сильнее!—кричал им человек, находившийся в корзине.

Но шар продолжал еще несколько минут нестись вперед и тащил за собой людей, державшихся за канат, прямо к морю. Опустившись, он коснулся воды. Легкий, серебристый плеск—и шар отскочил, как отскакивает палец, внезапно коснувшись чего-нибудь горячего. Из корзины снова раздался крик:

— Вытащите ее! Она в обмороке!

Человек, находившийся в корзине шара, возился около какого-то невидимого предмета, в то время как люди изо всех сил тянули за веревку. Берт, бывший впереди других, употребил все усилия, чтобы не упустить каната; впопыхах он все время путался в длинном балахоне своего дервишского костюма. Никогда он и не воображал, что шар может быть таким огромным и ярким; корзина, сплетенная из коричневых прутьев, казалась ему сравнительно маленькой. Канат, за который цеплялся Берт, был прикреплен к крепкому кольцу, над корзиной. Чем сильнее тащил Берт за канат, тем больше приближалась к нему корзина. Оттуда чей-то взволнованный голос продолжал кричать:

— Она без чувств! Ее сердце не выдержало всего, что ей пришлось вынести!

Наконец, шар уступил и спустился вниз. Берт бросил канат и забежал вперед, чтобы захватить его поближе к шару. Через мгновение он уже схватился рукой за край корзины.

— Держите крепче!—сказал человек в корзине, лицо которого показалось Берту очень знакомым. У этого человека были блестящие глаза, большие черные усы и слегка плоский нос. Он снял куртку и жилет, предпола-

гая, вероятно, что ему придется плыть ради спасения жизни; черные волосы были совершенно растрепаны.

— Пусть все возьмется за корзину и держат ее. Там находится дама без чувств. А может быть даже у нее разрыв сердца! Кто знает? Мое имя: Беттеридж... Беттеридж... на воздушном шаре! Теперь, пожалуйста, все за край корзины. Последний раз в своей жизни я сделал такую глупость! Как можно было довериться этой палеолитической выдумке? Веревка от клапана оборвалась, и я не мог его открыть. Если я когда-нибудь встречу негодяя, который...

Он вдруг просунул голову между веревками и умоляющим голосом проговорил:—Достаньте коньяку! Хоть немного хорошего коньяку!

Кто-то из толпы тотчас же побежал за водкой.

В корзине, на скамье, лежала в растяжку, в заученной позе, какая-то полная, белокурая леди, в меховом плаще и огромной шляпе с цветами. Голова у нее была откинута назад, в угол корзины, глаза крепко зажмурены, рот открыт.

— Моя дорогая!—сказал Беттеридж своим обыкновенным голосом.—Мы спасены!

Но она не пошевелилась.

— Моя дорогая!—крикнул еще раз Беттеридж, намеренно громким голосом.—Мы спасены!

Она не шевелилась.

Тут Беттеридж не мог сдержать себя и дал волю своему необузданному темпераменту.

— Если она умерла,—воскликнул он, поднимая кулак и грозя огромному, трепещущему шару, над корзиной,—если она умерла, то я раздери небесный свод, как полотно! Я должен извлечь ее отсюда!—кричал он, и ноздри его раздувались от волнения.—Не могу же я допустить, чтобы она умирала здесь, в этой плетеной корзине, величиной в девять квадратных футов,—она, которая создана только для королевских дворцов! Держите крепче корзину! Найдется между вами достаточно сильный человек, который мог бы удержать ее на руках?

Он нагнулся к даме, лежавшей без чувств, и сильным движением рук поднял ее над корзиной.

— Держите крепче корзину!—крикнул он тем, которые уцепились за край корзины,—держите крепче! Навалитесь во всю. Она—женщина довольно большого веса, и поэтому, как только мы ее вынем из корзины, сильно облегченный шар может дернуть вверх.

Берт легко вскочил на край корзины и уселся верхом. Другие сильнее уцепились за канат и за кольцо.—Готовы?—спросил Беттеридж, стоя на скамейке и держа на вытянутых руках женщину. Потом он присел на край корзины, на противоположном конце от Берта, и перебросил ногу, старательно соблюдая равновесие. Одна из снастей шара, повидимому, мешала ему.

— Не может ли кто-нибудь помочь мне?—спросил он.—Не возьмет ли кто-нибудь эту леди?

Но как раз в тот момент, когда Беттеридж балансировал на краю корзины, держа на руках леди, которая была в бессознательном состоянии, она вдруг пришла в себя и с громким, душу раздирающим криком:—Альфред! Спаси меня!—обняла Беттериджа.

Берту показалось, что корзина на мгновение наклонилась и как-то подпрыгнула в воздухе, Берта сильно толкнуло, он увидел ботинки дамы и правую ногу джентльмена, описывающие какую-то странную дугу в воздухе и исчезающие за краем корзины. Затем он смутно почувствовал, что и сам теряет равновесие и валится вниз головой в корзину. Инстинктивно он протянул руки вперед—и стал вверх ногами. Подвизная борода у него свалилась, пасть попала в рот, а носом он зарылся в мешок с песком. Корзина сильно качнулась и затем как будто остановилась.

— Чорт возьми!—сказал Берт. Он испытывал странное ощущение: как будто он внезапно оглох. В ушах шумело, а голоса толпы становились все глуше и глуше...

Берт с трудом приподнялся. Его ноги запутались в одежде Беттериджа, которую тот снял; когда думал, что шар опустится в воду. Берт сердито крикнул: «Вы должны были предупредить, отпустите корзину!» Конвульсивно охватив руками веревки, он встал и начал осматриваться.

Под ним, далеко внизу, сверкали воды английского канала. Он видел странно изогнутый, точно выдолбленный, пляж морского берега и неправильную кучу домиков,—это был Даймчёрч. На берегу он видел небольшую толпу, с которой так внезапно расстался; видел—Грабб в белом балахоне «дервиша пустыни» бежал вдоль берега; видел—Беттеридж стоял по колени в воде и что-то кричал. Его дама, в огромной шляпе с цветами, сидела на песке, как будто всеми забытая. Весь пляж покрыт был крошечными людьми,—казалось, они состояли только из одних голов и ног—все смотрели вверх. Шар, в лице Беттериджа и его дамы освободившийся от довольно тяжелого груза, мчался в небесах со скоростью автомобиля.

— Чорт побери!—воскликнул Берт.—Вот так жарит!

Он, смущенно, посмотрел вниз, на быстро удаляющийся берег, и с удовольствием убедился, что он не чувствует ни малейшего головокружения. Затем он осмотрел веревки и канаты: нельзя же было сидеть так, сложа руки, надо было «что-нибудь делать».

— Ну, я не стану возиться с этим,—сказал он, наконец, и уселся на матрац, лежащий на скамейке.

— Ну его совсем, а то, пожалуй, будет еще хуже... Не могу себе представить, что вообще можно сделать в таком положении?

Скоро, впрочем, он опять вскочил на ноги и долго смотрел вниз на убегающую землю. Он видел белые скалы на востоке и плоские болота с левой стороны. На мгновение показались леса и долины; потом он увидел, точно в тумане, города, набережные, реки и извивающиеся ленты дорог; затем суда и еще суда; доки; высокие дымящиеся трубы; море, уходящее вдаль; и, наконец, огромный мост однорельсовой дороги, пересекающий канал из Фолькстона в Булонь. Но вот появились первые небольшие клочья облаков, и вскоре плотная облачная завеса совсем скрыла землю от глаз Берта...

Впрочем, Берт не чувствовал ни страха, ни головокружения; он был только сильно смущен происшедшим.

Глава III.

Шар

I.

Берт Смоллуэйс был самым обыкновенным существом в мире. Это был наглый, несколько ограниченный человек, и таких, как он, продуктов старой цивилизации начала двадцатого века, были миллионы. Он прожил всю свою жизнь в узких улицах, среди плохих домов, и мысли его вращались постоянно в узком кругу идей, из которого для него не было выхода. Он думал, что главная задача человека заключается в том, чтобы быть поряднее других и уметь пользоваться случаем. В сущности, такого сорта люди и сделали Америку и Англию тем, чем они обе были в этот момент нашего рассказа. До сих пор Берта преследовали неудачи, но это значения не имеет. Это был человек с резко выраженными наклонностями к захвату, нападению, без всякого понятия о государстве, о лояльности, чести и даже без особенного мужества. Но по странной случайности, он вдруг отделился от современного мира и понесся, словно какая-то неодушевленная вещь, между небом и водой, куда уже не достигали никакие звуки и неясные призывы земли; небесам как будто захотелось произвести над ним опыт, захотелось поближе рассмотреть этот образчик английского племени и узнать, во что же теперь обратилась душа человека. Однако, я не берусь решить вопрос, зачем именно он понадобился небесам в данном случае, так как я давно уже оставил всякую надежду понять идеалы и вкусы небес.

Однако, что же может сравниться с тем положением, в котором находился Берт, поднявшийся на высоту четырнадцати или пятнадцати тысяч футов? Это высшее, что только может быть доступно человеку! Никакая летательная машина не может подняться на такую высоту. Ведь это значит—быть оторванным от всего земного. Это значит—быть в каком-то неслыханном одиночестве и без-

молвии. Это значит, что не слышно никаких звуков, ни малейшего шелеста, который мог бы нарушить эту страшную тишину. Это значит—видеть небо.

Никакие звуки, никакой шум человеческой жизни не достигает такой высоты. Воздух там необыкновенно чист и прозрачен; никакая птица или насекомое не могут залететь сюда. Не чувствуется даже ни малейшего дуновения ветра: шар движется вместе с ветром, составляя как бы часть атмосферы. Поднявшись так высоко, шар остается совершенно спокойным, и нельзя чувствовать, поднимается он или опускается. Берту было очень холодно, но у него не было признаков горной болезни. Он надел поверх своего дервишского одеяния куртку, сброшенную Беттериджем, его пальто и перчатки, и долго сидел неподвижно, подавленный окружающим безмолвием. Над головой Берта был светлый, прозрачный, раздувшийся шар из блестящей коричневой, пропитанной маслом, шелковой материи. Над головой Берта был ослепительно-яркий солнечный свет и громадный, глубокий небесный свод. Внизу, далеко внизу, виднелась, освещенная солнцем, разорванная в разных местах, завеса облаков, сквозь щели которой виднелось море.

Если бы вы могли наблюдать за Бертом снизу, то увидели бы прежде всего его голову, в виде маленького черного клубочка, свесившегося с одной стороны корзины, затем заметили бы, что этот клубок исчезает с одной стороны и появляется уже на другой...

Берт не ощущал ни малейшего беспокойства или страха. Он даже не думал о том, что так внезапно поднимающийся шар может столь же внезапно опуститься вместе с ним. Он только испытывал сильнейшее изумление и больше ничего. Вообще, ощущение страха и беспокойства появляется у воздухоплавателей только тогда, когда шар начинает приближаться к земле. Когда же он высоко парит в небесах, этого ощущения не бывает.

Однако, просидев неподвижно несколько времени, Берт почувствовал потребность говорить:

— Ого!—сказал он.—Это лучше всякого автомобиля... Превосходно! Я думаю, что обо мне уже телеграфировали повсюду...

Он принялся внимательно осматривать свое временное жилище. Прямо над собой он видел туго перетянутое и связанное горло шара. Берт заглянул через горло внутрь: там было огромное, пустое, безмолвное пространство. Оттуда спускались две тонкие веревки, одна белая, другая красная; веревки эти шли к особым карманчикам внизу кольца. Сетка вокруг шара оканчивалась веревками, привязанными к кольцу, а корзина прикреплялась к толстому, стальному крюку. С бортов корзины свешивались канат, якорь и какие-то холщевые мешки. Берт решил, что это балласт, который надо сбрасывать вниз, когда шар начинает слишком быстро опускаться.

— Ну, пока что, кажется, не придвинется такой опасности,—подумал Берт.

К кольцу привешен был барометр и какой-то инструмент, в виде ящичка. На дощечке из слоновой кости было написано: *Statoscope* *) и еще какие-то другие французские слова. Маленькая стрелка индикатора колебалась из стороны в сторону, между словами «Подъем» и «Спуск».

— Хорошо,—сказал Берт,—по крайней мере так я буду знать, поднимается ли шар, или опускается.

На красивых подушках сидения в корзине лежали какие-то мешки и фотографический аппарат, а в углу валялась пустая бутылка от шампанского и стакан. Берт с меланхолическим видом посматривал на пустую бутылку, но вдруг ему пришла в голову блестящая мысль исследовать обе скамейки, обитые материей и покрытые матрацами и одеялами. Там оказались ящики, и в них Берт нашел всевозможные запасы. Очевидно, мистер Беттеридж был очень предусмотрительным человеком. Тут была корзина с провизией, и Берт увидел в ней: паштет из дичи, пирог, холодную курицу, томаты, салат, сэндвичи с ветчиной и креветками и большой кэкс. Тут же были уложены ножи и вилки, бумажные тарелки, самосогревающиеся жестянки с кофе и какао, хлеб, масло, варенье, несколько хорошо упакованных бутылок шампанского, несколько бутылок с минеральной водой, большой кувшин с водой для умывания, портфель, карты, компас и

*) *Statoscope*—статоскоп—указатель высоты подъема.

сумка с туалетными принадлежностями; в сумке были даже щипцы для завивки волос, шпильки и шапка с наушниками.

— Недурно!—заметил Берт, рассматривая все эти вещи, и, надев на голову шапку, он завязал тесемки от наушников под подбородком.

Берт перегнулся через край корзины. Далеко внизу расстиались освещенные солнцем облака. Они так сгустились, что совершенно закрыли землю. К югу они образовали огромные, снежные массы, видом напоминавшие горы. На севере и на востоке облака имели волнообразные очертания и ослепительно сверкали на солнце.

— Хотел бы я знать, как долго может продержаться шар на верху?—Берт думал, что шар висит неподвижно, так как совсем не замечал его движения.—Нет, лучше не спускаться, пока мы не переменим места,—заметил он.

Затем посмотрел на статоскоп и сказал:—Все еще поднимается... А что если дернуть за веревку? Нет, лучше не трогать, а то может еще выйти что-нибудь неладное.

Однако, он все-таки дернул за обе веревки; одна отрывала клапан, другая—разрывала оболочку шара. Но, как это уже заметил Беттеридж раньше, обе веревки не действовали, и потому ничего не случилось. Иначе, шар был бы разорван—как от хорошего удара шашкой—и мистер Смоллуэйс помчался бы в вечность со скоростью нескольких тысяч футов в секунду.—Не работает!—сказал он, дергая изо всех сил за веревку. Наконец, ему надоело. Он бросил веревку и решил позавтракать.

Он откупорил бутылку шампанского. Как только он перерезал проволоку, пробка вылетела с такой силой, что большая часть содержимого бутылки тут же вылилась в пространство.

— Атмосферное давление,—сказал Берт, вспомнив элементарные уроки физики в школе.—Буду осторожнее в следующий раз. С какой стати расточать попусту драгоценный напиток!

Желая воспользоваться сигарами, оставленными Беттериджем, Берт начал шарить по карманам, в надежде найти хоть одну спичку. И на этот раз судьба благоприятствовала ему: он не нашел спичек! А если бы нашел, газ

в воздушном шаре вспыхнул бы и Берт превратился бы в яркий, но скоропреходящий фейерверк.—Этакий дубина Грабб!—подумал Берт, тщетно обшаривая карманы.—Наверное, он утащил мою коробку. Он всегда таскает спички....

Отдохнув немного после завтрака, Берт принялся приводить в порядок корзину, поправил балластные мешки на дне и снова заглянул вниз, на облака. Потом он достал ящик с географическими картами и начал их рассматривать. Он любил карты. Он тщательно разглядывал их, надеясь найти карту Франции или пролива Ламанш. Но не нашел ни той, ни другой. Все это были карты английских графств, выпущенные британским военным ведомством. Затем Берт начал припоминать знакомые ему французские фразы: «Je suis Anglais. C'est une méprise. Je suis arrivé par accident ici». «Я англичанин. Это ошибка. Я попал сюда случайно». Эти фразы он считал наиболее пригодными. Наконец, он решил заняться чтением писем и исследованием записной книжки Беттериджа. Так он провел целый день.

2.

Берт сидел на ящике, плотно закутавшись: воздух, необыкновенно чистый и прозрачный, был все-таки очень холоден. Берт был одет в довольно скромную пару из синей саржи—обычный костюм молодых франтов лондонского предместья,—на ногах у него были велосипедные башмаки, вроде сандалий, и коричневые чулки, натянутые на штаны. Поверх этого на Берте был еще белый балахон дервиша. Затем он надел куртку и жилет Беттериджа и его, подбитое мехом, пальто, а сверху—накинул еще дамскую меховую ротонду. Колени он завернул одеялом. На голове у него остался парик из пакли, но он надел, кроме того, большую шапку Беттериджа, с наушниками. Ноги его согревались большими меховыми сапогами Беттериджа. Корзина воздушного шара была мала, но уютна, и Берт нашел в ней легкий складной столик, который он подставил себе под локоть, чтобы удобнее было сидеть. Возле себя на столике он поставил ста-

кан шампанского и погрузился в чтение бумаг Беттериджа. Над Бертом, и вокруг него, и под ним расстилалось необозримое пространство—такая прозрачная пустота и такая тишина, какие знакомы только аэронавтам.

Берт не знал, куда уносит его воздушный шар, и чем это может кончиться. Он относился к своему положению с удивительным спокойствием, которое, конечно, должно было делать честь его мужеству. Он был убежден, что где-нибудь он все-таки спустится на землю и если не разобьется вдребезги, то кто-нибудь или, может быть, какая-нибудь «компания» заберет его, вместе с шаром, и доставит в Англию. Если же никого не найдет, он обратится к британскому консулу. Он даже придумал французскую фразу для этой цели: *«Apportez moi à le consuelo britannique, s'il vous plait*, т. е. что-то вроде: «Принесите меня, пожалуйста, к британскому консулу». Ведь он все-таки учился по-французски!

Исследование корреспонденции мистера Беттериджа доставило ему развлечение. Тут были страстные любовные письма, самого интимного характера, адресованные Беттериджу и написанные женскою рукой; конечно, такие письма Берту не следовало бы читать, это была большая нескромность с его стороны. Но он прочел их и даже с восторгом воскликнул:—Ах, чорт возьми!—Несколько времени он сидел задумавшись.—Неужели это от нее?—проговорил он, наконец.—Господи!

И он снова принялся изучать тайны Беттериджа. Теперь это были уже деловые письма, множество вырезок из газет, помещавших интервью с Беттериджем, и несколько немецких писем. Но затем Берту попались и английские письма, написанные тем же почерком.

— Ага!—сказал Берт.

Одно из этих писем начиналось извинением автора, что он раньше не писал Беттериджу по-английски, и что это имело последствием неудобства и замедление в переписке. Далее в письме говорилось о таком предмете, который сильнее всего заинтересовал Берта.

«Мы вполне понимаем трудности вашего положения,—писал неизвестный автор,—и то, что за вами зорко следят

Но, сэр, мы все-таки не думаем, чтобы какие-нибудь серьезные препятствия могли помешать вам,—если вы захотите покинуть страну,—приехать к нам, со всеми вашими планами, обычной дорогой, через Дувр, Остендэ, Булонь или Дьепп. Нам трудно поверить, чтобы вам, действительно, могла угрожать опасность быть убитым из-за вашего чрезвычайно важного изобретения».

— Смешно!—заметил Берт и несколько призадумался. Потом опять принялся за письма.

— Повидимому, они хотят, чтобы он приехал к ним,—сказал Берт.—Но сами они как будто не желают сделать ни одного шага, чтобы привлечь его. Или, может быть, они только притворяются, чтобы он сбавил цену... Однако, вряд ли эти переговоры с ним ведет какое-нибудь правительство... Скорее, просто какая-нибудь торговая фирма,—прибавил Берт, после некоторого размышления.—На заголовке каждого письма было напечатано по-немецки: «Летающие драконы. Воздушные драконы. Воздушные шары». Все это для меня—все равно, что греческий язык.

— Однако!—воскликнул Берт, спустя еще несколько минут.—Он хочет продать свое великое изобретение за границу! Это так. Это уже не по-гречески! Чорт возьми! А, вот где его тайна!

Берт раскрыл портфель и увидел множество чертежей, раскрашенных в условные цвета—в том безвкусном стиле, какой принят среди инженеров. К этому были приложены фотографические снимки летательной машины Беттериджа, сделанные, повидимому, каким-нибудь фотографом-любителем, близким Беттериджу, которого он допустил в свой сарай, где хранилась машина.

Берт задрожал от волнения.—Боже мой!—воскликнул он.—Я, и вместе со мной эта великая тайна, мы летим, затерянные в беспредельном пространстве...

Успокоившись немного, он снова принялся за чертежи, сравнивая их с фотографическими снимками. Тут он убедился, что половины чертежей не хватает. Он постарался восстановить в своем воображении недостающие части, но это ему не удавалось.

— Это трудно,—сказал он, наконец.—Как жаль, что я

не обучался инженерному искусству. Еслиб я мог восполнить эти чертежи!

Он перегнулся через край корзины и долго задумчиво смотрел на громадную кучу облаков, напоминающую вершину Монте-Роза *), медленно тающую под влиянием солнечных лучей. Внимание его привлекла маленькая черная точка, которая двигалась над этими облаками. Его это встревожило. Маленькая точка медленно двигалась, далеко внизу, над самыми облаками, неизменно следуя за его шаром. Что бы это могло быть? Зачем это черная точка следует за ним?

Но вдруг его осенила мысль. Да ведь это не более как тень от его шара! Однако, он все же с некоторым сомнением поглядывал на эту точку...

Почти весь день он провел в рассматривании планов и в размышлениях над ними. Он даже составил новую замечательную фразу по-французски, которая звучала приблизительно так: «Мусью. Я есть английский изобретатель. Мое имя—Беттеридж. Бы-е-ты-е-ры-и-дэ-жэ. Я пришел здесь продавать секрет летательной машины. Компренэ? Продавать тотчас за дэнту, дэнту на руки. Компренэ? Это машина—играть в воздухе. Компренэ? Машина—делать птицу? Компренэ? Балансэ? Вот—вот! Делать настоящую птицу, машина сама играет. Я желаю продавать это вашему национальному правительству. Хотите ли вы направить меня там?»

— Немножко нескладно, с точки зрения грамматики,—сказал Берт,—но, я думаю, сойдет. Они, наверное, ухватятся за это обеими руками... Однако, что же я буду делать, если они потребуют от меня подробных объяснений?—С огорченным видом он снова принялся рассматривать чертежи.—Наверное, тут не все,—с грустью решил он.

Он продолжал раздумывать о том, как ему поступить со своею удивительною находкой. Ведь в каждый момент он может спуститься на землю и очутиться среди совершенно неизвестного ему народа!

*) Монте-Роза — одна из самых высоких вершин в Альпийских горах, на границе Италии и Швейцарии.

— Я должен воспользоваться этой удачей,—говорил он себе. Однако, он скоро убедился, что это было не так то легко.—Они будут телеграфировать тотчас же, как только я спущусь. Газеты напечатают об этом... Беттеридж узнает и выследит меня...—

... О, Беттеридж должен быть страшен в гневе!.. Берт вспомнил его огромные черные усы, его треугольный нос, его пронзительный голос и свирепый взгляд. Не очень то приятно попасться ему на дороге!

Мечты Берта о присвоении и продаже его великого открытия мало-по-малу рассеялись, как дым: здравый смысл подсказал Берту, что это невозможно.

— Когда так, что пользы об этом думать?—решил он и медленно, нехотя, снова вложил все бумаги и чертежи в портфель и спрятал их на прежнее место.

Яркие, золотые лучи заливали все пространство, и Берт даже ощутил особенную теплоту в голубом своде небес. Он встал и начал смотреть на солнце: ослепительно-блестящий золотой шар поднимался над волнуемым морем пурпуровых облаков, окаймленных золотистыми полосами по краям. Это было странное и удивительное зрелище, не поддающееся описанию. К востоку Берт видел беспредельное море облаков, темнеющую лаву небес, и ему казалось, что перед его глазами находится целое полушарие мира. Вдали, в синеве Берт приметил какие-то три длинные тени, напоминавшие рыб, перегоняющих друг друга в воде. Действительно, эти тени были похожи на рыб: у них было даже что-то, напоминающее хвост. Это странное явление удивило Берта. Он смотрел изо всех сил, до боли в глазах, но странные тени уже исчезли. Долго еще Берт внимательно оглядывал беспредельное голубое пространство,—но уже больше ничего не было видно.

— Никогда я не видел ничего подобного,—сказал он.—Что бы это могло быть?

Солнце медленно спускалось и исчезло в северном направлении. Вместе с ним исчезли дневной свет и теплота. Стрелка статоскопа, дрожа, остановилась на «Спуске».

3.

— Ну, что-то теперь будет?—сказал Берт.

Холодная, облачная, серая пустыня надвигалась медленно, неотвратно. Облака перестали походить на снежные вершины гор: они стали теперь какими-то нематериальными, но все же—чувствовалось их быстрое, безмолвное движение, чувствовались в них какие-то вихри. Шар опускался, но, когда он уже совершенно приблизился к бесформенной серой массе облаков, его движение как будто на мгновение остановилось, затем вдруг небеса скрылись за облаками, последние признаки дневного света исчезли, и шар быстро полетел вниз, в темноте, в вихре мелких снежинок. Ветер гнал снежные хлопья, они неслись мимо, падали на шар и на все вещи, находившиеся в корзине, призрачными, холодными пальцами прикасались к лицу Берта. Берт дрожал от холода. Из рта у него шел пар от дыхания, и все кругом него моментально отсырело. Ему казалось, что снежная метель с беспримерною и все увеличивающеюся силой налетает сверху, и он скоро убедился, что падение шара ускоряется.

Чуть слышимый звук достиг его ушей. Великое безмолвие вселенной пришло к концу.

Что же это был за звук?

Берт перегнул голову через край корзины, тревожно прислушиваясь. Сначала ему показалось, что он видит... но потом он подумал, что это ему только почудилось. Однако, вскоре он ясно увидел внизу гребни пенистых волн, перегоняющих друг друга, и обширное водное пространство. Вдали показалось лоцманское судно с огромным парусом, на котором выделялись какие-то черные буквы; на верхушке мачты виднелась маленькая желтоватая светящаяся точка. Судно качалось и ныряло в волнах, между тем Берт не ощущал никакого ветра. Гул моря становился все слышнее, все ближе. Берт с испугом подумал: «я падаю в море!»

Он поспешно схватил мешок с балластом и бросил его за борт корзины. Не дожидаясь результатов, он бросил другой мешок. Взглянув вниз, Берт еще раз на секунду

увидел белые брызги на темной поверхности воды и затем снова очутился среди снега и облаков. Без всякой нужды, один за другим, он выбросил еще два мешка, и шар поднялся еще выше, где воздух был чист, прозрачен, холоден, и где еще продолжался день. Берт вздохнул с облегчением.

На небе кое-где засверкали звезды, а на востоке показалась яркая продолговатая луна...

4.

После этого приключения Берт ни на минуту не мог забыть, что под ним находится огромное, неизмеримое водное пространство. Была летняя ночь, но она казалась Берту необыкновенно длинной. Он испытывал странное чувство беспокойства и почему-то ему казалось, что вот только взойдет солнце—и всем опасностям конец. Берту захотелось есть. Он нащупал в темноте ящик, достал кусок паштета и несколько сандвичей, достал шампанского. Это согрело и подкрепило его. Посетовав на Грабба за то, что он взял его спички, Берт закутался потеплее, прислонился к ящику и задремал. Однако, он часто просыпался и несколько раз вставал, чтобы удостовериться, что шар находится достаточно высоко над морем. Сначала облака, освещенные луной, казались белыми и плотными. Тень, падавшая от шара, быстро двигалась по этим облакам и бежала, как собака за хозяином. Потом облака пореде- Лежа в корзине и смотря вверх на огромный, темный шар, Берт вдруг сделал открытие. Он случайно почувствовал шелест бумаги под подкладкой своего, или, вернее—чужого жилета: ведь на Берте был жилет Беттериджа. Но ни вытащить, ни исследовать этих бумаг Берту не удалось, как он ни бился.

Проснулся Берт от крика петухов, лая собак и пения птиц... Шар медленно и довольно низко летел над какой-то обширной страной, залитой лучами восходящего солнца. Берт видел хорошо возделанные поля, пересекаемые дорогами, по краям которых тянулись телеграфные столбы. Затем шар пролетел над большою деревней: проплыла

высокая колокольня, домики, покрашенные в белую краску, красные черепичные крыши. Несколько крестьян, мужчин и женщин, в светлых блузах и неуклюжих башмаках, побросали свою работу и с любопытством смотрели на летящий шар, который опустился так низко, что его якорный канат почти касался земли.

Берт смотрел на этих людей и раздумывал: «Что ж это за страна? Ведь, пожалуй, надо спуститься здесь». Но вдруг он заметил, что шар прямо летел на сооружения однорельсовой дороги. Он поскорее выбросил еще два или три мешка балласта, чтобы миновать препятствие.

— Гм... Когда только и можешь сказать «*genez* Жалко, я не знаю, как сказать по-французски: хватайте веревку!.. Ведь, должно быть, это французы.

Он еще раз со вниманием осмотрел страну.

— А может быть, это Голландия? Или Люксембург? Или Лотарингия, насколько я могу судить?.. Что эта за огромная постройка? Пожалуй, печь для обжигания кирпичей... Во всяком случае, страна эта имеет цветущий вид...

Почтенный вид страны навел Берта на соответствующие размышления:

— Надо все-таки, чтобы шар двигался, а то какой же это воздушный корабль?—сказал себе Берт и решил подняться несколько выше. Так как ему стало жарко, то он скинул свой парик и выбросил еще мешок с балластом. К удивлению, шар понесся с чрезвычайной быстротой.

— Ого!—сказал Берт.—Кажется, я черезчур много выбросил балласта. Интересно было бы знать, когда я начну снова опускаться? Ну, да ладно: завтрак то во всяком случае есть...—прибавил он.

Стало совсем тепло. Берт взял шапку и парик и небдуманно швырнул их за борт корзины. Стрелка статоскопа тотчас же качнулась в сторону «Подъем».

— Кажется, эта милая штука скоро начинает подниматься, даже если бросить только взгляд вниз!—заметил глубокомысленно Берт, открывая ящик с провизией. Он нашел несколько жестянок жидкого какао, с очень подробным описанием, как их откупоривать. Берт исполнил все в точности. Он проткнул в указанном отверстии дно же-

стянки ключом, который был приложен к ней, и вскоре заметил, что жестянка начинает нагреваться все больше и больше, и, наконец, уж стало невозможно держать ее в руках. Тогда он открыл крышку с другого конца. Какао стало горячим, безо всякого нагревания на огне. Это было уже старое изобретение, но Берт еще ничего не слышал о нем. В том же ящике, Берт нашел окорок ветчины и варенье, так что завтрак вышел очень сытным.

Солнце пекло; Берт сбросил с себя пальто. Тут он вспомнил, как ночью в подкладке жилета шелестела бумага. Сняв жилет, Берт внимательно осмотрел его.—Плут Беттеридж не очень-то будет доволен, если я распорю подкладку,—подумал Берт. Несколько минут он колебался, но затем все-таки распорол подкладку. Как раз там он нашел недостающие чертежи вращающихся плоскостей, от которых и зависела устойчивость летательного аппарата.

Если теперь какой-нибудь ангел поглядел бы на Берта на воздушном шаре, то он увидел бы, что Берт сидит, о чем-то усиленно размышляя. Немного спустя, он встал, с таким видом, будто его осенила какая-то благая мысль, свернул изорванный и испорченный жилет Беттериджа и сбросил его вниз. Жилет медленно опускался, пока, наконец, не шлепнулся на физиономию какого-то немца-туриста, мирно спавшего вблизи Гёгенвет, около Вильдбада. Шар, разумеется, ответил на эту выходку Берта новым прыжком вверх.

Однако, Берт уже не обратил на это внимания. Он стащил с себя куртку и жилет, расстегнул воротник и рубашку и, засунув руку за пазуху, вытащил оттуда какой-то широкий, ярко-красный предмет. Это был фланелевый нагрудник, очень распространенный среди христианских народов протестантского мира вместе с разными гигиеническими препаратами, пилюлями и лекарствами, заменившими прежние священные реликвии и образки. Берт всегда носил этот нагрудник. Какая-то гадалка в Мэргете сказала ему, что у него слабые легкие, и, основываясь на этом, он воображал, что должен беречь свою грудь.

Вытащив свой талисман наружу, Берт взял перочинный нож и, распоров сшитые вместе два куска красной

фланели, засунул между ними чертежи, которые нашел в подкладке жилета Беттериджа. Сделав это, он привалился за свой туалет, вымылся, выбрился, плотно застегнул свою куртку, запрягал под нее свое белое дервишское одеяние, надел большую шляпу и меховой плащ и, чувствуя особенный прилив бодрости, начал рассматривать страну, над которой пролетал теперь воздушный шар.

Зрелище было, действительно, великолепное. Быть может, этой картине не доставало той особенной красоты и величия, которыми Берт мог восхищаться накануне, когда шар летел в облаках, освещенных солнцем. Но в некотором отношении она была гораздо более интересной. Воздух был чист и необыкновенно прозрачен; небо совершенно безоблачное, за исключением южной и юго-западной части. Страна была холмистая, и только местами виднелись заросли хвойных деревьев и чернели горные площадки. Множество ферм было разбросано в живописном беспорядке. Виднелись глубокие ущелья с извилистыми речками, течение которых прерывалось запрудами и турбинами электрогенераторных станций. Местность была усеяна хорошенькими деревнями; домики с плоскими черепичными крышами имели очень опрятный вид. В каждой деревне непременно была красивая церковь с колокольней и мачта для беспроволочного телеграфа. Там и сям виднелись замки и обширные парки, белели дороги и тропинки; вдоль дороги рядами шли телеграфные столбы, выкрашенные в красную и белую краску и резко выделявшиеся среди окружающего ландшафта. Зеленели сады, окруженные стенами; мелькали скирды, житницы и какие-то электрические циферблаты. Горные местности изобиловали скотом. Берт заметил кое-где остатки прежней железной дороги, замененной теперь однопорельсовой системой. Поезда пробегали через туннели и пересекали насыпи. Жужжащий шум, достигавший ушей Берта, указывал ему на прохождение поезда. Все было необыкновенно ясно видно Берту, до мельчайших подробностей. Раза два он видел пушки и солдат, и это напомнило ему те странные военные приготовления, которые бросились ему в глаза в Англии, в Троицын день. Но ничто не указывало на необычность этих приготовлений, ничто не

объясняло, почему пушки были обращены жерлами вверх и почему доносились слабые звуки выстрелов.

— Хотел бы я знать, как я могу спуститься,—задумчиво проговорил Берт, глядя вниз с высоты десяти тысяч футов и опять без всякого успеха стал дергать то за красную, то за белую веревку. Наконец, он решил произвести тщательный осмотр своих припасов. Пребывание на такой высоте возбуждало у него сильнейший аппетит, и, так как он не знал, как долго будет носиться над землей, то и считал более благоразумным разделить все свои запасы на порции. По его предположениям, он должен был провести в воздушном пространстве неделю или даже более.

Вначале обширная панорама, которая расстилалась внизу, казалась совершенно безмолвной, точно нарисованная картина. Но по мере того, как день шел к концу и происходила медленная утечка газа, шар начал опять опускаться ближе к земле. Тогда Берт мог заметить различные подробности, ускользнувшие от него раньше. Людей было видно уже яснее; стали доноситься различные звуки, свист и грохот проходящих поездов, рев скота, звон колокольчиков на шеях быков и бой барабанов, а по временам Берт мог даже различить человеческие голоса. Наконец, шар опустился так низко, что гайдроп *) снова стал задевать за различные предметы. Раза два, когда гайдроп задел электрические кабели, Берт почувствовал легкий удар; волосы у него поднялись, как под влиянием электрического тока, и на корвинну посыпались искры. Но он отнесся к этому совершенно спокойно. Это были случайности путешествия, и ничего больше. Он теперь думал только об одном: как бы опустить железный якорь, который висел на кольце шара!

Первая попытка в этом направлении была неудачна, быть может, потому, что Берт выбрал плохое место для спуска. Шар должен спускаться на открытом пустом пространстве, а Берт увидел прелестный маленький городок и, не подумавши хорошенько, решил бросить якорь здесь.

*) Гайдроп—длинный канат, спускающийся с воздушного шара.
Уэллс. Война в воздухе.

Домики с плоскими крышами, над которыми возвышалась высокая колокольня церкви, были разбросаны среди деревьев. Городок был окружен стеной, и широкие ворота открывались на большую дорогу, обсаженную деревьями. Все проволоки и кабели окрестностей сходились тут, точно в центре. Вид у этого городка был очень веселый и привлекательный, и привлекательность эта еще больше усиливалась обилием флагов. Дорога была очень оживлена; крестьяне в огромных двухколесных телегах и пешком двигались взад и вперед. Иногда пробегал вагон однопорельсовой дороги, а у перекрестка, за городом, виднелась, среди деревьев, группа хорошеньких маленьких домиков. Берт очень понравилось это оживленное и, повидимому, благоденствующее население. Шар его летел совсем низко, над самыми верхушками деревьев, и Берт уже готовился бросить свой якорь и явиться интересным и заинтересованным гостем среди населения этого городка.

Берт уже представлял себе, как он будет объясняться знаками и словами с восхищенною толпой крестьян, которые окружают его...

Но судьба судила иначе. Прежде чем толпа внизу, между деревьями, поняла, в чем дело, гайдроп уже причинил не мало бед. Какой-то пожилой и, повидимому, выпивший крестьянин, в блестящей черной шляпе и с красным зонтиком в руках, первый заметил волочившийся гайдроп и побежал за ним с громкими криками. Но гайдроп пересек дорогу наискосок, окунулся в ушат с молоком, стоявший возле фермы, и потащил далее свой мокрый конец, оставляя за собой молочный след. По дороге гайдроп задел автомобиль с фабричными работницами, остановившийся у городских ворот. Работницы подняли крик; сбегался народ. Берт стал, было, раскланиваться, но толпа приняла поклоны Берта, которые он считал очень изящными, за оскорбительные жесты. Затем корзина шара слегка задела крышу сторожки у дороги, сбила флагшток и, подпрыгивая на телеграфных проволоках, с силою сбросила вниз порванные проволоки, которые ударили людей точно плетью; это, разумеется, только усилило всеобщее раздражение. Берт сам

едва-едва удержался от падения вниз головой. Двое молодых солдат и несколько крестьян что-то кричали ему, грозили кулаками и уже бросились, было, вдогонку, но тут Берт исчез за стеной, окружавшей город. Вот так восторженный прием, нечего сказать!

Шар коснулся земли, вследствие чего вес его на секунду убавился; шар дерзко подскочил и перенес Берта через городскую стену. В одно мгновение Берт очутился над площадью, наполненной народом, крестьянами и солдатами, повидимому очень недружелюбно настроенными.

— Якорь! — крикнул Берт и потом, подумав немного, прибавил по-французски: — Головы! Головы! Эй вы! Слушайте! Берегитесь!

Якорь метнулся и, скользя по покатой крыше, сбросил вниз целый град поломанных черепиц. Потом он пронесся по улице, среди криков и визга толпы, стукнулся в какое-то зеркальное окно со страшно неприятным треском. Шар качался, корзину подкидывало во все стороны. Но якорь нигде не задержался. Вдруг якорь опять взвился в воздух с маленьким детским стулом, который подцепил одною из своих лап. Какой-то лавочник с отчаянным криком бежал за ним. Якорь на мгновение повис неподвижно в воздухе, а затем довольно осторожно опустил свою ношу, среди неистового рева толпы, на голову какой-то женщины, сидевшей на базаре и продававшей овощи.

Теперь уже все заметили воздушный шар и бросились ловить якорь или гайдроп. Но якорь, раскачиваясь, словно маятник, налетал на людей, заставляя их разбегаться во все стороны. Вот он снова коснулся земли, опрокинул какого-то господина в синем костюме и соломенной шляпе, щелкнул по раме мелочной лавочки, повалил на четвереньки солдата-велосипедиста и запутался в задних ногах барана, делавшего отчаянные усилия, чтобы освободиться. Протащив барана несколько мгновений, якорь опустил его на каменный крест посредине площади. Шар снова сделал прыжок вверх. Но тут множество рук ухватило за гайдроп и стало тащить его к земле. В

тот же момент Берт ощутил свежий ветер, дувший ему в лицо.

Несколько мгновений Берт стоял в корзине, с трудом удерживаясь от падения, так как корзину сильно подбрасывало. Он смотрел на раздраженную толпу и старался собраться с мыслями. Его очень удивлял этот ряд злоключений. Неужели все эти люди, в самом деле, так озлоблены против него? Все только недовольны, и никто не заинтересован его появлением. Крики там, внизу, право же, скорее походили на ругательства, чем на приветствия. Берт видел каких-то людей в мундирах и в треуголках, тщетно старавшихся сдержать толпу. Кулаки и палки мелькали в воздухе. Какой-то человек побежал к возу с сеном и достал оттуда вилы, а солдат в синем мундире отстегнул португезю шпaги. В эту минуту Берту пришло в голову, что этот маленький городок вовсе не подходящее место для высадки на землю.

А он-то воображал, что его примут, как героя! Теперь он понял, что ошибался.

Он находился уже на расстоянии каких-нибудь десяти футов от толпы, как вдруг у него созрело решение. Бездействие кончилось. Он вскочил со своего места и, рискуя упасть вниз головой, отвязал веревку якоря от кольца, к которому она была прикреплена и так же поступил с гайдропом. Якорь упал, шар прыгнул вверх—и следом за тем раздался свирепый крик толпы. Что-то просвистело над головой Берта—впоследствии он решил, что это была репа. За якорем последовал и гайдроп. Толпа отпрыгнула, а шар с ужасающим треском налетел на телефонный столб. Берт ожидал электрического удара или разрыва оболочки шара. Но ничего не случилось. Судьба покровительствовала ему.

Через минуту шар, освобожденный от тяжести гайдропы и якоря, снова был высоко над землей, но Берт продолжал сидеть, скорчившись, на дне корзины. Когда он, наконец, решился подняться и выглянуть, то увидал, что маленький городок становится все меньше и точно убегает от него вместе со всею германскою низиною, совершая круговое движение. Впрочем, когда Берт привык к круговращательному движению своего шара, то нашел

его даже очень удобным, так как оно избавляло его от необходимости двигаться в корзине.

5.

Если бы кто-нибудь наблюдал небо в прекрасный летний день 191... года, он увидел бы одинокого воздухоплавателя, на высоте одиннадцати тысяч футов странствующего в небесах. Воздушный шар, медленно вращаясь, двигался в северо-восточном направлении, над Франконией. Воздухоплаватель, перетнув голову через край корзины, рассматривал страну, расстилавшуюся внизу. Лицо его выражало сильнейшее замешательство и губы шептали: «Стрелять в человека! Да,—разумеется,—я готов спуститься, но как?..» Белый балахон «дервиша пустыни» свешивался с края корзины, очевидно, с тою же целью, с какою вывешивается белый флаг, но теперь это было уже поздно.

Берт ясно видел, что он очень ошибался, и что страна внизу совсем не такая, какую он рисовал в своем воображении. Она не была населена наивными поселянами, готовыми с восторгом встретить его, когда он спустится на землю. Наоборот, он возбуждал сильнейшее раздражение, и все с напряженным вниманием и нетерпением следили за движениями его воздушного шара. Однако, вовсе не Берт выбрал курс, по которому двигался шар; он был во власти ветра. Станные, таинственные слова доносились к нему снизу. На разных языках Берту выкрикивали эти слова через рупоры, и он вслушивался, совершенно растерянный и ошеломленный. Какие-то, очевидно, должностные, лица делали ему сигналы, размахивая руками и флагами. Во всех фразах, которые дошли до ушей Берта, преобладали в общем гортанные звуки какого-то измененного английского языка; в конце концов, Берт понял: от него требовали, чтобы он спустился, иначе в него будут стрелять!

— Хорошо вам говорить!—заметил Берт.—Да как спуститься?

Затем уже стали и стрелять по шару. Они выстрелили шесть или семь раз, и одна пуля пролетела так близко,

что Берту даже послышался треск разрывающегося шелка, и он уже приготовился стремглав лететь вниз. Но они, или нарочно метили в сторону, чтобы не задеть шара, или же дали промах; как бы то ни было, пули пронизали только воздух — и бедную, испуганную душу Берта.

Воспользовавшись временной передышкой, когда люди внизу как будто перестали преследовать шар своим вниманием, Берт позавтракал горячим кофе и паштетом. Но он чувствовал, что это не более как антракт, и поэтому, завтракая, продолжал тревожно высматривать, что делается внизу. Сначала он объяснил себе всеобщий интерес, который возбуждал его шар, своею неудачной попыткой опуститься в маленьком городке. Но мало-помалу он сообразил, что не гражданское население страны, а военное сильнее всего заинтересовано и встревожено его появлением.

Сам того не подозревая, Берт играл таинственную роль международного шпиона. Он видел то, что окружалось величайшей тайной. Он не догадывался, что перед ним раскрываются замыслы такой державы, как Германская империя, что он, помимо своей воли, попал в самый центр мировой политики и летел над воздухоплавательным парком. Этот колоссальный парк с целью втихомолку воспользоваться великими открытиями Стосселя и Гунштедта, соорудить колоссальный воздушный флот раньше других наций и сделать Германию владычицей воздуха и всего мира.

Как раз перед тем, как Берта подстрелили, он увидал огромное пространство, освещенное лучами заходящего солнца и полное воздушных кораблей. Они лежали, точно какие-то чудовища на пастбище. Площади, занятая ими, шла далеко на север, и Берт не видел ей конца; занумерованные навесы, газометры, амбары и небольшие военные лагеря распределялись в правильном порядке на поверхности площади, пересеченной в разных направлениях однорельсовыми линиями. Однако, над площадью не было видно ни проволок, ни кабелей. Повсюду развевались германские флаги, повсюду черные орлы прости-

рали свои крылья. Но даже и без этих признаков можно было догадаться, что это Германия, так как всюду и во всем была заметна величайшая аккуратность. Бесчисленные толпы людей сновали взад и вперед. Многие были в темной походной форме и возились около воздушных кораблей; другие маршировали. Там и сям блестели парадные мундиры.

Но Берт больше всего заинтересовался воздушными кораблями. Он догадывался теперь, что прошлую ночью видел три таких корабля, которые производили маневры, пользуясь тем, что облачность скрывала их движения.

Эти воздушные корабли формой напоминали рыб. Именно при помощи воздушного флота Германия и произвела нападение на Нью-Йорк, совершая последнее гигантское усилие захватить мировое владычество, — тогда человечество еще не убедилось в эфемерности такой мечты. Этот немецкий флот состоял из прямых потомков непелиновского воздушного корабля, пролетевшего над Константинопольским озером в 1906 году, и летательных аппаратов Лебоди, совершивших свои полеты над Парижем в 1907 и 1908 гг.

Остов немецких воздушных кораблей был сделан из стали и алюминия, а внешняя крышка из крепкой, неэластичной парусины. Внутри находился непроницаемый резиновый газовый резервуар, разделенный поперечными перегородками на множество отделений: от пятидесяти до ста. Все эти отделения, абсолютно не пропускающие газа, были наполнены водородом. Весь аппарат поддерживался в воздухе, на желательной высоте, при помощи внутренних воздушных камер, в которые можно было накачивать газ или выкачивать его, по желанию. Воздушный корабль мог таким образом становиться тяжелее или легче воздуха, и потеря в весе вследствие сжигания топлива, метания бомб и т. п. могла возмещаться посредством накачивания в камеры газового резервуара. В конце концов, там образовалась чрезвычайно взрывчатая смесь, но в таких случаях нельзя останавливаться перед риском. Через весь аппарат проходила стальная ось: это был как бы его хребет, заканчивающийся в машине и пропеллере. Над передней частью, выступающей в виде

головы, помещался ряд кают для складов и людей. Необыкновенно сильная машина типа Пфорцгейм, представляющая величайшее торжество германской изобретательности, приводилась в движение электричеством; машина управлялась людьми, находящимися в передней, единственно обитаемой части корабля. Если замечалась какая-нибудь неисправность, инженеры переправлялись в заднюю часть корабля при помощи веревочной лестницы внизу его остова или же пользовались проходом, устроенным в газовых отделениях. Чтобы предупредить перевертывание корабля, с каждой стороны были приделаны боковые плавники, а управление движением производилось посредством двух вертикальных плавников: эти плавники обыкновенно устраивались с каждой стороны головной части и были похожи на жабры у рыб. Вообще вся форма воздушного корабля чрезвычайно напоминала рыбу, но только рыбу, у которой плавательный пузырь, мозг и глаза помещались внизу, а не сверху. Но особенно странное впечатление производил аппарат для беспроволочного телеграфа, выступавший из передней каюты и находившийся, следовательно, как раз под нижней челюстью рыбы.

Эти воздушные чудовища могли двигаться со скоростью девятью миль в час в тихую погоду и, следовательно, могли состязаться в быстроте с кем угодно, уступая разве только урагану. Длина их была различна: от 800 до 2000 футов, а поднять они могли от 70 до 200 тонн. История не сообщает нам, сколько таких кораблей имела Германия, но Берт, пролетая мимо, насчитал до 80 штук.

Таковы были те средства, при помощи которых Германия хотела утвердить свое господство в мире, когда она решила отвергнуть доктрину Монрое и потребовать своей доли в Новом Свете. Но она опиралась не только на этот воздушный флот. В ее распоряжении находились также летательные аппараты для одного человека. Это были так называемые «летающие драконы» и предназначались они специально для бомбометания. Эти аппараты помещались в другом колоссальном воздухоплавательном парке, к востоку от Гамбурга, поэтому Берт и не видел их среди воздушных кораблей франконского воздухопла-

вательного парка, над которым он летел до тех пор, пока удачный выстрел не заставил его полететь вниз.

Шар подстрелили очень ловко, воспользовавшись для этого новыми пулями, которые некий Вольфе из Ангельберга изобрел специально для воздушной войны. Такая пуля, снабженная стальным хвостиком, с легким треском пронизала шар и вышла из него. Газ начал с шумом выходить из оболочки, и шар стал опускаться. Растерявшись в первую минуту, Берт выбросил затем мешок с балластом. Немцы вежливо, но неуклонно, ответили еще двумя выстрелами прямо в оболочку шара...

Глава IV.

Германский воздушный флот.

1.

Берт Смоллуэйс жил в том веке, когда, под влиянием империалистской и международной политики, модернизированный патриотизм сделался необыкновенно шумным, несносным и опасным. Из всех продуктов человеческого воображения той эпохи—страннее всего был именно этот патриотизм. В душе каждого человека живет привязанность к своему роду, к своей стране, к своему языку. Прежде, до наступления научной эры, эти благородные и нежные чувства, составлявшие необходимую принадлежность каждого человеческого существа, служили важным фактором в развитии человечества. Конечно, эти чувства и тогда уже вызывали враждебность к чужому народу и пренебрежительное отношение к чужой стране, но и то, и другое большею частью было совершенно безвредно. Когда же произошли огромные перемены в путях, целях, материале, масштабе и возможностях человеческой жизни,—все прежние границы народов и стран были нарушены. Прежние, давно установившиеся привычки и традиции, столкнувшись с новыми условиями, должны были измениться. Но приспособиться к новым условиям человеческой жизни они не могли уже потому, что эти условия сами, в свою очередь, подвергались постоян-

ным изменениям. Таким образом все прежнее либо было уничтожено, либо изменилось до неузнаваемости.

Дед Берта Смоллуэйса, живший еще в те времена, когда Бен Хилл был деревушкой, состоявшей под властью родителей сэра Питера Бона, великолепно знал свое место. Он прекрасно знал, перед кем ему нужно снимать шапку, и всегда выказывал снисходительное пренебрежение к тем, кого считал ниже себя. С такими взглядами он и прожил всю свою жизнь от колыбели до могилы. Он был англичанин и вдобавок кентский уроженец, поэтому он находил, что нигде не было такого пива, такого красивого шиповника, такого прекрасного хмеля и такого яркого солнца, как на его родине. Газеты и политика мало интересовали его. Потом наступила перемена. Первые главы этого рассказа дают некоторое понятие о том, что произошло в Бен Хилле, и как целый поток различных нововведений обрушился на эту мирную сельскую страну и совершенно видоизменил жизнь. Берт Смоллуэйс был только одним из числа тех бесчисленных миллионов людей в Европе, Америке и Азии, которые не могли пустить корни в родной почве, потому что бурный поток мировой борьбы сразу увлек их и они вынуждены были с ним бороться, не понимая хорошенько его значения. Все, во что верили их отцы, изменилось, и многое приняло в высшей степени странные формы. Особенно большим изменениям и искажениям, под влиянием новых форм, подверглась идея патриотизма. Для дедушки Берта слово «офранцузенный» было выражением крайнего презрения. А в мозгу Берта уже гнездились всевозможные идеи относительно соперничества Германии, «желтой опасности», «черной опасности» и обязанностей белого человека, т. е. нелепого права еще более запутывать и без того запутанную политику таких же маленьких человечков (только более темного цвета), которые курят папироски и раз'езжают на велосипедах в Булуэйи, Кигнтоне (Ямайка) или Бомбее. Но это были, по мнению Берта, «подчиненные расы», и Берт готов был умереть (впрочем, не сам лично, а уполномочивая сделать это того, кто запишется в ряды войска), только для того, чтобы поддержать это право английского господства.

Мысль о том, что он может потерять это право, лишала его сна по ночам.

Между тем, сущность политики в эту эпоху, когда жил Берт Смоллуэйс (и когда разразилась великая война в воздухе), была весьма несложна, но только никто не хотел просто взглянуть на вещи. Колоссальное развитие науки изменило человеческие отношения. Благодаря быстроте механического передвижения, нации приблизились друг к другу, люди стали ближе в экономическом, социальном и физическом отношениях, так что прежние разделения на нации и государства потеряли свое значение. Новый, более широкий синтез человеческих отношений стал не только необходимостью, но, вдобавок, необходимостью неизбежной. Как некогда независимые герцогства Франции должны были слиться в единую нацию, так теперь нации должны были стремиться к более широкому слиянию, должны были озаботиться о том, чтобы сберечь то, что практично и ценно, и отбросить то, что вредно и уже устарело. Более разумный мир понял бы это стремление к слиянию наций, своевременно обсудил и осуществил бы это, в результате такого слияния возникла бы великая цивилизация, и это было вполне возможно для человечества.

Но мир Берта Смоллуэйса не сделал ничего подобного. Национальные правительства этого мира и национальные интересы не только не шли навстречу такому слиянию, но, вследствие взаимного недоверия, опасались его. Великодушные порывы были им неизвестны. Они начали вести себя, как плохо воспитанные люди в переполненном вагоне: толкать друг друга локтями, ссориться и паступать на ноги друг другу. Тщетно было бы пытаться убедить их, что все они могут с удобствами устроиться в этом вагоне, если не будут так тесниться и толкаться. Историк начала XX века везде, во всем мире, отметит одни и те же явления. Старые понятия и старые предрассудки мешают установиться новым порядкам, новым человеческим отношениям. Получается какое-то неискоренимое, бестолковое смешение старого и нового, полная путаница понятий. Историческая арена стала слишком тесной, — и вот нации забрасывают друг друга своими по-

дуктами, раздражают друг друга тарифами и всякого рода коммерческими стеснениями и постоянно угрожают друг другу армиями и флотами, которые с каждым годом принимают все более и более чудовищные размеры.

Невозможно с точностью определить теперь, как много интеллектуальной и физической энергии было потрачено миром на военные приготовления и снаряжения, но ясно одно: затраты были колоссальные. Великобритания тратила на свою армию и флот так много денег и сил, что если бы все это было направлено ею в область физической культуры и воспитания, британцы стали бы аристократией мира. Еслиб ее правители заставляли подрастающее поколение учиться и воспитывали бы его вплоть до восемнадцатилетнего возраста, то каждый такой Берт Смоллуэйс на Британских островах был бы не только физически крепким, но и нравственно развитым, интеллигентным человеком. Для этого нужно было бы только, чтобы то, что тратилось на военный материал, расходовалось на образование. Вместо этого, каждый мальчуган, еще не достигнув четырнадцатилетнего возраста, привыкал к виду развевающихся флагов, к воинственным восклицаниям толпы, а затем, покинув школу, принимался за разные, более или менее сомнительного свойства, предприятия, с целью наживы или, просто, ради куска хлеба. Франция допускала у себя подобные же нелепости. В Германии, пожалуй, дела обстояли еще хуже. Россия, под давлением все усиливающегося милитаризма, стремилась прямо навстречу банкротству и гибели. Европа только и занималась производством громадных пушек и бесчисленного множества маленьких Смоллуэйсов. Азиатские народы ради самозащиты вынуждены были использовать все возможности, предоставляемые новейшими научными изобретениями. Накануне возникновения войны шесть великих держав мира и множество маленьких стояли, вооруженные с головы до пят, напрягая все свои силы, чтобы опередить друг друга в смертоносной силе оружия и в военной готовности. К числу этих великих держав принадлежали и Соединенные Штаты. Эта нация, до той поры исключительно коммерческая, вынуждена была к усиленному вооружению не

только попытками Германии распространить свое господство в Южной Америке, но и естественными последствиями своих собственных неосмотрительных поступков, заключавшихся в присоединении земель у самого порога Японии. Поэтому, Соединенным Штатам приходилось содержать два гигантских флота, на востоке и на западе, а внутри государства создавался резкий конфликт между федеральным правительством и отдельными правительствами штатов из-за вопроса о всеобщей воинской повинности. За Соединенными Штатами следовал великий Восточно-Азиатский Союз, тесное объединение Китая и Японии; влияние этого союза в решении мировых вопросов все росло и, пожалуй, становилось даже преобладающим. Германия боролась изо всех сил за осуществление своей мечты о введении своего языка и о распространении своей власти на всю Европу, объединенную насильственным путем. Это были три наиболее рьяные и наиболее воинственные державы. Британская империя была гораздо более мирной: ее владения были рассеяны по всему земному шару, защищать их было трудно; кроме того, внимание англичан было отвлечено революционными движениями в Ирландии и среди других подчиненных рас. Великобритания научила эти расы курить папиросы, носить большие шляпы, играть в крокет, устраивать бега, снабдила их дешевыми револьверами, керосином, фабричной системой промышленности, дешевыми газетами на английском и туземном наречии, дала возможность получать недорого стоящие университетские степени, ввела мотоциклы и электрические трамваи, развила целую литературу, выражающую презрение к подчиненным расам, и сделала эту литературу вполне доступной для них. Но Великобритания была убеждена, что не будет никаких других последствий от этих возбуждающих средств, а все потому, что кто-то когда-то сказал: «Забывчивый восток...», и потому, что Киплинг вдохновенно произнес:

„Восток—восток, а запад—запад,
И встрече близнецов—не быть“.

Между тем, в Египте, Индии и других подвластных Великобритании странах, нарождались новые поколения;

в этих поколениях все нарастало страстное негодование, громадная энергия и активность, не отстававшие от века. Правящие классы Великобритании лишь очень медленно усваивали себе новый взгляд на подчиненные расы, как на пробуждающиеся нации; усилия этих классов удержать империю от распада среди всех этих перемен подвергались постоянной опасности. Опасность была в том легкомыслии, с которым миллионы таких, как Берт Смоллуэйс, подавали свои голоса на выборах; опасность была в том, что у британских подданных из цветных рас оставалось все меньше уважения к должностным лицам. Дерзость цветных джентльменов переходила всякие границы, она выражалась уже не только в выстрелах и бросании камней, а и в цитатах из Бёрнса, Милля и Дарвина и в забрасывании аргументами.

Еще более миролюбивой, нежели Британская империя, была Франция и ее союзники. Латинские державы, правда, были вооружены с головы до ног, но эти государства неохотно сражались, и во многих отношениях, как социально, так и политически, эти державы стояли во главе западной цивилизации. Россия была тоже мирной державой поневоле. Ее раздирали внутренние распри между революционерами и реакционерами, причем и те, и другие были одинаково неспособны к социальным преобразованиям; страна была парализована вследствие хронических беспорядков и бесконечной политической мести. Маленькие государства, втиснутые между огромными и страшными державами, постоянно угрожавшими им, также вынуждены были, дрожа за свою независимость, вооружиться с головы до ног, насколько это допускали их ресурсы.

Все это создало такое положение дел, что в каждой стране наиболее энергичные и изобретательные люди все больше тратили свои силы и ум на изобретение разного рода оружия, и так должно было продолжаться до тех пор, пока напряжение не достигнет высшей точки и не разразится войной. Каждая держава старалась окружать тайной свои приготовления, держала в запасе новое оружие и стремилась не только опередить своих соперников, но и проникнуть в тайны их приготовлений. Патриоти-

ческие чувства и воображение каждого народа находились под вечным страхом, что другая нация сделала какое-нибудь новое военное открытие. То распространялся слух, что Великобритания обладает необыкновенной пушкой, превосходящей все остальные в мире, то—что Франция изобрела непобедимое ружье, Япония—новый взрывчатый состав, а Америка—подводную лодку, которая должна изгнать из морей все броненосцы. Во всякое время могла наступить паника, и война могла разразиться в каждый момент.

Все силы наций, все помышления их были направлены в сторону войны. Между тем масса граждан в этих воинственных государствах принадлежала к демократии, совершенно неспособной к борьбе ни в нравственном, ни в физическом отношении. Пожалуй, можно бы даже прибавить, что еще никогда до тех пор народные массы не были так непригодны к борьбе. Это был парадокс того времени,—этого почти единственного периода в мировой истории! Аппараты войны, ее методы и искусство менялись чуть ли не каждые десять-двенадцать лет, все более и более совершенствуясь, но в то время, как все готовилось к войне, люди становились все менее воинственными, и войны не было.

И вот, наконец, она разразилась. Она явилась неожиданной для всего мира, потому что истинные причины ее были скрыты. Отношения между Германией и Соединенными Штатами были давно уже натянутыми, вследствие чрезмерного ожесточения тарифного конфликта и двусмысленного поведения Германии относительно доктрины Монро; были также нелады и между Соединенными Штатами и Японией вследствие не прекращающегося спора о правах японских граждан в Америке. В обоих случаях были постоянные поводы к обострению вражды. Однако, настоящей причиной войны, как это теперь известно, были усовершенствования, достигнутые Германией в машине Пфорцгейма, что дало возможность построить быстроходный и легко управляемый воздушный корабль. В это время Германия была наиболее деятельной державой в мире, лучше всех организованной для быстрых и секретных действий, лучше всех вооружен-

пой ресурсами современной науки и техники, обладавшей самыми выдрессированными и воспитанными администраторами и чиновниками. Она это знала и настолько преувеличивала свое могущество, что относилась с презрением к тайнам своих соседей. Может быть, именно вследствие такого самомнения она менее тщательно шпионила за своими врагами. Кроме того, она, по традиции, не стеснялась в своих действиях никакими этическими соображениями и не соблюдала международной осторожности. Располагая такими мощными орудиями войны, Германия решила, что ее час наступил, и что она может теперь утвердить свое владычество над всем миром. Казалось, действительно, перевес был на ее стороне; она могла начать борьбу и победить, прежде чем другие добьются каких-нибудь существенных результатов в своих экспериментах в области воздухоплавания.

Прежде всего Германия должна была нанести решительный удар Америке; только Америка могла быть ее воздушной соперницей. Было известно, что Америка уже имеет в своем распоряжении летательную машину весьма практичного устройства, представляющую дальнейшее усовершенствование модели Райта. Однако, никто не думал, что вашингтонское правительство воспользуется этим изобретением и сделает попытку создать воздушный флот. Конечно, надо было нанести удар, прежде чем Америка решится на это. Франция имела флот из тихоходных дирижаблей, из которых многие были сделаны еще в 1908 г. Разумеется, такой флот не мог соперничать с новым типом воздушных кораблей. Французские воздушные шары служили исключительно только для реконноспировки на восточной границе. Большею частью они были слишком малы, могли поднять не больше двенадцати-двадцати человек, и ни один из них не мог двигаться даже со скоростью сорока миль в час. Великобритания же в припадке скупости спорила и торговалась с Беттериджем, предлагавшим свое удивительное изобретение. Следовательно, и она не могла идти в счет, по крайней мере, в течение некоторого времени. Азия же не подавала никаких признаков жизни. Немцы объясняли это тем, что желтые расы не обладают изобретательностью. Остальных

конкурентов не стоило и принимать в расчет. «Теперь или никогда!» — сказали немцы. — «Теперь или никогда мы должны завладеть воздухом, подобно тому, как прежде англичане завладели морем! Надо сделать это теперь, пока другие занимаются только экспериментами!»

Быстро, систематически и тайно приготавлилась Германия к войне; и план ее был превосходен. Насколько указывали сведения Германии, она могла опасаться только Америки, которая была главной соперницей Германии в мировой торговле и воздвигала препятствия ее империалистским планам. Следовательно, прежде всего надо было сразить Америку. Германия пошлет в небеса над Атлантическим океаном свой гигантский воздушный флот, который и повергнет в прах ничего не подозревающую и не подготовленную к такой войне Америку.

Во всяком случае, судя по тем сведениям, которые находились в руках германского правительства, такое предприятие имело все шансы на успех. Германия могла рассчитывать на то, что всех поразит неожиданностью. Дело в том, что можно гораздо скорее построить воздушные корабли и летательные машины, нежели броненосцы, на постройку которых требуется, по крайней мере, два года. Если только есть достаточное количество рабочих рук и все необходимые принадлежности, то можно изготовить бесчисленное множество таких аппаратов в несколько недель. Можно наводнить небо летающими драконами и воздушными кораблями, если только имеются оборудованные парки и мастерские. И действительно, в известный момент, корабли взлетели, «точно мухи, зародившиеся в навозе», — как едко выразился один французский писатель.

Нападение на Америку должно было служить первым ходом в чудовищной игре. Но тотчас по выступлении этого флота, воздухоплавательные парки должны были приняться за сооружение нового воздушного флота, который должен сделать налеты на Лондон, Париж, Рим, Петербург, а также повсюду, где его появление признано будет необходимым, чтобы произвести нужное впечатление.

Такая неожиданность должна была поразить мир и

завоевать его. Можно удивляться, как, действительно, близки были к осуществлению эти колоссальные планы, задуманные и выработанные предприимчивыми честолюбцами!

Роль Мольтке *) в этой изумительной войне в воздухе должен был играть фон-Штернберг. Но император колебался, и только упрямый романтизм принца Карла-Альберта мог склонить его в пользу этой схемы. Принц был центральной фигурой в этой мировой драме. Он был душою империалистского движения в Германии и идеалом новой аристократии,—нового рыцарства, как их называли. Эта аристократия возникла вслед за падением социализма, вызвана была внутренними раздорами и отсутствием дисциплины и явилась результатом сосредоточения богатств в руках немногих больших семейств. Услужливые льстецы сравнивали Карла-Альберта с Черным Принцем, с Алквиадом, с молодым Цезарем. Многим он казался даже «сверх-человеком» Ницше. Принц был белокурый, толстый, мужественного вида человек и отличался полным отсутствием нравственных устоев. Его первым, великим актом, поразившим всю Европу и чуть не вызвавшим новую Троянскую войну, был отказ от принцессы Елены Норвежской и категорически заявленное нежелание жениться на ней. Затем последовал его брак с простой швейцарской девушкой, Грэтхен Красс, бесподобной красавицей, и его отважный поступок, чуть не стоивший ему жизни—спасение трех утопающих портных, лодка которых опрокинулась в море, вблизи Гельголанды. За это и за победу над американской яхтой «Защитник», в одном состязании,—император простил принца и поручил ему контроль над новым воздухоплавательным войском Германии. Принц ваялся этим с величайшею энергией и умением, объявив, что он решил положить к ногам Германии небо, землю и моря. Национальная немецкая черта, выражающаяся в крайней воинственности, нашла в нем своего наиболее мощного выразителя и через него достигла реализации своих стремлений в этой изумительной войне. Однако, обаяние принца распро-

*) Под руководством Мольтке немцы в 1870-71 гг. вели войну с Францией.

странялось не только на его нацию. Во всем мире восхищались его непоколебимой и жестокой энергией, и он так же увлекал умы, как некогда увлекала их наполеоновская легенда. Англичане, недовольные медленными, сложными и цивилизованными приемами своей национальной политики, обращали свои взоры на мощную фигуру этого человека, не признававшего никаких компромиссов. Французы верили в него. В Америке слагали в честь его поэмы. А между тем—именно он вызвал эту войну!

Население Германии не меньше остального мира дивилось скорости и энергии имперского правительства. Но, в сущности, обширная литература, занимавшаяся предсказаниями относительно военного будущего Германии, еще в 1906 году должна была бы подготовить умы германской нации к подобному акту: как раз тогда Рудольф Мартин выступил со своим блестящим сочинением, в котором произнес пророческие слова: «будущность Германии в воздухе!»

2.

Берт Смоллуэйс не имел никакого понятия об этих гигантских замыслах и мировых силах, в самом фокусе которых он очутился. Но его очень занимал вид воздушных кораблей, лежавших, точно огромное стадо чудовищ. Каждое из них казалось ему длиною с набережную, а шириною в Трафальгарскую площадь; некоторые были длинной не меньше, чем в треть мили. Никогда в жизни не случалось Берту видеть ничего подобного этому огромному и математически-правильному парку воздушных кораблей. В первый раз у него мелькнула мысль, что на свете существует множество чрезвычайно важных вещей, о которых ни он, ни его современники ничего не подозревали до сих пор. Он всегда воображал себе немцев толстыми, смешными людьми, которые курят фарфоровые трубочки, питаются наукой, колбасой, кислой капустой и прочими несъедобными вещами.

С своей высоты Берт успел взглянуть вниз только мельком: тотчас же после первого выстрела он согнулся

в корзине, а вслед за тем шар начал быстро опускаться. Мысли у Берта путались, и он не знал, на что ему решиться, как объяснить свое появление, и назваться ли ему Беттериджем или нет. «О, Господи!» — шептал он в тоске. Тут он взглянул на свои сандалии и внезапно почувствовал отвращение к самому себе. «Ведь они подумают, что я совершеннейший идиот!» воскликнул он и с отчаяния выбросил мешок с балластом, вызвав этим ответные выстрелы в шар.

В голове у Берта мелькнула даже мысль, не представится ли ему сумасшедшим, чтобы избежать неприятных и затруднительных объяснений. Но, затем, ему показалось, что воздушные корабли поднялись, как будто желая взглянуть на него, и корзина его стукнулась о землю. Он полетел вниз головой...

Когда Берт очнулся, он был уже знаменит. Он услышал голос, кричавший:

— Да! да! Это Беттеридж, герр Беттеридж! Он самый!

Берт лежал на маленькой зеленой лужайке, возле одной из главных дорог воздухоплавательного парка. Перед ним расстилалась громадная, уходящая вдаль, перспектива воздушных кораблей. На тупом носу каждого из них красовался огромный черный орел. По другой стороне дороги тянулся, убегаая вдаль, ряд газовых генераторов, и везде, в промежутках, лежали на земле резиновые рукава. Тут же, по близости, находился и сжившийся шар Берта. Корзина этого шара казалась необыкновенно миниатюрной, какой-то сломанной игрушкой, в сравнении с гигантским корпусом возвышавшегося по близости воздушного корабля. Этот корабль, поднимаясь, как скала, заслонял проход, находящийся между ним и другими кораблями.

Когда Берт пришел в себя, то увидел, что его окружает толпа взволнованных людей, затянутых в мундиры; большей частью это были здоровые, рослые ребята. Все говорили, а некоторые что-то кричали по-немецки. Берт догадался, что это по-немецки, потому что эта публика издавала какие-то мяукающие и придушенные звуки, как исполощенные котята. Только одну фразу они повторя-

ли постоянно, и Берт мог разобрать в ней имя Беттериджа.

— Чорт возьми! — подумал Берт. — Они проведали.

— Хорошо! — сказал кто-то, и затем последовала быстрая речь по-немецки.

Возле себя Берт заметил полевой телефон; какой-то высокий офицер в голубом мундире что-то говорил про него в телефонную трубку. Другой офицер стоял около него и держал в руках портфель с чертежами и фотографиями. И все кругом смотрели на Берта.

— Вы говорите по-немецки, герр Буттерайдж? — спросил его один из офицеров, на ломаном английском языке.

Берт решил лучше представиться оглушенным от падения. Это удалось ему.

— Где я? — спросил он.

Кругом слышался несмолкаемый говор. Несколько раз упоминали о «Принце». Где-то далеко прозвучал рог, подхваченный другим горнистом, находившимся по близости. Все пришли в волнение. С грохотом промчался вагон однорельсовой дороги. Телефон звонил, не переставая, и высокий офицер, повидимому, о чем-то горячо спорил. Наконец, он подошел к группе, окружавшей Берта, и Берт расслышал немецкое слово «принести с собой».

Какой-то истощенный человек, с очень серьезным лицом и белыми усами, обратился к Берту на ломаном английском языке:

— Герр Буттерайдж, — сказал он, — мы должны отправляться.

Но Берт повторил:

— Где я?

Кто-то схватил его за плечо и спросил:

— Вы герр Буттерайдж?

— Герр Буттерайдж, мы должны отправляться, — повторил господин с белыми усами. — Что с вами? Что мы можем делать?

Офицер, говоривший в телефон, все еще бубнил свою фразу относительно «Принца» и слова: «принести с собой». Человек с белыми усами на мгновение призадумался, потом его как будто осенила какая-то идея. Он стал громким голосом отдавать приказания каким-то людям.

Послышались вопросы, и доктор, стоявший около Берта, ответил: «Да, да!» несколько раз, а потом что-то сказал про «голову». Затем он торопливо поднял сопротивлявшегося Берта с земли. Тотчас же два огромных солдата, в серых куртках, подошли к Берту и поддержали его.

— Алло!—произнес Берт с изумлением.—Что же это такое?

— Ничего,—успокоил его доктор.—Они вас понесут.

— Куда?—спросил Берт, но не получил ответа.

— Возьмите их руками за... шею, понимаете? Кругом шеи,—говорил доктор.

— Да... Но куда?—повторил Берт.

— Держитесь крепче.

Прежде чем Берт мог прибавить еще хоть словечко, два дюжих солдата подхватили его и понесли. Солдаты взяли за руки, устроив из своих рук сидение для Берта, посадили его, а его руки положили себе на плечи. Раздалась команда: «Вперед». Кто-то бежал впереди, с портфелем в руках. Солдаты быстро понесли Берта по широкой дороге между газовыми генераторами и воздушными кораблями. Они несли его, в общем, довольно осторожно и только раза два споткнулись о резиновые рукава генераторов, чуть не уронив свою ношу.

У Берта на голове была альпийская шапка Беттериджа, а на плечах его плащ. Он отвечал, когда его называли именем Беттериджа. Сандалии беспомощно шлепали у него на ногах. Все куда-то страшно торопились. Он смотрел, бесконечно удивляясь и не понимая, что делается вокруг.

Систематический порядок, множество солдат, аккуратно сложенные груды материалов и бесчисленные линии однорельсовой дороги, а также гигантские кузова воздушных кораблей—все это напоминало ему доки в Вульвике, где он был еще давно, мальчиком. Но тут отражалась вся мощь современной науки, создавшей этот гигантский парк. Странное впечатление производил также электрический свет, исходивший откуда-то снизу, от самой земли. В стгутившихся сумерках, все тени отбрасывались вверх, и Берт видел свою громадную, смешную тень и тень от солдат, несших его на руках. Тени слива-

лись вместе, принимая вид какого-то фантастического гигантского чудовища на коротких ногах и с огромным горбом, двигавшегося вдоль цепи воздушных кораблей. Освещение было устроено внизу, чтобы избежать установки столбов и стоек, которые могли бы помешать подъему воздушных кораблей.

Темнота сгущалась. Вечер был тихий, небо безоблачное. Все предметы вследствие освещения снизу бросали громадные тени, уходившие вверх и расплывавшиеся в какие-то неопределенные, полупрозрачные массы. Внутри кузовов кораблей горели лампочки, сверкая, точно звезды сквозь облака. Все носило какой-то удивительно призрачный характер. Названия кораблей были сделаны черными буквами на белом поле, с боков корпуса, а на носу—имперский орел царственно простирал свои крылья в темноте. Раздавались звуки горна, мимо пробегали с шумом вагоны однорельсовой дороги, наполненные солдатами. Каюты, устроенные под переднюю часть воздушных кораблей, были освещены, и через открытые двери можно было видеть обитые подушками проходы. По временам раздавался чей-то голос, отдававший приказания невидимым рабочим.

Берта пронесли мимо часовых по ступеням, затем по какому-то длинному, узкому проходу, мимо наваленного в беспорядке багажа, и, наконец, опустили на пол в дверях обширной каюты. Берт на глаз определил, что полкомнаты был около десяти квадратных футов, а высота—около восьми. Кюта была обита красными подушками и отделана алюминием. Высокий молодой человек, с птичьей физиономией, маленькой головой, длинным носом и бесцветными волосами, стоял в каюте, держа в руках разные принадлежности туалета и что-то говорил про «Бога», про «громы небесные» и про «дурака Буттериджа». Должно быть, это был прежний обитатель каюты, которого теперь прогоняли оттуда. Когда он исчез, Берта опустили на койку в углу каюты и подложили ему под голову подушку. Дверь затворилась, и он остался один. Все, странным образом, торопились выйти.

— Чорт возьми!—подумал он.—Что же теперь будет? Он пристально осматривал каюту.

— Как быть?—проговорил Берт.—Должен ли я поддерживать их заблуждение или нет? Гм... Комната не похожа на тюрьму и не похожа на больницу...—Тут он вспомнил о своих сандалиях и капризно крикнул кому-то—вселенной:

— На чорта мне эти сандалии! Они мне все портят!..

3.

Вдруг дверь открылась, и в каюту вошел какой-то плотный молодой человек в военной форме. Он принес портфель Беттериджа, его мешок и маленькое зеркальце для бритья. У него было открытое лицо и рыжевато-белые курые волосы.

— Так, значит, вы Беттеридж?—сказал он, безукоризненно выговаривая английские слова. Опустив на пол скудный багаж Берта, он прибавил:—Мы должны были тронуться в путь через полчаса. Вы попали как раз.—Он с любопытством разглядывал Берта и на мгновение взгляд его остановился на сандалиях.—Вам бы следовало явиться сюда на своей летательной машине, мистер Беттеридж!—сказал он и, не дожидаясь ответа, продолжал:—Принц поручил мне позаботиться о вас. Конечно, он не может принять вас теперь, но ваше прибытие он считает счастливым предзнаменованием. Милость неба! Перст Божий! Алло!

Он вдруг остановился и начал прислушиваться.

Снаружи доносился топот ног, звуки отдаленного горна, которому вторили горнисты по близости. Слышны были громкие человеческие голоса, отрывисто и резко говорившие о каких-то важных вещах. Им отвечали откуда-то издали. Раздался звук колокола, и по коридору послышались шаги. Затем наступила какая-то жуткая тишина, и, наконец, раздалось громкое журчание и плеск воды. Молодой человек слушал, подняв брови. Он как будто о чем-то раздумывал несколько мгновений, потом бросился вон из комнаты. Тотчас же последовал сильный толчок, сопровождавшийся целой гаммой разнообразных звуков и криками «ура».

Молодой человек снова появился.

— Они выпускают воду из маленького шара,—сказал он.

— Какую воду?

— Которая удерживала нас на земле. Ловкая штука. А?

Берт с удивлением смотрел на него.

— В самом деле, вы, кажется, ничего не понимаете?—воскликнул молодой человек.

Берт почувствовал, что его койка слегка дрогнула.

— Это машина,—сказал молодой человек ободряющим тоном.—Теперь уже не долго.

Он снова начал прислушиваться. Кайота закачалась.

— Ага!—воскликнул он радостно.—Мы поднимаемся! Мы, в самом деле, поднимаемся!..

— Поднимаемся? Куда?—вскричал Берт, садясь на своей койке.

Но молодой человек уже выбежал из комнаты. В проходе слышалась громкая немецкая речь и другие звуки, странно действовавшие на нервы Берта.

Молодой человек опять вошел:

— Мы поднялись уже достаточно высоко...

— Куда мы поднимаемся?—вскричал Берт.—Я хочу, чтоб вы выражались яснее. Слышите! Где я нахожусь? Я ничего не понимаю!

— Как!—воскликнул с изумлением молодой человек.—Вы не понимаете?

— Нет. Меня оглушило падение, и я ничего не могу сообразить. Где мы находимся? И куда мы поднимаемся?

— Вы не знаете, где вы находитесь, и что это такое?

— Абсолютно не знаю. Отчего эта качка и весь этот шум?

— Нет! Каков шутник! А? Вы ничего не знаете? Не знаете, что мы отправляемся в Америку? Не поняли этого? Вы как раз захватили нас в самый момент выступления. И теперь вы находитесь на старом «Фатерланде», на благословенном флагманском судне принца... Вы, таким образом, ничего не пропустите. Что бы ни случилось, вы можете быть уверены, что «Фатерланд» не останется позади!..

— Мы... В Америку?

— Конечно.

— На воздушном корабле?

— А то как же?

— Чтобы я отправился в Америку на воздушном корабле? И сейчас же после воздушного шара? Нет, слуга покорный! Говорю вам, я не хочу! Я хочу гулять на собственных ногах. Пустите меня! Я не знал!

Он бросился к двери. Но молодой человек жестом удержал Берта и, дернув за ремень, раздвинул панель: под мягкой обивкой открылось окно.—Смотрите!—сказал молодой человек.

Они стали рядом и начали смотреть в окно.

— Вот так штука!—сказал Берт.—И в самом деле, мы поднимаемся!

— Да, поднимаемся... и очень быстро!—радостно вскричал молодой человек.

Воздушный корабль поднимался очень ровно, медленно двигаясь над воздухоплавательным парком. Геометрически-правильные очертания парка были намечены в темноте пунктиром ярких электрических точек-огней. Черная дыра в длинном ряду серых кругловатых кузовов воздушных кораблей указывала то место, откуда поднялся «Фатерланд». Рядом с этой дырой виднелось другое чудовище, которое тоже медленно поднималось, освобожденное от связей и кабелей. Когда корабль поднялся на известное расстояние, за ним последовал третий, потом четвертый...

— Видите, мистер Беттеридж, теперь уже поздно,—заметил молодой человек Берту.—Мы поднялись. Я понимаю, для вас это было неожиданностью. Но что же делать? Принц велел вас взять с собой.

— Слушайте!—воскликнул Берт.—У меня, в самом деле, голова кружится. Что это за штука? Куда мы отправляемся?

Молодой человек постарался объяснить Берту.

— Это флагманский корабль,—сказал он,—корабль принца Карла-Альберта. Это германский воздушный флот, и он отправляется в Америку, чтобы проучить этот зазнавшийся народ. Но нас тревожило только ваше избрание. И вот, теперь вы сами явились сюда!

— Скажите, вы—немец?—спросил Берт.

— Лейтенант Курт, воздухоплавательного экипажа, к вашим услугам.

— Но вы так хорошо говорите по-английски!

— Мать моя была англичанка. Ходил в школу в Англии. Потом был стипендиатом Родса. И все-таки я немец. Отряжен принцем, чтобы заботиться о вас. Вы были ошеломлены падением. Но теперь все опять хорошо. У вас купят вашу машину и все остальное. Так что сидите здесь и не тревожьтесь. Вы скоро освоитесь со своим новым положением.

4.

Берт сидел на койке, стараясь собраться с мыслями, а лейтенант Курт говорил ему о воздушном корабле. Курт был очень тактичный и любезный молодой человек.

— Смее думать,—сказал он,—что все это для вас новость. Это не такая машина, как ваша. Каюты здесь, право, недурны.—Он прошелся по маленькой комнате, объясняя Берту ее устройство.—Вот постель,—сказал он, откидывая складную кровать и вновь, с шумом, прихлонивая ее к стене.—А вот туалетные принадлежности.—Он открыл шкафчик и показал Берту.—Но много умываться нельзя. Воды у нас нет, за исключением воды для питья. Ни ванн, ничего,—пока мы не прилетим в Америку и не спустимся на землю. Обтирайтесь губкой. А для бритья получите одну кружку горячей воды. Больше ничего. В ящике, под вами, вы найдете шерстяные одеяла и простыни. Вам они понадобятся. Говорят, будет холодно. Я не знаю; никогда еще не поднимался так высоко. Три четверти людей из нашего экипажа тоже никогда не бывали так высоко... А вот складной стул и столик, тут за дверью. Не правда ли, удобно? А?

Он взял стул и на одном пальце приподнял его.

— Очень легок! А? Сделан из алюминия с примесью магнезии, внутри пустота. Вот эти подушки,—все наполнены водородным газом. Хитрая штука, а? Весь корабль так устроен. И никого, за исключением принца да еще одного или двух офицеров, которые превышали бы опре-

деленный вес, около 3½ пудов. В работе никто, знаете ли, не сравнится с принцем. Завтра все решится. Я просто горю нетерпением.

Посмотрев пристально на Берта, Курт прибавил:

— А ведь вы выглядите молодым. Я всегда представлял себе вас стариком, с большой бородой, с наружностью философа... Не понимаю, отчего это умных людей всегда воображаешь себе стариками! Я, например, всегда так думаю...

Берт несколько смущенно ответил что-то на этот комментарий, но лейтенант уже осаждал его новыми вопросами: отчего он не явился на своей собственной летательной машине.

— Это длинная история,—сказал Берт и отрывисто прибавил:—Послушайте, не можете ли вы одолжить мне туфли или ботинки, или что-нибудь в этом роде? Мне прямо нестерпимо в этих сандалиях. Они никуда не годятся, я взял их у одного приятеля...

— О, конечно!—воскликнул Курт и на минуту вышел из комнаты. Он вернулся с целым запасом обуви. Тут были легкие бальные туфли, и туфли для купанья, и пара ярко-пунцовых туфель, с вышитыми на них золотыми цветами. Однако, на эти последние Курт взглянул как будто с сожалением и прибавил:

— Я даже их не надевал ни разу... Просто захватил с собою... впопыхах. Это мне вышили в Оксфорде... Один приятель,—прибавил он с конфиденциальной улыбкой...—Но вы все же возьмите их.

Берт выбрал бальные ботинки.

— Каково!—сказал лейтенант.—Вот мы тут с вами выбираем ботинки, а внизу, под нами, разворачивается гигантская панорама мира. Разве это не забавно? А? Взгляните-ка сюда.

Берт вместе с ним выглянул в окошко маленькой красной, отделанной серебристым алюминием каюты. Внизу, на земле, все было темно, и нельзя было различить отдельных очертаний, только какое-то озеро слегка выделялось на общем темном фоне. Других воздушных кораблей в темноте тоже не было видно.

— Посмотрим снаружи,—сказал лейтенант.—Пойдемте. Тут есть маленькая галерея.

Он провел Берта в длинный коридор, освещенный только одною электрическою лампочкой, прошел мимо нескольких надписей на немецком языке и вышел на открытый балкон. Легкая лестница вела вниз на галерею, сделанную из металлической решетки и повисшую над пустым пространством. Берт, медленно и осторожно ступая по лестнице, спустился вслед за Куртом на галерею. Отсюда можно было наблюдать чудное зрелище: ночной полет первого воздушного флота. Воздушные корабли летели сомкнутым строем в виде клина; «Фатерланд» был выше и впереди всех. Хвост этой удивительной процессии далеко уходил в небеса. Огромные темные воздушные корабли, видом напоминавшие рыб и почти не освещенные, быстро двигались, правильными, длинными, волнообразными линиями. Стук машин был ясно слышен на галерее. Они летели на высоте пяти или шести тысяч футов, постепенно поднимаясь выше. Внизу, на земле, все было тихо, и только временами темнота освещалась пламенем доменных печей, или же появлялись огоньки освещенных улиц больших городов... Мир, казалось, лежал в каком-то углублении, над которым повис огромный воздушный флот и заслонил собою все небо, кроме самых нижних его слоев...

Некоторое время они, молча, наблюдали ландшафт внизу.

— Должно быть, интересно изобретать разные вещи,—сказал вдруг лейтенант Курт.—Скажите, как это вам впервые пришло в голову изобрести такую машину?

— Сработал ее,—отвечал Берт после небольшой паузы.—Долго думал об этом.

— У нас горят нетерпением узнать все относительно вас. Думали, что англичане уже приобрели ваше изобретение. Ведь они добивались его?

— В известной степени... Но это длинная история...

— Мне кажется, необыкновенно трудно—изобретать! Я бы, кажется, не изобрел ни за что на свете.

Оба замолчали, углубившись в свои мысли и в созерцание темневшего внизу мира. Звук гонга, сзывавшего к

позднему обеду, оторвал их от размышлений. Берт вдруг встревожился.

— Разве не надо переодеваться к обеду?—спросил он.—Видите ли, я всегда был слишком поглощен наукой и плохо знаком со светскими обычаями.

— Будьте покойны,—сказал Курт.—Тут никто не имеет другого платья, кроме того, которое на нем. Мы ведь путешествуем без багажа. Быть может, вы снимете пальто? В каждом конце комнаты имеется для нагревания электрический радиатор.

И вот Берт очутился за столом, в присутствии германского «Александра Великого», знаменитого и могущественного принца Карла-Альберта, героя двух полушарий. Это был красивый, белокурый человек, с плоским носом и глубоко сидящими глазами. Усы у него были закручены вверх, длинные руки были очень белы. Он сидел на высоком кресле, под германским императорским флагом и черным орлом, широко расправившим свои крылья. Он как будто восседал на троне, и Берта поразило то, что, когда принц ел, то он смотрел через головы присутствующих, как человек, который видит что-то, невидимое остальным. Двадцать офицеров, различного ранга, стояли тесною толпой вокруг стола. Все, пови-димому, сгорали нетерпением увидеть знаменитого Беттериджа, и когда Берт появился, они не могли скрыть своего изумления. Принц с важностью кивнул ему головой, на что Берт, по счастливому вдохновению, ответил низким поклоном. Возле принца находился смуглый, сморщенный человек, в серебряных очках, с пушистыми, грязновато-серого цвета бакенбардами. Этот человек разглядывал Берта с особенным вниманием, которое прямо-таки смущало Берта. Исполнив какие-то, непонятные для Берта, церемонии, компания села за стол. На другом конце стола сидел офицер, с птичьей физиономией, который вынужден был уступить Берту свою каюту. Он также смотрел на Берта с недоброжелательным вниманием и что-то шептал о нем своему соседу. Два солдата прислуживали за столом. Обед был легкий: суп, свежая баранина и сыр. Говорили очень мало.

Вообще за обедом преобладало какое-то торжественное настроение. Отчасти это была реакция после всех волнений и напряженной работы, перед началом похода, отчасти это зависело от сознания необычайной новизны положения и риска всего предприятия. Принц тоже погружился в думы. Он встал, чтобы предложить тост за императора, и все крикнули «Hoch!», как прихожане в церкви, повторяющие припев. Курить не позволялось, но некоторые из офицеров вышли на галерею, чтобы пожевать табак. Вообще всякий огонь был опасен среди этой массы взрывчатых веществ.

Берт почувствовал дрожь и начал зевать. Он был совершенно подавлен сознанием собственного ничтожества среди этих громадных, быстро несущихся воздушных чудовищ. Жизнь оказалась необъятной—Берт никак не мог ее вместить. Он пожаловался Курту на головную боль; по крутой лестнице прошел с маленькой висячей галереи внутрь воздушного корабля, в свою каюту и, точно ища убежища, кинулся в постель...

5.

Берт спал беспокойно: его преследовали страшные сны. Большею частью он видел себя в бесконечном коридоре воздушного корабля, с бесчисленным множеством опускающихся дверей, или среди сквозного переплета, образующего остов корабля, и безумный, непонятный ужас охватывал его...

— Ох!—воскликнул он, проснувшись: в эту ночь—он уже седьмой раз летел вниз головой через какое-то бесконечное пространство.

Берт сел на кровати в темноте и начал растирать свои колени. Движения воздушного корабля далеко не были такими плавными, как движения воздушного шара. Берт чувствовал: вот корабль идет вверх-вверх-вверх, потом вниз-вниз-вниз, потом стук и дрожь корпуса от машин.

Всевозможные воспоминания нахлынули на Берта, когда он сидел в темноте, и все чаще всплывал тревожный вопрос: что-то будет завтра? Завтра, как сообщил Курт, секретарь принца, граф фон-Винтерфельд, придет к Бер-

ту, чтобы переговорить с ним насчет летательной машины, а затем Берту будет дана аудиенция у принца. Берту надо будет укрепить теперь мнение, что он — Беттеридж, и продать его изобретение. А вдруг, если они выведут его на чистую воду! Он увидел перед собой призрак взбешенного Беттериджа... Предположим, что он потом сознается, скажет, что это было недоразумение? Он начал обдумывать план действий. Как продать этот секрет и обойти Беттериджа? Какую сумму назначить? Берт решил, что двадцать тысяч фунтов—будет подходяще...

Постепенно Бертом овладевало уныние. Он затеял слишком большую игру, слишком большую...

— Где я был в это время прошлой ночью?—старался он вспомнить, восстанавливая в памяти все подробности. Да, он был в облаках, на воздушном шаре Беттериджа. Он вспомнил, как опустился сквозь облака и в холодном сумеречном свете увидал внизу море, совсем близко. Все это представлялось ему теперь, точно в кошмарном сне. А всего только за ночь перед этим он с Граббом искал дешевого ночлега в Литтлстоне, в Кенте... Как все это было далеко теперь! Казалось, прошли целые годы... В первый раз он вспомнил своего товарища, «дервиша пустыни», которого он покинул в песках Даймчёрча, с двумя велосипедами, покрашенными в ярко-красный цвет.—Ну, без меня-то он не сумеет давать представление, — подумал Берт.—А ведь казна-то наша осталась у него, в кармане!—вспомнил он. Накануне перед тем был праздник, и они сидели вдвоем и обсуждали свое трубадурское предприятие, составляя программу, репетируя куплеты. А за день до этого была Троица...

— Господи!—воскликнул Берт.—К чему привело меня это приключение с мотоциклетом!..

Ему припомнился глухой звук от хлопанья подушкой по горящему мотоциклету. Вспомнил он также и то чувство бессилия, которое овладело им, когда пламя вспыхнуло вновь, несмотря на все старания потушить его. Но среди всех этих грустных воспоминаний ярко выделялся один светлый образ—образ молодой девушки, крикнувшей ему, на прощание: «Я, ведь, завтра увижу вас, Берт?»—

Все связанное с Эдной как-то приурочивалось именно к этому моменту, именно к этим ее словам. Понемногу мысли Берта пришли в блаженное состояние, которое выразилось, наконец, в решении: «Я женюсь за ней, если только она этого захочет...» И тут же у него в мозгу молнией пронеслась мысль, что, если он продаст секрет Беттериджа, его брак с Эдной может осуществиться. В самом деле, ведь он может получить двадцать тысяч фунтов! Такие суммы выплачивались за изобретения. Получив такую сумму, он бы мог купить дом с садом, мог бы одеться по самой последней моде, купить мотор, путешествовать и вообще пользоваться, вместе с Эдной, всеми удовольствиями цивилизованной жизни. Конечно, все это сопряжено с риском для него. «Беттеридж, шаверное, не оставит меня в покое!»—подумал Берт, и снова им овладело уныние.

В данный момент, он был еще в самом начале своих походов. Ему надо выдать документы и получить деньги из кассы. Но прежде чем это будет... Ведь до возвращения домой еще далеко. Он летит в Америку и будет там сражаться. Положим, вряд ли придется много сражаться. Но если вдруг какая-нибудь граната угодит в бок «Фатерланда»?

— «Не сделать ли мне завещание?»—подумал Берт и снова улегся на койку, чтобы хорошенько поразмыслить об этом. Конечно, он составит завещание в пользу Эдны—он уже решил, что получит свои двадцать тысяч. Но когда он занялся распределением небольших сумм в пользу других лиц, то мысли его мало-по-малу стали путаться, и завещание приняло необыкновенно странный, причудливый характер... Он снова проснулся от неприятного ощущения падения в пространстве. Это уже восьмой раз в течение одной ночи!—«Это полет так действует на мои нервы»,—подумал Берт. Он ясно ощущал волнообразное движение судна: сперва—спуск вниз-вниз-вниз, потом подъем вверх-вверх-вверх, и это непрерывное тук-тук-тук машины!..

Берт встал, закутался в одеяло и плащ Беттериджа,—было холодно,—и начал смотреть в окно на облака.

сквозь которые уже пробивался сероватый рассвет. Потом он зажег электричество, закрыл засовом дверь и, присев к столу, вытащил свой нагрудник. Достав оттуда планы, он разложил их рукой и принялся внимательно рассматривать; затем вынул другие чертежи из портфеля. Двадцать тысяч фунтов! Надо только умело действовать. Во всяком случае, стоило попробовать!

Берт открыл указанный Куртом ящик, где хранились письменные принадлежности.

Берт Смолдуэйс был вовсе не дурак, и в некотором отношении он получил даже недурное образование. В школе он научился немножко чертить, вычислять и разбираться в чертежах. Если его ученье на этом кончилось, и он вынужден был бороться за свое существование в атмосфере всевозможных рискованных предприятий и реклам, то это, в конце концов, была не его вина. Он стал таким, каким сделало его государство. Но из этого еще не следует выводить заключения, что Берт был абсолютно неспособен охватить идею летательной машины Беттериджа. Она показалась ему очень запутанной сначала, но потом знания, которые он приобретал в школе, и опыт, полученный в мастерской Грабба, помогли Берту разобраться, хотя изобретатель, кто бы он ни был, повидимому, боялся вполне раскрыть свои намерения. Берт долго просидел над чертежами, очень недурно скопировал их, сделал рисунки и заметки—и задумался. Наконец, он встал и, тяжело вздохнув, засунул чертежи в нагрудник, а нагрудник—во внутренний карман куртки; сделанные копии чертежей—Берт очень аккуратно вложил на место оригиналов. В сущности, у него не было никакого определенного плана, когда он сделал это, но ему была просто неприятна мысль расстаться с этим изобретением. Он еще долго сидел, задумавшись и вздыхая. Наконец, он погасил электричество и решил снова лечь и попробовать заснуть.

6.

Высокородный граф фон-Винтерфельд тоже плохо спал эту ночь. Впрочем, он вообще спал очень мало и ночью занимался разрешением в голове разных сложных дипло-

матических проблем. А теперь как раз ему предстояло разрешить особенно трудную задачу.

Винтерфельд явился к Беттериджу, когда тот еще был в постели. Каюта была освещена солнечными лучами, отраженными снизу, от поверхности Северного моря; Берт попивал кофе, принесенный ему солдатом. Винтерфельд пришел с портфелем под мышкой, в больших серебряных очках, солнце ярко освещало его седую голову, и у него был почти добродушный вид. Он говорил по-английски бегло, но с очень сильным немецким акцентом, особенно, когда дело доходило до букв «би» и «ти-эйч»; он все сбивался на букву з, а Берта называл «Путерайдж». Любезно поклонившись, он взял складной стул и столик, спрятанные за дверью, поставил стол между собой и Бертом, и, слегка откашлявшись, раскрыл портфель. Затем облокотившись локтями на стол, приложил пальцы к губам и сказал, пристально посмотрев на Берта взглядом, приведшим его в замешательство:

— Вы явились к нам, герр Путерайдж, помимо вашей воли.

— Откуда вы это знаете?—спросил изумленный Берт, после некоторой паузы.

— Я вижу по картам, найденным в вашей корзине. Это карты Англии. И по провизии, найденной там. Это все взято для пикника. Также и веревки у вас были запутаны. Вы тянули, но без пользы. Вы не могли полее управлять шаром. И другая зила, полее могучая, нежели ваша, принесла вас к нам. Не так ли?

Берт молчал, размышляя.

— Хорошо,—продолжал Винтерфельд.—А где же дама?

— Это еще что! Какая дама?

— Вы поднялись вместе с дамой. Это ясно. Вы устроили на воздушном шаре пикник. Человек с вашим темпераментом, конечно, должен был взять с собою даму. Но ее не было с вами, когда вы опустились в Дорнгофе. Нет! Осталась только ее жакетка... Конечно, это ваше дело. Но мне было бы очень интересно знать...

— Откуда вы все это узнали?—спросил Берт.

— Я жужу по тем припасам, которые вы взяли с собой. Но я не могу сказать, что вы сделали с дамой, мистер Путерайдж. Не могу также сказать, отчего вы надели простые сандалии и такое дешевое зинее платье. Это, впрочем, и не входит в мои инструкции. Быть может, вы это сделали ради забавы. Официально мы игнорируем эти подробности. Дамы приходят и уходят... Я понимаю это. Я ведь тоже светский человек. Видел я также очень умных людей, которые носили сандалии и даже держались вегетарианских привычек. Я знал людей,—во всяком случае, я знал химиков,—которые не курили... По всей вероятности, вы где-нибудь спустили свою даму. Хорошо. А теперь перейдем к делу. Высшая сила,—сказал он торжественным тоном, и глаза его, смотревшие сквозь увеличительные стекла очков, точно еще расширились,—высшая сила доставила вас и ваш секрет прямо к нам. Так! Да пудет воля Всевышнего!—Он склонил голову на мгновение.—Тут судьба Германии и моего принца,—продолжал он.—Я понимаю, что вы всегда носите с собой этот секрет. Вы поитесь грабителей и шпионов. И таким образом этот секрет попал, вместе с вами, в наши руки. Мистер Путерайдж, Германия заплатит вам за него!

— Да?

— Да!—сказал секретарь принца и сурово взглянул на сандалии Берта, брошенные в угол, около ящика. Он встал и начал рассматривать какие-то записки. Берт с напряженным вниманием и страхом следил за ним.—Германия,—я уполномочен оп'явить вам это,—всегда хотела купить ваш секрет. Мы даже очень хотели приопрестить его, страстно желали скорее купить его. И только опасение, что вы в данном случае, из патриотических попуждений, действуете наперекор пританскому военному министерству, заставило нас поступать осторожно и сдержанно в переговорах с вами через посредников. Но мы нисколько не колебались принять ваши условия, и мне поручено заявить вам, что мы зогласны уплатить вам сто тысяч фунтов, которые вы спрашиваете.

— Чорт возьми!—невольничко воскликнул Берт.

— Что вы сказали?

— В голову кольнуло,—ответил Берт, подняв руку к своей забинтованной голове.

— А!.. Итак, мне поручено заявить вам, что во всей истории этой плагородной и несправедливо обвиненной лэди, которую вы так мужественно защищали против пританского лицемерия и черствости, все рыцарство Германии пезусловно находится на ее стороне.

— Лэди?—робко спросил Берт. Но тут он вспомнил любовную историю Беттериджа. Неужели этот старик прочел любовные письма? Если так, то ведь он должен считать его страстно влюбленным в эту лэди!

— Прекрасно,—проговорил, наконец, Берт.—Что касается ее, то я не сомневался относительно этого, я...

Он запнулся. Секретарь, конечно, смотрел на него во все глаза и Берту эта неловкая минута показалась бесконечной.

— Очень хорошо,—сказал, наконец, Винтерфельд.—Лэди—это ваше дело, я только исполнил свою инструкцию. И титул парона вы также можете получить, герр Путерайдж. Это все можно...—Он снова уставился глазами в стол и, помолчав немного, прибавил:—Я должен сказать вам, сэр, что вы явились к нам как раз в замый момент кризиса в мировой политике. Я не вижу теперь никакой опасности в изложении вам наших планов. Прежде чем вы покинете это зудно, планы наши уже станут известны всему миру. Война уже, пыть может, об'явлена в данную минуту. Мы отправимся в Америку. Наш воздушный флот опустится на Зоединенные Штаты. Эта страна совершенно не подготовлена к войне, совершенно! Американцы всегда полагались на Атлантический Океан. А их флот? Мы изприали известный пункт,—эта тайна наших командиров—и, захватив его, устроим там баву, своего рода внутреннний Гибралтар. Это пудет,—с чем бы сравнить это?—да, это пудет орлиное гнездо. Там пудет стоянка нашего воздушного флота. Там пудет производиться ремонт кораблей, и оттуда они пудут спускаться в Зоединенные Штаты, наводить ужас на городз и население, подчинят Вашингтон своей власти, заставят его принять наши условия. Вы следите за тем, что я вам говорю?

— Продолжайте,—сказал Берт.

— Мы, конечно, могли бы всего этого достигнуть, пользуясь только нашими воздушными кораблями и летающими драконами, но приобретение вашей машины дополняет наш проект. Мы не только получаем более усовершенствованную летательную машину, но избавляемся от всякой тревоги относительно Великобритании. Без вас, сэр, Великобритания,—страна, которую вы так любили и которая так дурно вам отплатила, страна фарисеев и рептилий,—не в состоянии будет сделать ничего, ни-че-го!.. Вы видите, я с вами говорю вполне откровенно. Прекрасно. Мне поручено объяснить вам, что Германия все это признает, и что она желает иметь вас в своем распоряжении. Мы приглашаем вас на пост главного инженера нашего воздушного флота. Мы хотим, чтоб вы построили целый рой таких летающих шмелей, которые и будут находиться под вашим руководством. Вы будете управлять этою силой. Вы нам нужны именно в Америке, где мы хотим устроить станцию. Поэтому мы, без всякого колебания и оговорок, соглашаемся на все ваши условия, поставленные вами неделю тому назад: сто тысяч фунтов наличными деньгами, жалованье три тысячи фунтов в год, пенсию в тысячу фунтов и паронский титул, как вы этого желали. Вот и все мои инструкции.

Закончив свою речь, граф опять устался в лицо Берт. Берт старался подавить свое волнение и сохранить спокойствие и хладнокровие. Теперь наступил момент осуществления той схемы, которую он обдумывал ночью.

Винтерфельд с удвоенным вниманием рассматривал воротник Берта, и только один раз мимоходом взглянул на сандалии—и опять на Берта.

— Надо подумать,—сказал Берт, чувствуя себя неловко под упорным взглядом графа. Наконец, собравшись с духом, он проговорил решительно:—Видите ли, у меня в руках секрет. Не так ли?

— Да?

— Но, отдавая его вам, я не хочу, чтобы упоминалось имя Беттериджа.

— Из деликатности.

— Вы угадали. Вы покупаете секрет, я продаю его вам, и все.

Берт чувствовал, что робеет под упорным взглядом графа, не спускавшего с него глаз.

— Вы хотите это сделать анонимно? Не так ли?

— Да,—сказал Берт, все более и более смущаясь.— Я назовусь другим именем, ну, скажем—Смоллуэйсом... Баронского титула мне не нужно. Я раздумал. Деньги, сто тысяч фунтов, я прошу распределить следующим образом: тридцать тысяч должны быть внесены в отделение Лондонского банка в Бен Хилле, в Кенте, и выплачены мне непосредственно за передачу чертежей; двадцать тысяч должны быть положены в английский банк, а остальные разделены пополам между каким-нибудь хорошим французским банком и Германским Национальным банком. Но я не хочу, чтобы они были внесены на имя Беттериджа. Я предлагаю положить их на имя Альберта Питера Смоллуэйса. Вот мой псевдоним. Это одно условие.

— Далее!—сказал секретарь.

— Затем другое условие, чтобы вы не делали никаких расследований относительно документов. Я имею в виду то, что делают английские джентльмены, когда продают или предоставляют вам выгружать товар. Вам нет надобности знать, откуда я взял этот товар. Я нахожусь здесь, отдаю вам свой товар, и дело кончено. Видите ли, могут оказаться люди, которые будут иметь дерзость говорить, что это не мое изобретение. Ну, вы знаете, что это не так. Хорошо! Но я не хочу никаких расспросов. Я хочу, чтобы была заключена окончательная сделка, просто и верно, и больше ничего. Понимаете?

В ответ на его слова последовало глубокое молчание. Винтерфельд вздохнул, откинулся на спинку стула и, достав зубочистку, принялся задумчиво ковырять в зубах.

— Какое имя вы сказали?—спросил он, наконец, окончив свое занятие.—Я должен записать его.

— Альберт Питер Смоллуэйс,—робко проговорил Берт.

Секретарь довольно долго записывал его, испытывая некоторое затруднение вследствие различного произно-

шения букв английской и немецкой азбуки. Наконец, он справился с этими трудностями и тогда, снова откинувшись на спинку стула, взглянул в упор на Берта и сказал:

— А теперь, мистер Шмаллвэйс, расскажите мне, как вы завладели воздушным шаром мистера Беттериджа.

7.

Когда, наконец, граф фон-Винтерфельд ушел, он оставил Берта в самом подавленном состоянии духа. Берт рассказал всю свою историю.

Он, как говорится, на-чисто исповедался во всем. Он должен был рассказать все подробности, объяснить свой костюм, сандалии, свою затею—все! Секретарь, повидимому, был очень заинтересован его рассказом, и вопрос о чертежах на время был оставлен в стороне. Винтерфельд пустился даже в различные предположения относительно прежних путешественников на этом воздушном шаре:

— Полагаю, что эта «лэди» не была действительно «лэди». Впрочем, это не наше дело...—Это очень интересная и запавная история,—прибавил он.—Но я боюсь, что принц будет недоволен. Он действовал со своею опычною решительностью. Он всегда действует с изумительною решительностью... Точно Наполеон! Как только ему донесли, что вы опустились в лагере Дорнгофа, он немедленно сказал: «Принесите его сюда, принесите его сюда! Это моя звезда!»—Вы понимаете? Он будет разочарован. Он ожидал, что вы—герр Путтерайдж, а вы—не герр Путтерайдж! Вы попробовали выдать себя за него, но неудачно. Его зуждения о людях всегда пывают очень верны и справедливы, и для людей будет лучше, если они будут зообразоваться з этими зуждениями. Озопенно теперь... В озопенности теперь...

Он снова приложил пальцы к губам и заговорил почти конфиденциальным тоном:

— Будет неловко. Я проповал внушить зомнения принцу, но меня опровергли. Принц и слушать не хотел. На этой вызоте он всегда пывает в возпужденном зостоянии. Пыть может, он подумает, что его «звезда» подшу-

тила над ним... или подумает, что я строю из него дурака...

Он наморщил лоб, и углы его рта опустились.

— Но чертежи-то у меня,—заметил Берт.

— Это верно. Да. Но, видите ли, принц был заинтересован Путтерайджем преимущественно с романической стороны. Герр Путтерайдж представлялся ему зовсем иным... Ах, он воопражал сепе его гораздо значительно... Поюсь, что вы также не в зостоянии пыли бы удовлетворить его и в другом отношении, не могли бы управлять машинным отделом нашего воздушного парка, как он этого желал бы... Он рассчитывал... Затем тут играет роль и престиж Путтерайджа... Хорошо! Мы посмотрим, что можно пудет сделать. Давайте чертежи!

Секретарь протянул руку. Сильная дрожь охватила Берта. Никогда, до конца своей жизни, он не мог с точностью сказать, заплакал ли он в самом деле, в этот момент. Но в голосе его несомненно слышались слезы, когда он проговорил:

— Что ж, я ничего даже не получу за них?

Секретарь посмотрел на него добродушными глазами и сказал:

— Вы ничего не заслуживаете.

— Но я мог бы разорвать их.

— Они вам не принадлежат.

— Но, ведь, они и не ваши...

— Нет надопности платить что-нибудь.

Берт, повидимому, готов был на отчаянный поступок. Он крепко сжал руками свой плащ и воскликнул:

— Ну, так вы не получите их! К чорту!

— Успокойтесь,—сказал ему секретарь.—Выслушайте меня. Вы получите пятьсот фунтов. Я опещаю вам это. Я сделаю это для вас, но это все, что я могу сделать! Возьмите их от меня. Напишите название банка... Так! Я говорю вам, что с принцем шутки плохи! Не думаю, чтобы ваша наружность удовлетворила его вчера вечером. Он хотел иметь Путтерайджа, а вы обманули его. Принц—я зовершенно не понимаю причины,—находится теперь в каком-то странном зостоянии. Пыть может, так повлияло на него волнение при под'еме и этот великий позет в воз-

духе. Я совсем не могу ручаться за него. Но если все войдет хорошо,—я уж постараюсь об этом!—то вы получите пятьсот фунтов. Зогласны? Тогда давайте мне чертежи...

— Старый мошенник!—воскликнул Берт, когда хлопнула дверь.—Чорт побери! Этаким негодяй!..

Берт уселся на стул и некоторое время сидел молча, не двигаясь.

— Хорошую бы штуку я преподнес ему, еслиб изорвал чертежи!—сказал он, наконец, потирая пальцем переносицу.—Да! Я проиграл игру! Дернуло меня заговорить об анонимности... Ай! Ай! Поторопился, брат Берт! Черезчур стремительно! Ах, я просто готов убить себя! Такого свалил дурака!.. Впрочем, я бы все равно не смог провести это дело... и, в конце концов, пожалуй, не так уж плохо...—прибавил он.—Всетаки пятьсот фунтов... В конце концов, ведь это не мой секрет... Эти деньги я нашел на дороге... Пятьсот фунтов! Хотел бы я знать, что стоит обратный билет из Америки домой?

8.

Вечером того же дня жалкий и дрожащий Берт Смоллуэйс стоял перед лицом принца Карла-Альберта.

Разбирательство дела происходило на немецком языке. Принц находился в своей каюте, в самом конце воздушного корабля. Это была прекрасная комната; стены были увешены красивыми цыновками; во всю стену было окно, из которого можно было смотреть вперед. Принц сидел за складным столом с зеленой суконной крышкой. Около сидели Винтерфельд и еще два офицера. Перед ними лежали карты Америки, портфель, письма Беттериджа и еще какие-то бумаги. Берту не было предложено сесть, и он стоял во время допроса. Винтерфельд рассказал его историю, но Берт понял только слова: Путтерайдж и воздушный шар. Лицо принца все время сохраняло суровое, злое выражение. Другие офицеры осторожно наблюдали за ним, по временам поглядывая на Берта. В их взорах, когда они смотрели на принца, выражалось и любопытство, и вместе с тем какая-то стран-

ная боязнь. Вдруг принцу, очевидно, пришла в голову какая-то идея, и он принялся подробно рассматривать чертежи. Потом поднял голову и отрывисто спросил Берта по-английски:

— Вы видели когда-нибудь, как эта штука летает?

Берт встрепенулся.

— Да, ваше королевское высочество, я видел это в Бен Хилле,—сказал он.

Фон-Винтерфельд что-то объяснил принцу.

— Как быстро «это» двигается?—спросил принц.

— Не могу сказать ваше королевское высочество. Но газеты, «Ежедневный Курьер», например, говорили, что со скоростью восьмидесяти миль в час.

Они заговорили между собою по-немецки, потом принц снова обратился к Берту:

— Может «это» висеть в воздухе?

— Может повернуть в воздухе, словно оса, ваше королевское высочество...

— Много лучше, не правда ли?—заметил принц Винтерфельду—и оба заговорили что-то по-немецки.

Разбор чертежей кончился, офицеры взглянули на Берта. Один из них позвонил в колокольчик, пришел дежурный и взял портфель. После того началось разбирательство дела Берта. Принц, повидимому, был склонен поступить с ним очень строго. Но Винтерфельд возражал ему. Очевидно, он приводил какие-то теологические соображения в пользу Берта, так как Берт несколько раз слышал слово „Gott“. Наконец, было принято какое-то решение, и Винтерфельду, повидимому, было поручено объявить об этом Берту.

— Мистер Шмолльвэйс,—сказал он,—вы попали на этот воздушный корабль посредством бесчестного и систематического опмана...

— Систематического? Нет!—прервал его Берт.—Я...

Принц жестом велел ему замолчать.

— ...И во власти его высочества поступить с вами, как со шпионом,—продолжал Винтерфельд.

— Как! Ведь я же явился, чтобы продать...

— Шш!—прикрикнул на него один из офицеров.

— Но, принимая во внимание, что вы послужили орудием Провидению, и через вас чертежи Путтерайджа попали в руки принца, вас пощадили! Да, вы были посланником непес... Поэтому вам позволено оставаться на этом судне, пока вами не распорядятся как-нибудь иначе... Вы понимаете?

— Мы возьмем его с собой, как балласт,—пробавил принц грозно, бросив при этом ужасный взгляд на Берта.

— Вы отправитесь с нами, как «балласт», понимаете?—повторил ему Винтерфельд.

Берт раскрыл было рот, чтобы спросить на счет пяти сот фунтов, но вовремя спохватился и благоразумно промолчал. Ему показалось, что он подметил одобрение во взгляде Винтерфельда, который слегка кивнул ему головой.

— Ступайте!—сказал принц, делая жест рукой по направлению к двери.

Берт выскочил, точно лист, уносимый бурей...

9.

После своего разговора с Винтерфельдом и прежде чем попасть к принцу на допрос—Берт всетаки ухитрился осмотреть «Фатерланд». Этот осмотр чрезвычайно заинтересовал Берта, несмотря на то, что он был очень встревожен своей беседой с графом.

Курт, как и большинство экипажа германского воздушного флота, до назначения на воздушный корабль не имел никакого понятия о воздухоплавании. Но он был в восхищении от этого и с чисто мальчишескою горячностью предложил Берту осмотреть корабль во всех подробностях. Его приводила в восторг мысль о том, какое мощное орудие находится теперь в руках Германии! Он заставлял Берта в особенности обратить внимание на необычайную легкость всех предметов на корабле, на применение тянутых алюминиевых трубок, на эластические подушки, наполненные сжатым водородом. Переборки между канатами—также представляли резервуары с водородом, покрытые сверху тонкой искусственной кожей. Посуда была из легкого неглазированного фарфора

и почти ничего не весила. Там, где нужна была прочность, употреблялся шарлоттенбургский сплав, или так называемая германская сталь, которая считалась самым прочным и упругим металлом в мире.

Внутри корабль был очень обширен. Величина свободного пространства не имела значения, если только при этом груз не увеличивался. Обитаемая часть корабля была длиной в двести пятьдесят футов. Каюты были расположены в два яруса, а над ними находились замечательные маленькие башенки из белого металла, с огромными окнами и двойными, непроницаемыми для воздуха, дверями; эти двери давали возможность попасть в обширную полость корабля, где находились газовые камеры.

На Берта в особенности произвело впечатление внутреннее устройство корабля. До сих пор он не мог представить себе воздушного корабля иначе, как в виде огромного мешка, заключающего в себе только газ. А теперь он видел над собой как бы спинной хребет аппарата и громадные ребра по бокам.

— Точно нервные волокна и кровеносные сосуды,—сказал Курт, который немного занимался биологией.

— Пожалуй,—согласился Берт, не имевший, однако, ни малейшего понятия о том, что означают эти слова.

Для сигнализации остальным кораблям, в случае если что-нибудь произойдет, были устроены наверху специальные электрические лампочки. Через газовые камеры шли лестницы.

— Но вы же не можете идти там,—возражал Берт,—вы задохнетесь!

Лейтенант открыл шкапчик и показал Берту полный костюм, сделанный из шелка, пропитанного маслом. Резервуар для сжатого воздуха и шлем были сделаны из алюминия или какого-то другого легкого металла.

— Мы можем проходить по внутренней сети,—объяснил Курт,—когда надо заделать отверстие, сделанные пулями или исправить иные повреждения. Внутри и снаружи корабля существует сеть. Наружная крышка корабля представляет, так сказать, веревочную лестницу...

В задней части обитаемой половины корабля помещался склад взрывчатых материалов. Это были бомбы

различного типа, большею частью стеклянные. Ни на одном из германских воздушных кораблей не было пушек, за исключением маленькой пушки «пом-пом» — старинное английское прозвище, данное этой пушке еще со времен бурской войны. Посредине корабля проходила под газовыми камерами крытая галерея, с алюминиевыми ступеньками на полу и веревочными перилами. Галерея эта вела в машинное отделение, помещавшееся в хвосте корабля. Но Берт там не был и ни разу не видел машин. Зато он поднялся по лестнице, заключенной в газонепроницаемую трубу и представлявшую собой запасный пожарный выход. Лестница вела на маленькую наблюдательную галерею; здесь был телефон и маленькая пушка «пом-пом», с ящиком гранат, отлитая из германской стали. Галерея была целиком сделана из сплава алюминия с магнием. Плотная, непроницаемая передняя часть воздушного корабля вздымалась, как скала, и на этой скале черный орел мощно распростер свои крылья. Носа и кормы корабля не было видно из-за выпуклости газового резервуара.

Далеко внизу, под этими парящими орлами, на расстоянии тысяч четырех футов, лежала Англия, казавшаяся такой маленькой и беззащитной в лучах утреннего солнца...

Когда Берт понял что там, внизу, находилась Англия, он вдруг почувствовал патриотическое раскаяние. Новые мысли зародились в его голове. В самом деле, ему бы следовало изорвать чертежи и выбросить их. Эти люди ничего не могли бы ему сделать. А если бы даже?.. Разве англичанин не должен жертвовать жизнью ради своей страны! До сих пор ему это не приходило в голову. Современная цивилизация, развившая конкуренцию до высшей степени, не давала времени думать об этом. Теперь у него было очень подавленное состояние. Он сознавал, что поступил не так, как следовало бы. Отчего он раньше не понимал этого? В самом деле, разве он не изменник?

«Интересно бы знать», — подумал он, — какой вид имеет этот воздушный флот снизу? Должно быть очень грозный, а все здания, в сравнении с ним, — прямо карлики.

Курт сказал ему, что они пролетают теперь между Манчестером и Ливерпулем. Берт видел сверкающую ленту канала и волнующуюся линию судов, далеко впереди, в устье Мерсей. Берт был родом из Южной Англии и никогда не бывал севернее графств центральной Англии. Он был поражен количеством фабрик и труб, большинство которых уже не дымило больше: огромные генераторные электрические станции, работавшие бездымко, сделали лишним устройство труб. Берт видел старые железнодорожные мосты, однорельсовую сеть, склады и обширное пространство сероватых домиков и узких улиц, как-то беспечно разбегавшихся в разные стороны. Там и сям, точно накрытые сетью, виднелись поля и сельскохозяйственные поселки. На таком расстоянии все смешивалось. Вероятно, там были и музеи, и ратуши, и даже соборы, служившие центрами муниципальных и религиозных организаций. Но Берт не мог их разглядеть; они совсем не выделялись в этой широко раскинувшейся внизу беспорядочной группе фабрик, мастерских, переполненных рабочими домов, часовен и церквей. А над этим ландшафтом промышленной цивилизации — скользила тень германских воздушных кораблей, точно мчащаяся куда-то стая рыб.

Разговор перешел на тактику воздушного боя, и Курт повел Берта на нижнюю галерею, чтобы показать ему летающих драконов, которых правое крыло воздушного флота подцепило ночью и теперь тащило за собой на буксире. Каждый корабль тащил трех или четырех. Они напоминали своим видом коршуна увеличенных размеров, и парили в воздухе на концах невидимых веревок. Голова этих коршунов была длинная, четырехугольная, хвост плоский с боковыми пропеллерами.

— Надо много ловкости, чтобы управлять ими, — заметил Берт.

— Еще бы!

Пауза.

— Ваша машина не похожа на эти, мистер Беттеридж?

— Совсем непохожа, — отвечал Берт. — Она скорее напоминает насекомое, нежели птицу. Она жужжит и не вертится, как эти. Ну, что они могут сделать?

Курт и сам хорошенько не понимал этих вещей, но все-таки он принялся что-то объяснять Берту, когда вдруг Берта позвали к принцу...

После аудиенции у принца Берт уже окончательно перестал быть мистером Беттериджем и для всех на корабле стал просто Смоллуэйсом. Солдаты уже больше не отдавали ему чести, а офицеры как будто совершенно не замечали его, за исключением лейтенанта Курта. Берта выселили из прежней прекрасной каюты, и он должен был перейти со всем своим скарбом в каюту лейтенанта Курта, как младшего на корабле. Офицер с птичьей физиономией, бормоча проклятия, снова водворился в своей каюте и притащил туда всевозможные невесомые туалетные принадлежности, необыкновенно легкие щеточки, зеркала, разные помады и прочее. Берта поместили вместе с Куртом, потому что на всем корабле больше не было ни одного местечка, куда бы он мог приклонить свою забинтованную голову. Ему объявили, что он должен обедать вместе с матросами.

Курт пришел и, расставив ноги, несколько минут молча смотрел на Берта, который с унылым видом сидел в его каюте.

— Как же вас зовут, наконец?—спросил Курт, еще не вполне осведомленный относительно нового положения дел.

— Смоллуэйс.

— Я всегда думал, что вы жуликоватый парень, даже тогда, когда считал, вас за Беттериджа. Счастье для вас, что принц принял это спокойно. Он ведь очень горяч и ни на минуту не задумался бы выбросить за борт такого господина, как вы, если бы нашел это нужным... Да! Они вас спихнули ко мне, но вы знаете, что это моя каюта?

— Я не забуду этого,—сказал Берт.

Курт вышел из каюты. Когда Берт, наконец, решился окинуть взором свое новое жилище, то первое, что он увидел, была приклеенная к обивке стены копия с знаменитой картины Зигфрида Шмальца; картина изображала бога войны, шествующего в ярко багряном плаще и шлеме викинга, посреди всеобщего разрушения. Страшная

фигура, с мечом в руках, очень была похожа на Карла-Альберта, и это сходство было придано, чтобы доставить удовольствие принцу...

Глава V.

Сражение в Атлантическом океане.

I.

Принц Карл-Альберт произвел на Берта очень сильное впечатление. Берту казалось, что он никогда в жизни не видел более странного человека. Душа Смоллуэйса была преисполнена ужаса и страстной антипатии к этому человеку. Берт долго сидел один в каюте Курта, не решаясь даже приоткрыть дверь, чтобы не увидеть вблизи человека, внушавшего ему такие чувства. Поэтому он последним на судне, узнал новости, сообщенные беспроволочным телеграфом. Телеграф передавал отрывочные сведения о ходе великого морского сражения посреди Атлантического океана. Берт узнал об этом, в конце концов, от Курта.

Курт вошел в каюту с таким видом, как будто Берта тут вовсе и не было, но тем не менее он бормотал английские слова:—Изумительно! Тут должно быть, в ящике...— Он достал какие-то книги и ящик с картами. Разложив эти карты на складном столике, он принялся их внимательно рассматривать. Некоторое время германская дисциплинированность боролась в его душе с британской простотой в обращении, с природной болтливостью и добродушием. Наконец германская чопорность была побеждена.

— Они добились. Смоллуэйс!—сказал он.

— Добились? Чего?—спросил Берт почтительным тоном.

— Сражения! Американская северо-атлантическая эскадра и почти весь наш флот. Наш «Железный крест» получил пробоину и тонет, а их «Майльс Стэндиш», самый большой корабль, потонул со всем экипажем. Веро-

ятно, торпеды. Этот корабль был побольше «Карла Великого», но на пять или на шесть лет старше... Господи! Хотел бы я увидеть это, Смоллуэйс! Битва среди океана! Пушки стреляют, корабли идут на всех парах...

Он развернул свои карты и, так как ему хотелось говорить, прочел Берту целую лекцию о положении эскадры.

— Это здесь,—сказал он.—Тридцать градусов и пятьдесят минут северной широты и столько же градусов долготы. От нас это день пути, во всяком случае. Они все идут на юго-запад, полным ходом, так что нам ничего не придется увидеть. Этакое горе! Мы даже не понюхаем этой битвы!

2

Положение дел в северной части Атлантического океана было совершенно особенное. Соединенные Штаты были гораздо сильнее Германии на море, но главная часть американского флота была в Тихом океане. Войны опасались больше всего со стороны Азии, так как отношения между белыми и азиатами приняли в последнее время очень резкий и даже определенно враждебный характер. Японское правительство обнаружило при этом беспримерную неговорчивость. В момент нападения Германии половина американских морских сил находилась в Манилле, а то, что называлось второлинейным флотом, выстроилось поперек Тихого океана, поддерживая по радиотелеграфу постоянные сношения между Сан-Франциско и азиатской станцией. Северо-атлантическая эскадра была в то время единственной представительницей американских морских сил у восточных берегов. Эскадра возвращалась после дружественного визита к берегам Франции и Испании и находилась как раз среди океана, где накачивала из тендеров в свои резервуары нефть: большинство судов—были паровыми. Как раз в это время международное положение обострилось. Эскадра состояла из четырех броненосцев и пяти броненосных крейсеров, почти такой же силы, как броненосцы, из которых ни один не был построен позднее

1913 года. Американцы, однако, до такой степени привыкли к мысли, что Великобритания будет охранять мир в Атлантике, что они даже не допускали ничего подобного и оказались совершенно неподготовленными к нападению. Но гораздо раньше объявления войны, а именно, на Троицу, весь германский флот, в составе восемнадцати броненосцев, целой флотилии тендеров с запасами топлива и крупных коммерческих пароходов, превращенных в транспортные суда,—прошел через Дуврский пролив и смело направился в Нью-Йорк, для поддержки германского воздушного флота. Германский военный флот численностью вдвое превышал американский, и кроме того, германские суда были новые и лучше вооружены. По крайней мере, семь из них были снабжены шарлоттенбургскими двигателями внутреннего сгорания и шарлоттенбургскими стальными пушками.

Бой произошел в среду, после Троицы, еще до настоящего объявления войны. Американцы выстроились в линию, согласно требованиям современной тактики, растянулись на протяжении около тридцати миль и все время держались этого строя, чтобы не допустить немцев подойти близко ни к восточным штатам, ни к Панаме. Как ни важно было для американцев охранять морские города и в особенности Нью-Йорк, но еще важнее было не допустить немцев проникнуть в канал, так как это помешало бы главному американскому флоту вернуться из Тихого океана.

— Нет сомнения,—сказал Курт,—что теперь американский флот стремится с наивозможной скоростью вернуться в Атлантический океан, если только японцам не пришла та же идея, что и немцам!

В самом деле, американская атлантическая эскадра не могла иметь ни малейшей надежды победить немцев, но, с другой стороны, она могла надеяться, в случае удачи, задержать движение германского флота и нанести ему такой ущерб, который в значительной степени ослабит его атаку на береговые позиции. Американский флот, в данном случае, совершил акт самоотвержения,—самое трудное на свете! Пока он удерживал в отдалении гер-

манский флот, подводные заграждения Нью-Йорка, Панамы и других важнейших пунктов могли быть приведены в порядок.

Таково было положение дел в среду, после Троицы, когда оба флота встретились. Тогда только американцы впервые услышали о Дорнгофском воздухоплавательном парке и о возможности нападения не только со стороны моря, но и сверху, с воздуха. Замечательно: газеты того времени до такой степени не пользовались доверием общества, что в Нью-Йорке никто почти не поверил их подробным описаниям германского воздушного флота, пока этот флот не появился над Нью-Йорком.

Курт больше говорил сам с собой. Он стоял над морской картой, раскачивался вместе с воздушным кораблем, и все говорил о пушках, о вместимости кораблей, об их постройке, о количестве сил и скорости, о стратегических позициях и операционных базах. За офицерским столом Курт был застенчив, мало говорил и больше слушал. Но теперь этой застенчивости не было и следа.

Берт стоял, молча слушал и следил за путешествующим по карте пальцем Курта.

— Газеты давно уже говорили об этом,—сказал Берт.— И вдруг это стало действительностью!

Курт, оказывается, имел самые подробные сведения о погибшем американском корабле «Майльс Стэндиш».

— Этот корабль стрелял великолепно—побивал рекорды. Хотел бы я знать, как мы одолели его, стрельбой из орудий или каким-нибудь другим способом? Как жаль, что я не участвовал в этом сражении! Хотелось бы мне знать, который из наших кораблей победил американца? Может быть, граната попала в машину, и от этого корабль пошел ко дну? Ведь корабли не стоят на одном месте во время сражения!.. Хотел бы я знать, что делает «Барбаросса»? Он ведь тоже отправился туда. Это мой старый корабль; хоть это и не первоклассное судно, но очень хорошее... Только представьте себе эту картину! Вот они наносят друг другу удары; большие пушки стреляют, лопаются гранаты, взрываются снарядные склады, во все стороны летят железные осколки, точно солома, уносимая ветром... Как часто мы за последние годы

рисовали себе в мечтах такое сражение! Я полагаю, что мы полетим теперь прямо в Нью-Йорк, как будто ничего не случилось. Я думаю, что в нас там не нуждаются, так как это сражение служит лишь для прикрытия нашего движения. Все эти тендеры и транспорты отправляются на юго-запад от Нью-Йорка, чтобы устроить для нас плодучие склады. Смотрите!..—Он коснулся карты указательным пальцем.—Вот где мы! Наши транспорты вот здесь, а наши броненосцы—там, и они гонят американцев прочь с дороги...

Когда Берт сошел вниз в столовую экипажа, чтобы получить свою вечернюю порцию, то почти никто не обратил на него внимания, только кто-то молча указал на него, когда он вошел. Все с жаром говорили о битве, спорили, доказывали, и временами, если не вмешивался кто-нибудь из старших и не приказывал молчать, в каюте поднимался сильный шум. Был получен новый бюллетень с места сражения, но Берт не понял, в чем дело, понял только, что говорится о «Барбароссе». Некоторые из матросов смотрели на Берта в упор, и он слышал несколько раз, как его называли «Буттерайдж», но все же его никто не обижал, и, когда до него дошла очередь, он получил полностью свою порцию супа и хлеба. В душе он побаивался, что ему ничего не дадут, и что ему не полагается никакой порции. Если бы это случилось, он прямо не знал бы, что делать!

После ужина он отправился на маленькую висющую галерею, где находился одинокий часовой. Погода была хорошая, но поднимался ветер, и поэтому волнообразное движение корабля усиливалось. Берт крепко ухватился за перила: он чувствовал легкое головокружение. Земли уже не было видно, и воздушный флот летел над темно-синей водой океана, то поднимаясь, то опускаясь ближе к его поверхности. Старая грязная бригантина, под британским флагом, качалась на синих волнах. Это было единственное судно, которое виднелось в необъятной шире океана.

3.

К вечеру поднялся шторм, и воздушный корабль начал нырять в воздухе, словно дельфин. Курт сказал Берту, что уже многие заболели морской болезнью, но на Берта качка не действовала. Очевидно, он был создан, чтобы быть моряком. Он спал хорошо, но ночью его разбудил огонь, и он увидел: Курт что-то ищет в каюте. Наконец, в ящике под кроватью он нашел то, что было нужно. Это был компас. Курт поглядывал то на него, то на карту и, наконец, сказал:

— Да, мы изменили курс. Мы идем по ветру. Не понимаю, что это значит! Мы идем в сторону от Нью-Йорка, на юг... Можно подумать, что мы хотим принять участие...

Курт продолжал еще некоторое время высказывать вслух свои мысли.

Утро настало сырое и ветреное. Окно снаружи было покрыто каплями дождя, и ничего нельзя было разглядеть. Было довольно холодно. Берт закутался в одеяло и сидел в углу на ящике, пока не услышал звук гудка, призывавшего к завтраку. После завтрака Берт опять вышел на маленькую галерею, но ничего не мог разглядеть, кроме массы бешено несущихся облаков и неясных очертаний ближайших воздушных кораблей. Лишь изредка, когда облака разрывались на мгновение, Берт видел полосу серого бушующего моря внизу.

Днем «Фатерланд» изменил положение и поднялся выше. Он плыл теперь в чистом, прозрачном воздухе, — на высоте почти тринадцати тысяч футов, как сказал Курт.

Берт был в каюте и видел, как исчезали капли воды на стеклах окна и, наконец, показалось солнце. Он выглянул наружу и увидел ту же самую картину, какую наблюдал с воздушного шара: освещенное солнцем облачное поле внизу, и суда германского воздушного флота, одно за другим, выплывали из белого тумана, точно огромные рыбы из глубины на поверхность воды. Берт посмотрел минутку отсюда, а затем побежал на галерею, чтобы лучше видеть. Внизу было целое море облаков, и свистел ураган, который гнал облака к северо-востоку,

а сверху небо было ясное, воздух был холоден и прозрачен, и было тихо, — лишь изредка ощущалось легкое дуновение холодного ветра, и в воздухе мелькали снежинки. Ничего не было слышно, кроме стука машин, нарушающих безмолвие этих высот. Огромный отряд воздушных кораблей, поднимающихся один за другим из облаков, казался стайей удивительных и страшных чудовищ, пересекающихся в какой-то неведомый мир...

Были ли получены какие-нибудь новые известия утром — этого никто не знал. Если бы были, то принц их никому не сообщал, и только в середине дня появились бюллетени, которые привели лейтенанта Курта в сильнейшее волнение.

— «Барбаросса» выведен из строя и идет ко дну! — воскликнул Курт. — Мой бедный, старый «Барбаросса»!.. Господи! А ведь какой был вояка, — прибавил он по-немецки, — какой хороший вояка!

Он начал быстрыми шагами ходить по раскатывающейся каюте и в отрывистых немецких фразах изливал свое огорчение; затем он снова заговорил по-английски:

— Подумайте только, Смоллуэйс! Наш старый корабль, который мы всегда содержали в такой чистоте, в таком порядке! Все разлетелось вдребезги, железные осколки летят во все стороны и люди разорваны в клочья! Бог мой! Ведь всех, каждого человека я там знаю! Вода кругом вся кипит, огонь и треск, треск пушек!.. Палят чуть не в упор. Как будто все, все разрывается в куски... Никакие волны не могут прекратить этого!.. А я здесь, наверху, так близко и в тоже время так далеко!.. Бедный, старый «Барбаросса»!..

— А какие-нибудь другие суда погибли? — спросил Берт.

— Господи... Да! Мы потеряли «Карла Великого» — лучшее и самое большое судно. На него наткнулся британский пароход, который нечаянно попал в эту свалку и хотел как-нибудь пробиться. Ведь там они сражаются во время урагана! Пароход с разбитым носом уносится волнами... Никогда еще не бывало такой битвы, никогда! С обеих сторон хорошие суда и хорошие солдаты... Буря, ночь, рассвет... и все это происходит в открытом океане,

на полном ходу! Никакого холодного оружия! Никаких подводных лодок! Пушки и стрельба! Мы ничего не знаем, по крайней мере, о половине наших судов, так как мачты у них сбиты и беспроволочный телеграф не действует. 30° 38' северной широты, 40° 31' долготы, к западу... Где бы это могло быть?..

Он снова развернул карту и уставился на нее ничего не видящими глазами.

— Бедный, старый «Барбаросса»!—говорил он.—Мне все представляется, как он гибнет! Гранаты попадают в машину, огонь вырывается из топок наружу, кочегары и механики обварены паром и умирают! Люди, с которыми я вместе обедал, Смоллуэйс, люди которых я хорошо знал! И вот настал их последний день! Счастье было не на их стороне... Поврежден и идет ко дну! Конечно, не всем улыбается счастье в сражении... Бедный, старый Шнейдер! Я убежден все-таки, что он отплатил им чем-нибудь...

Целый день беспроволочный телеграф приносил известия. Вот уже американцы потеряли второе судно; название неизвестно; «Герман», прикрывавший «Барбароссу», поврежден... Курт метался по воздушному кораблю, точно дикий зверь в клетке. Он то взбирался на верхнюю галерею, под орлом, то спускался на висячую галерею, то снова бросался к картам. Он заразил Берта своим волнением, и Берт также проникся сознанием, что там, на океане, происходит страшная, кровавая битва... Но когда Берт сошел вниз, на галерею, то мир опять стал пустым и бесконечным: все кругом было тихо; сверху прозрачное темно-синее небо; внизу тонкая завеса перистых облаков, освещенных солнцем. Иногда показывается быстро несущееся дождевое облако, но моря нигде не видно. Тук-тук-тук-тук,—стучат машины,—и по небу растягивается огромный, волнистый клин воздушных кораблей, поспешающих за флагманским судном, подобно стае лебедей, летящих за своим предводителем! Если бы не этот непрерывный стук машин, то было бы тихо, как во сне. А внизу, где-то, среди урагана и дождя, гремят пушки, лопаются гранаты, и люди, как и во время прежних войн, борются и умирают...

4.

К концу дня погода несколько прояснилась, и стало видно море. Воздушный флот медленно спустился в более низкие слои атмосферы, и, наконец, перед закатом солнца, вдали, с восточной стороны, показались останки «Барбароссы». Берт слышал: люди бросились бежать по коридору. Он тоже выскочил на галерею, где несколько офицеров рассматривали в полевые бинокли покинутые обломки военного судна. Тут же виделось еще два корабля: пустой нефтяной тендер, высоко поднявшийся над водой, и транспорт. Курт стоял в конце галереи, поодаль от других.

— Господи!—сказал он, наконец.—Ведь это все равно, как если бы я видел, что старому другу отрезали нос, и он ждет, когда покончат с ним! «Барбаросса»!..

Повинуясь внезапному импульсу, он вдруг протянул свой бинокль Берту. Берт протиснулся к нему, игнорируемый всеми,—и тоже устремил свои взоры на поверхность моря. Три судна представлялись ему чуть заметными черными точками вдали.

Никогда в жизни Берту не приходилось видеть ничего подобного. Броненосец был буквально разорван в куски, и надо было удивляться, как он еще может держаться на поверхности воды. Он был погублен своими могучими машинами. Во время продолжительной ночной погони, он вышел из линии и прошел между «Сускеганой» и «Канзас Сити». Те, однако, заметили его и тотчас же повернули назад. Приблизившись, они сигнализировали другим судам: «Теодору Рузвельту» и «Маленькому Монитору». Когда рассвело, германское судно увидело, что оно окружено. Через каких-нибудь пять минут с востока показавшаяся «Герман», и тотчас же, вслед за ним, с запада «Князь Бисмарк». Американцы отступили, но в этот короткий промежуток времени они успели разнести стального «Барбароссу» в пух и прах: на нем они выместили все трудности своего отступления накануне. Теперь корабль представлял какой-то фантастический, искривленный металлический остов, плавающий в море. Трудно бы-

до различить отдельные части корабля, можно было только догадываться: это—то, это—другое...

— Господи!—шептал Курт, взяв бинокль, переданный ему Бертом.—Там были Альбрехт, славный Альбрехт, и старый Циммерман, и фон-Розен!

И долго после того, как «Барбаросса» исчез в сгущающихся сумерках, Курт оставался на галлерее, продолжая смотреть в бинокль, а когда он вернулся в каюту, то был как-то непривычно молчалив и задумчив...

— Это страшная игра, Смоллуэйс,—сказал он, наконец.—Да, война—страшная игра! Она представляется несколько в ином свете после того, как увидишь нечто подобное! Много людей трудились над постройкой этого корабля, много людей было на корабле—и не мало таких, которые не каждый день встречаются! Альбрехт,—там был один офицер, которого звали Альбрехт—играл на цитре и импровизировал. Хотел бы я знать, что с ним произошло! Мы были большие друзья, как это у нас, немцев, бывает...

5.

Смоллуэйс проснулся ночью, в темноте. В каюте дул сквозняк. Курт что-то говорил сам с собою, по-немецки, стоя у открытого окна и выглядывая наружу. Холодный, прозрачный полусвет проникал в комнату, сгущая тени по углам и предвещая скорое появление зари на этих высотах.

— Что за шум?—спросил Берт.

— Стреляют!—скавал Курт.—Разве вы не слышите?

Действительно, в ночной тиши ясно был слышен повторный гул пушечных выстрелов. Раз, два—пауза, и затем три выстрела, быстро следующие один за другим...

— Чорт возьми! Пушки!—вскричал Берт и тотчас же очутился возле Курта.

Воздушный корабль плыл высоко; море внизу было скрыто тонкою пеленой облаков. Ветер прекратился, и Берт, следуя взором по направлению, указанному Куртом, заметил, как сквозь бесцветную завесу облаков, мелькнуло красное пламя, затем через некоторое время—еще вспышка. Это пламя не сопровождалось в первый мо-

мент никаким звуком, и только спустя несколько секунд послышался отдаленный раскат. Курт что-то быстро заговорил по-немецки.

Раздался призывной звук гудка. Курт вскочил в сильнейшем волнении и, опять что-то бормоча по-немецки, бросился к двери.

— Что такое? Что случилось?—спросил Берт.

Лейтенант стоял в дверях, заслоняя свет.

— Вы оставайтесь здесь, Смоллуэйс,—сказал он.—Сидите смирно и ничего не делайте. Мы вступаем в бой...

С этими словами он исчез.

Сердце Берта сильно билось. Он чувствовал, что воздушный корабль висит в облаках, над сражающимися судами. Неужто он ринется на них, как сокол на птицу?

— Ох!—испуганно, шопотом охнул Берт.

Бум! Бум! Берт заметил еще одно ослепительно-яркое красное пламя, мелькнувшее вдали, и в то же время он ощутил какую-то перемену в движении «Фатерланда», но в чем дело—не понял. Стук машин стал еле слышным. Берт просунул голову в окно и увидел в темноте, что и другие воздушные корабли замедлили свой ход настолько, что движение их стало почти незаметным.

Снова прозвучал гудок, и звук его передавался с одного корабля на другой, постепенно ослабевая. Огни погасли, и воздушный флот повис в воздухе, в виде огромной, темной массы неопределенных очертаний среди безграничного голубого пространства небес. Где-то заблестела звездочка... Флот оставался неподвижным в течение довольно долгого времени, которое показалось Берту бесконечным; затем он услышал—накачивают воздух, и «Фатерланд» начал медленно спускаться в облака.

Сколько ни высовывал голову Берт, он все-таки никак не мог рассмотреть, следует ли и остальной флот за «Фатерландом». Газовые камеры мешали ему видеть. Но в этом медленном, бесшумном опускании корабля было что-то, очень сильно подействовавшее на Берта. Мгла спустилась на некоторое время, звездочка, блестевшая на горизонте, исчезла, и Берт ощутил холодное прикосновение тумана. Потом вдруг яркий свет внизу принял определенные очертания и превратился в пламя, и тогда «Фа-

терланд» перестал опускаться. Теперь корабль почти висел в воздухе, вблизи несущихся облаков, и, повидимому, никем незамеченный, наблюдал битву, происходившую на расстоянии тысячи фут внизу.

Ночью морская битва и отступление приняли новый оборот. Американцам удалось выстроить в колонну бегающие суда и в темноте повернуть их на другой курс, так что к рассвету они уже в порядке и полным ходом шли на север с намерением прорваться через германскую боевую линию и напасть на флотилию, идущую в Нью-Йорк на поддержку германского воздушного флота. Многие уже изменились после первого столкновения флотов. Около этого времени американский адмирал О'Коннор получил сведения о том, что у немцев есть воздушные корабли. Он больше не был связан с Панамой, так как подводная флотилия уже пришла туда из Кей Уэста, а «Делавар» и «Эбрахам Линкольн», два могучих и вполне современных судна, находились в Рио Гранде, у Тихоокеанского входа в канал. Но маневр американского адмирала был замедлен взрывом парового котла на «Сускеганне», и поэтому рассвет застал американское судно вблизи германских судов, «Бремена» и «Веймара», так что адмиралу оставалось либо бросить корабль, либо вступить в бой. Он выбрал последнее. Однако, битва была не вполне безнадежна для американцев. Правда, немцы превосходили их численностью и силой, но их суда растянулись по линии, по крайней мере, в сорок пять миль длиной, и поэтому можно было опасаться, что, пока они стянут свои силы для битвы, американская колонна в семь судов произведет среди них большие опустошения.

Утро было пасмурное, облачное. «Бремен», и «Веймар», слишком поздно поняли, что им придется иметь дело не с одной только «Сускеганной»: остальные корабли американской колонны были замечены на расстоянии миль, не более. Таково было положение дел, когда в облаках появился «Фатерланд». Яркое пламя, которое видел Берт сквозь облака, подымалось от «Сускеганны». Несчастный корабль находился как раз внизу. Нос и корма у него были в огне, но тем не менее он все еще сражался; две его пушки еще продолжали стрелять, и он

медленно шел к югу. «Бремен» и «Веймар», поврежденные во многих местах, уходили от него на юго-запад. Американский флот, во главе которого находился корабль «Теодор Рузвелт», гнался за немцами, стреляя им вдогонку и стараясь врезаться между ними; а с запада на помощь к немцам—спешил огромный новейшего типа броненосец «Князь Бисмарк».

Названия всех этих судов были неизвестны Берту. Обманутый странными маневрами судов, он даже некоторое время принимал немцев за американцев, и американцев за немцев. Ему показалось, что он видит колонну из шести броненосцев, преследующих три других судна, на помощь к которым явилось четвертое. Но когда он увидел, что «Бремен» и «Веймар» стреляют в «Сускеганну», все его предположения рухнули. Некоторое время он смотрел, совершенно сбитый с толку. Грохот пушек также действовал на него удручающим образом. Берт замечал, что звук выстрелов как-то изменился и перешел в непрерывный треск. Как только вспыхивал огонек, сердце у Берта сжималось от страха и ожидания удара. Он видел все эти броненосцы не в разрезе, как привык их видеть на картинах, а сверху, в плане—и суда казались какими-то странно короткими. Большею частью палубы броненосцев были пусты, и только в некоторых местах небольшие группы людей укрывались за стальными бортами. В этой картине битвы с птичьего полета, прежде всего бросались в глаза пушечные жерла, из которых показывалось тонкое, прозрачное пламя, и светливая деятельность канониров. Американские броненосцы, с паровыми турбинами *), имели по две и по четыре трубы каждый. Немецкие броненосцы сидели глубже в воде и имели моторы внутреннего сгорания, которые теперь почему-то работали с сильным стуком. Американские броненосцы были шире и имели более изящные очертания.

*) В паровых машинах движущей силой является пар, причем для получения пара пользуются котлами, отопляемыми углем или нефтью. При двигателях внутреннего сгорания нет надобности устраивать котлов: нефть (или керосин или бензин) впрыскивается непосредственно в цилиндр двигателя, загорается здесь электрической искрой (или иным путем)—и получается взрыв, который дает толчок поршню двигателя. Ясно, какая экономия получается от того, что здесь уже нет надобности в котлах; особенно велико значение двигателей внутреннего сгорания для кораблей.

Берт ясно видел все эти суда в холодном свете утренней зари. Они сильно качались; дымки выстрелов вспыхивали над волнующеюся поверхностью океана. И вся эта картина внизу, которую наблюдал Берт, то поднималась, то опускалась, соответственно движению воздушного корабля.

Вначале только один «Фатерланд» показался сверху, в облаках. Остальных воздушных кораблей не было видно. «Фатерланд» высоко парил над «Теодором Рузвельтом»; «Рузвельт» шел полным ходом—«Фатерланд» старался не отставать от него. Вероятно, с «Рузвельта» временами можно было видеть воздушный корабль сквозь бегущие облака. Остальная часть германского воздушного флота оставалась на высоте шести-семи тысяч футов, за облаками, поддерживая постоянные сношения с флагманским судном посредством беспроволочного телеграфа.

Неизвестно, в какое именно время злосчастные американцы заметили появление нового фактора в борьбе. Никого не осталось в живых, некому было рассказать об этом. Мы только можем воображением дополнить эту картину и представить себе, что должны были почувствовать истомленные сражением моряки, когда внезапно, подняв голову, они увидели повисшее в воздухе, длинное, безмолвное чудовище, на заднем конце которого теперь развевался огромный германский флаг. Небо прояснялось, и силуэты других воздушных кораблей становились заметнее в синеве, среди тающих облаков. Ни на одном из них не было ни пушек, ни брони, и они быстро летели, чтобы не отставать от морских кораблей, сражающихся на ходу.

Американцы не сделали ни одного пушечного выстрела по «Фатерланду» и только несколько раз стреляли в него из ружей. Лишь случайно на «Фатерланде» оказался один убитый. «Фатерланд», впрочем, не принимал прямого участия в битве до самого конца. Он летел над обреченным на гибель американским флотом, и принц, посредством беспроволочного телеграфа, руководил движениями других кораблей. Между тем два воздушных корабля, «Фогельштерн» и «Пруссия», в сопровождении нескольких летающих драконов, спустившись на полном

ходу сквозь облака, появились над американским флотом, на высоте каких-нибудь пяти миль. «Теодор Рузвельт» тотчас же открыл пальбу из огромных орудий своей передней батареи, но гранаты разрывались гораздо ниже «Фогельштерна», а тем временем от него отделились летающие драконы и бросились вниз, на броненосец...

Берт, высунув голову из дверей каюты, мог наблюдать малейшие подробности этого первого столкновения аэропланов с броненосцем. Он видел, как смешные немецкие летающие драконы со своими широкими, плоскими крыльями, четырехугольными головами, формой напоминающими ящик, и вертящимися телами, спустились со своими всадниками, вниз, словно стая птиц.—«Чорт возьми!»—прошептал Берт, совершенно пораженный. Один из этих драконов, справа, как-то странно опустился вниз, резко скакнул вверх, в воздух, потом лопнул с громким треском и загорелся у самой поверхности моря. Другой носом зарылся в воду и, казалось, тоже разлетелся вдребезги, как только коснулся воды. Берт видел внизу маленьких человечков на палубе американского корабля: сверху они казались странно укороченными и состояли как будто только из головы и ног. Они бегали, прицеливались. Потом один из летающих драконов заслонил на мгновение палубу, раздался треск, и дождь бомб обрушился на корабль, откуда послышались лишь слабые ружейные выстрелы в ответ. К ним тотчас же присоединились скорострельные пушки американской батареи; с германского корабля «Князь Бисмарк» в ответ полетели снаряды. Затем появились второй и третий летающие драконы и тоже сбросили бомбы в американский броненосец. С четвертым, однако, случилось несчастье. Его всадник был ранен пулей. Аппарат, кружась, свалился вниз и взорвался, упав между трубами броненосцев. Куски его разлетелись в разные стороны. Берт одно мгновение видел, как промелькнуло над палубой маленькое черное существо, соскакивая вниз со стремительно летящего аппарата, как оно ударилось о трубу броненосца и полетело вниз головой, чтобы тотчас же превратиться в ничто, среди дыма и грохота взрыва...

Вдруг раздался страшный взрыв. Огромный металли-

ческий кусок отделился от передней части корабля и рухнул в воду вместе с тонувшими людьми; в корабле образовалось отверстие, куда один из проворных летающих драконов тотчас же бросил бомбу. Затем глазам Берта на мгновение представилась страшная картина, освещенная безжалостными лучами утреннего солнца. Он ясно видел пенящийся след от корабля, и в этой пене какие-то маленькие, судорожно извивающиеся в корчах и борющиеся с волнами существа. Кто это были? Это не могли быть люди! Нет! Они не были похожи на людей! Но своими скрюченными в корчах пальцами они, казалось, хватались за душу Берта.—«О, Господи! О, Господи!»—стонал он. Но скоро все исчезло, и только черный корпус «Абрагама Линкольна», слегка поврежденного последним выстрелом с утопающего «Бремена», прорезал волны, бесследно поглотившие все... Ужас охватил Берта, и несколько мгновений он ничего не видел внизу...

Снова страшный треск, вслед за ним—несколько меньших взрывов: «Сускеганна», находившаяся в трех милях к востоку, взлетела на воздух и внезапно исчезла среди пара и кипящих волн. В первое мгновение ничего не было видно. Потом, сниву, с каким-то хлопаньем, стали извергаться на поверхность воды остатки корабля, куски дерева, люди, борющиеся с волнами, воздух, пар и нефть.

Наступила пауза. Она показалась Берту очень длинной. Он начал отыскивать взорами летающих драконов. Сплюснутые остатки одного из них плавали внизу; остальные драконы полетели с бомбами вслед за американскими судами. Семь драконов плавали в воде; повиdimому, они не были повреждены. Три или четыре летающих дракона, описывая широкие круги в воздухе, возвращались к своим воздушным кораблям. Американские броненосцы уже более не составляли колонны, как прежде. Сильно поврежденный корабль «Теодор Рузвельт» повернул на юго-восток, а другой—«Эндрью Джексон», подвергшийся сильной бомбардировке, но не потерявший боеспособности, старался стать между «Теодором Рузвельтом» и германским кораблем «Князем Бисмарком», чтобы не допустить стрельбы с «Бисмарка» по отступающему кораблю. На западе уже показались ко-

рабли «Герман» и «Германикус», и тоже открыли стрельбу.

Во время паузы, последовавшей за гибелью «Сускеганна», Берт услышал странный звук, похожий на хлопанье плохо пригнанной двери: это люди на корабле «Князь Бисмарк» кричали «Noch!»...

Среди всеобщего шума и смятения взойшло солнце. Темная вода внизу внезапно стала ярко-голубой, и потоки сверкающих, золотых лучей озарили мир. Солнце точно бросало мгновенную улыбку в хаос ужаса и ненависти, царивший внизу. Облачная завеса исчезла, растаяла в воздухе, точно по мановению волшебного жезла, и весь воздушный германский флот, готовый ринуться на свою добычу, ясно вырисовывался теперь в небесной лазури.

«Уак... банг! Уак... банг!»—начали опять пушки, но американские броненосцы не могли стрелять вверх. Единственное, что они могли сделать, это открыть стрельбу из ружей по воздушным кораблям. Американские суда находились в полном беспорядке, линия была прорвана в нескольких местах. «Сускеганна» потонула, «Теодор Рузвельт» выбыл из строя вследствие повреждения передней башни; «Монитору», явно, приходилось очень плохо. Два последних судна прекратили пальбу; прекратили ее также и германские суда, «Бремен» и «Веймар». Эти четыре судна, заключившие как бы невольное перемирие, находились на расстоянии выстрела друг от друга. Но флаги продолжали развеиваться на них. Только четыре американских корабля, с «Эндрью Джексонем» во главе, держали курс на юго-восток. «Князь Бисмарк» и «Герман» шли параллельно с ними, стараясь их обогнать и послышались в них вдогонку снаряды. А наверху «Фатерланд» медленно поднимался к небесам, готовясь к заключительному действию драмы.

Воздушные корабли, один за другим, плавно опустились и, преследуя отступающий американский флот, держались над ним на высоте около двух тысяч футов. Когда они были над задним американским кораблем—чуть-чуть впереди него—они среди дождя пуль спустились еще ниже и, двигаясь быстрее американского броненосца, осыпали

его палубу бомбами, пока она не превратилась в площадь огня и непрерывных взрывов. Таким образом, двигаясь вдоль американской колонны, каждый воздушный корабль, прибавлял свою долю разрушения к тому, что было сделано его предшественником и все больше увеличивал смятение и разгром американского флота, приготовившегося было продолжать борьбу с германскими кораблями «Князем Бисмарком», «Германом» и «Германикусом». Американские пушки умолкли, и лишь изредка раздавалось два-три германских выстрела. И тем не менее, американские корабли не сдавались и продолжали упорно идти вперед, искалеченные, окровавленные, посылая изредка пули в воздушные корабли и подвергаясь орудийному обстрелу со стороны германских броненосцев... Но Берт уже не мог следить за американскими судами, так как воздушный флот, летевший над ними, заслонял их. Впрочем, по временам, когда воздушные корабли раздвигались, и промежутки между ними становились несколько шире, Берту удавалось мельком взглянуть на американские суда...

Берт вдруг заметил, что шум выстрелов становится все менее слышным, и битва как будто удаляется. Действительно, «Фатерланд» начал снова подниматься, медленно, непрерывно и безмолвно. Грохот пушечных выстрелов был уже едва слышен Берту, а четыре американских судна внизу превратились в небольшие черные предметы, плавающие на поверхности моря. Впрочем, было ли там четыре судна? Берт мог рассмотреть только три плавающих предмета. Это были какие-то почерневшие, дымящиеся обломки, освещенные солнцем. Германский корабль «Бремен» спустил две шлюпки и американский «Теодор Рузвельт», тоже спустил шлюпки, и к шлюпкам устремилась масса каких-то крошечных существ, борющихся с громадными атлантическими волнами...

Но теперь «Фатерланд» уже уходил от битвы, которая двигалась к юго-востоку и становилась все менее заметной и все менее слышной. Один из воздушных кораблей горел, плавая на поверхности волн и представляя чудовищный огненный фонтан, а вдали, в юго-западном направлении, показались, сперва один, потом еще три не-

мецких броненосца: они спешили на помощь германскому флоту...

6.

Снова «Фатерланд» спокойно парил в воздухе, держа курс к Нью-Йорку, а за ним летели и остальные воздушные корабли. Битва постепенно исчезала из глаз и скоро стала едва заметной на горизонте в виде каких-то темных точек и полос желтого дыма. Еще немного, и все скрылось. Лишь чуть заметная окраска горизонта в этом месте напоминала о битве. Кругом было попрежнему тихо, и яркие солнечные лучи заливали все пространство...

Берт Смоллуэйс был, таким образом, невольным свидетелем первого сражения воздушного флота и флота броненосцев, занимавших до этого момента такое важное место в истории войны. Броненосцы начали свою военную карьеру в виде пловучих батарей императора Наполеона III в Крымской войне, и с тех пор они держались в течение семидесяти лет, требуя громадной затраты человеческой энергии и средств. За это время мир успел построить более двенадцати с половиною тысяч этих чудовищных судов, постоянно измышляя все новые и новые типы, и каждое из таких чудовищ было больше, тяжелее и смертоноснее своих предшественников. Появление всякого нового броненосца приветствовалось как последнее слово науки, но потом многие были проданы на слом. В общем, не более пяти процентов всех броненосцев участвовали в битвах. Некоторые сгорели, другие были выброшены на берег и разбились; очень многие погибли, случайно столкнувшись друг с другом. Жизнь бесчисленного множества людей уходила на службу на этих судах и растрачивалась на изготовление этих чудовищ. Тысячи инженеров и изобретателей трудились над ними, убивали на них свои способности и терпение. Неисчислимые миллионы были загублены на их постройку. Броненосцам мы обязаны бесчисленным множеством погибших или испорченных жизней, преждевременной работой детей, полуголодным прозябанием бесчислен-

ных семейств рабочих. Надо было найти деньги на постройку броненосцев во что бы то ни стало,—таков был закон существования для многих наций в это странное время. Без сомнения, это были самые разрушительные и самые опустошительные мегатерии *), какие когда-либо встречались во всей истории механических изобретений...

И вот, дешевые изделия из прутьев и газа покончили с этими чудовищами, истребили их, спустившись на них с облаков!..

Никогда еще Берту Смоллуэйсу не случалось видеть такое разрушение. Никогда так ясно не представлялись ему вред и опустошительность войны. Он не думал и не понимал этого раньше. Целый поток новых впечатлений обрушился на него, но одно из них, постепенно усиливаясь, заслонило остальные. Это было впечатление, произведенное на него видом тонущих, борющихся с волнами людей, которые были сброшены в море, после взрыва первой бомбы на корабле «Теодор Рузвельт».

— Ох!—простонал Берт, вспоминая эту картину.— Это могли быть я и Грабб! Падаешь в море, вода попадает в горло... Я не думаю, чтобы можно было долго бороться...

Берту очень хотелось знать, как отнесется Курт ко всем этим вещам. Притом же он чувствовал голод, но он не сразу решился выйти из каюты и сперва выглянул в дверь. Он увидел: в проходе, около спуска в столовую, стояла, нагнувшись, группа людей. Они что-то рассматривали, но что—Берту не было видно. Но вот показался человек, в легком водолажном костюме. Берт уже видел такие костюмы в башенке при газовой камере, но все же он заинтересовался и пошел вслед за этим человеком, рассматривая каску, которую тот держал под мышкой. Однако, и каска, и костюм, все это моментально высколо из головы Берта, как только он поравнялся с углублением, где лежало мертвое тело юнга, убитого пулей с американского корабля «Теодор Рузвельт».

Берт не заметил, чтобы пули достигали «Фатерлан-

*) Мегатерии—вымершая порода огромных животных, существовавших в доисторические времена.

да», и ему даже не приходило в голову, что они могли попасть в него. Он сначала никак не мог понять, каким образом юнга оказался убитым, и никто ничего не объяснил ему.

Мальчик лежал бездыханный на том самом месте, где он упал, сраженный пулей. Куртка на нем была изодрана и опалена; левая лопатка оторвана от туловища, и вся левая сторона тела разорвана в клочки. Крови было много. Матросы, молча, стояли около тела убитого, слушая объяснения человека в водолажном костюме; этот человек указывал им на маленькое, круглое пулевое отверстие в полу и на разрушение, произведенное в панели коридора, куда, очевидно, вылетела пуля, истратив остаток своей силы. Лица всех слушающих были очень серьезны и сосредоточены. Для этих рассудительных белокурых, голубоглазых людей, привыкших к подчинению и порядку в жизни, этот окровавленный предмет, который был некогда их товарищем, был так же непонятен, как и для Берта.

Вдруг в коридор донесся взрыв дикого смеха. Кто-то возбужденно говорил, вернее, кричал по-немецки на маленькой галлерее, другие голоса отвечали ему в более сдержанном и почтительном тоне.

— Принц!—шепнул кто-то, и тотчас же все точно окamenели. Прежняя естественность манер сразу исчезла.

В конце коридора показалась группа людей. Впереди шел лейтенант Курт с пакетом бумаг в руках. Поравнявшись с трупом мальчика, он вдруг остановился, и его румяное лицо побелело.

— Вот что!—сказал он с изумлением.

Принц следовал за ним, разговаривая через плечо с Винтерфельдом.

— А!—воскликнул он, останавливаясь на половине фразы и смотря по направлению, указанному Куртом. Несколько мгновений он, молча, как будто что то обдумывая, смотрел на скорченный предмет, лежавший в углублении. Потом, небрежно махнув рукой, сказал, обращаясь к капитану:

— Распорядитесь с этим!—и тотчас же возобновил свой прерванный разговор с Винтерфельдом.

7.

От всего этого страшного боя в Атлантическом океане Берту запомнилось только одно: как беспомощно тонули люди. И это воспоминание неразрывно было связано с надменной фигурой принца, молчаливо, жестом, приказывающего убрать убитого матроса с «Фатерланда». Берт никак не мог забыть этого. Прежде ему даже нравилась идея войны. Война представлялась ему интересным, веселым и возбуждающим занятием, — чем-то вроде праздничной ярмарки, только в гораздо более широких размерах. Теперь он лучше узнал, что это такое!

Но следующий день принес ему еще одно новое разочарование в войне. Сам по себе этот случай представлял очень обыкновенное явление во время войны, но на воображение «городского» жителя, каким был Берт, он должен был подействовать очень сильно. В сущности, описываемая нами эпоха отличалась мягкостью нравов, и жители населенных городов, в противоположность предшествующим эпохам, никогда не видали убийств и только через посредство книг и картин знакомились с случаями насильственного лишения жизни. Берт всего три раза в своей жизни видел мертвое тело и никогда не присутствовал при убийстве какого-нибудь живого существа, превосходящего величиной новорожденного котенка.

Новое душевное потрясение Берт испытал, когда на корабле «Адлер» произошла казнь одного матроса: матрос этот был приговорен к смерти за то, что у него найдена была коробка спичек. Случай был тем более вопиющим, что матрос, явившись на корабль, просто забыл, что у него есть спички. Каждому из находящихся на корабле было поставлено на вид, что хранение спичек считается важным преступлением на воздушном судне, и соответствующие предостережения были развешены везде. Провинившийся приводил в свою защиту, что он так привык к равным предостережениям и так был занят своим делом, что не обращал на них внимания. Таким образом выходило, что одно свое преступление он пытался оправдать другим, не менее важным в военном

отношении: он сам сознавался в своей халатности. Капитан корабля, на котором находился этот матрос, осудил его, и приговор был подтвержден принцем по беспроволочному телеграфу. Решено было казнить преступника в назидание всему воздушному флоту.

— Немцы, — сказал принц, — пересекают Атлантический океан не ради забавы! — И чтобы все могли видеть эту казнь и получить урок дисциплины и послушания, постановили казнить матроса не электричеством и не сбросить его вниз, а повесить.

Согласно отданному приказанию, все воздушные корабли сошлись вместе, словно рыбы в пруде, когда им бросают корм. «Адлер» повис в воздухе, около флагманского судна. Весь экипаж «Фатерланда» собрался на висячей галерее. Команда других воздушных судов была послана наверх, в воздушные камеры, следовательно, должна была вскарабкаться по наружной сети судна наверх, а офицеры вышли на платформы механических пушек. Зрелище, которое представилось глазам Берта, было очень внушительное. Весь флот висел в воздухе, а далеко внизу, на подернутой рябью голубой поверхности океана, виднелись два парохода, один английский, другой под американским флагом. Казалось, оба парохода — где-то бесконечно далеко. Берт стоял на галерее. Ему было очень интересно видеть казнь, но он чувствовал в душе трепет, потому что этот страшный белокурый принц находился всего лишь в нескольких шагах от него. Принц стоял, выпрямившись по военному и скрестив руки. Взгляд его был ужасен...

И вот матроса с «Адлера» повесили. Взяли веревку длиной в шестьдесят футов, чтобы он висел и качался на глазах у всех, способных совершить подобное же преступление, т. е. спрятать спички или другим способом нарушить дисциплину. Берт видел, как матрос стоял в ожидании казни. У этого, живого еще, человека, сердце, несомненно, разрывалось от ужаса, от жажды бороться за свою жизнь, но наружно он был спокоен и послушен. Он стоял на нижней галерее «Адлера», выступающей на сто ярдов наружу; затем его сбросили вниз...

Он падал, вытянув руки и ноги, пока не очутился на конце веревки. По расчету, он должен был умереть и должен был висеть на веревке в поучение прочим. Но случилось нечто гораздо более ужасное; голова отделилась, и тело, беспомощно кружась, фантастическое и страшное, полетело в море, вслед за головой.

— Ох!—невольно вырвалось у Берта и он судорожно ухватился за перила. И так же охнуло еще несколько человек рядом с Бертом.

— Так!—сказал принц.

Несколько мгновений он смотрел вниз, еще более надменный и суровый, затем повернулся к спуску внутрь судна и скрылся.

Долго стоял Берт на галерее, крепко держась за перила. Он испытывал почти физическое ощущение дурноты и ужаса. То, что он видел, казалось ему ужаснее сражения. Нет, явно, Берт был—вырожденец, явно—он был субъект слишком цивилизованный...

Перед вечером Курт пришел в каюту. Берт сидел, скорчившись, на ящике, в углу, был бледен и казался очень несчастным. Но и у Курта уже не было его прежнего бодрого вида.

— Ну что, укачало?—спросил он Берта.

— Нет!

— Вечером мы будем в Нью-Йорке. Нас подгоняет попутный ветер. Да, уж в Нью-Йорке мы увидим дела! Берт ничего не отвечал.

Курт достал складной стул и столик и некоторое время разглядывал карты. Потом долго сидел, задумавшись, с мрачным видом. Наконец, он встал и, посмотрев на Берта, спросил:

— Вы что?

— Ничего.

— Ничего?—повторил Курт угрожающим тоном.

— Я видел, как они убили этого беднягу! Я видел, как человек с летательной машины, падая, стукнулся о трубы огромного броненосца! Я видел убитого юнгу. Сегодня я видел слишком много убийств и разрушения. Вот в чем дело! Мне это не по нутру. Я не знал, что война такая! Я ведь штатский человек. Мне это не нравится!

— И мне тоже!—воскликнул Курт.—Чорт возьми, нет!

— Я читал про войну и про все. Но иное дело видеть это собственными глазами. Мне, прямо, делается дурно... Прямо-таки дурно... Я ничего подобного не ощущал, когда летел на воздушном шаре, но парить вот так и смотреть вниз, смотреть на истребление людей... Это действует мне на нервы, понимаете?

— А между тем, это предстоит нам и дальше...—Курт на мгновение призадумался.—Вы не один,—сказал он Берту.—У всех здесь расстроились нервы. Летание... да, конечно, от этого... Само собою разумеется, что с непривычки голова немного кружится. Что же касается убийства... Мы должны были подвергнуться кровопусканию. Мы—кроткие, цивилизованные люди. Мы должны подвергнуться кровопусканию,—я думаю, что здесь не найдется и дюжины людей, которым раньше случалось видеть кровь. Спокойные, мирные, послушные законам немцы,—вот чем они были до сих пор! Теперь они находятся здесь именно для этого кровопускания. Конечно, они чувствуют себя не совсем хорошо, но вот погодите, когда у них у самих будут руки в крови...—Курт снова призадумался, потом прибавил:—Да, у всех немного расстроены нервы.

Он снова вернулся к своим картам. Берт продолжал сидеть, скорчившись, в углу, и Курт как будто перестал замечать его. Несколько времени оба молчали.

— Зачем, собственно, это нужно было принцу... повесить этого молодца?—сказал вдруг Берт.

— Так было нужно,—отвечал Курт.—Да, это было нужно, необходимо! Везде, перед носом у каждого, висят приказы, а этот безумец имел при себе спички...

— Чорт возьми! Как бы и мне второпях не позабыть об этом!—заметил Берт некстати. Курт не отвечал ему. Он был занят измерением расстояния от того места, где находился воздушный флот, до Нью-Йорка, и при этом размышлял вслух:

— Хотел бы я знать, какой вид имеют американские аэропланы? Должно быть они похожи на наших летаю-

щих драконов... Впрочем, завтра в это время, мы уже будем знать... Да, но что же мы будем знать... что? Может быть, они все-таки вступят с нами в бой... Странный это будет бой, во всяком случае!

Он присвистнул и задумался; затем, вскочив, вышел из каюты. Спустя несколько времени, Берт нашел его на висячей платформе. Смеркалось. Курт стоял и смотрел вперед, размышляя о том, что будет завтра. Облака снова заволокли все небо. Воздушные корабли, то поднимались, то опускались. Они летели, выстроившись огромным треугольником, как стая каких-то неведомых, невиданных птиц, летели среди хаоса, и этот хаос был не земля и не вода, это было туманное небо..

Глава VI.

Война в Нью-Йорке.

I.

Нью-Йорк, в год нападения немцев, был самым богатым и во многих отношениях—самым великолепным и самым порочным городом в мире. Это был высший тип города современной научной и коммерческой эпохи. Он выставил на показ свое могущество, свое великолепие, свою беззащитную анархическую предприимчивость и свою социальную дезорганизацию. Нью-Йорк давно уже опередил Лондон и занял место этого современного Вавилона, сделавшись центром финансового и торгового мира и мира всяческих удовольствий. Люди сравнивали Нью-Йорк с апокалиптическими городами древних пророков. Подобно древнему Риму, поглощавшему все богатства Средиземного моря, и Вавилону, поглощавшему все богатства востока,—Нью-Йорк высасывал все богатства из своего континента. На улицах этого города можно было найти самые вопиющие контрасты богатства и нищеты, цивилизации и ужасной дикости. В одном квартале поражали своим великолепием мраморные дворцы, залитые светом и украшенные цветами, в другом—ютилось

темное и разноязычное население злобещего вида, скученное до последней степени в неописуемых трущобах и подвалах. Население этих трущоб совершенно ускользало от власти и контроля правительства. Дикая и страшная энергия этого населения создавала своеобразные законы, своеобразные пороки и преступления. И так же как население больших городов средневековой Италии, обитатели нью-йоркских трущоб избирали темные пути рискованных походов, пути гражданской войны.

Особенная форма острова Мангатан, стиснутого между двумя морскими рукавами, лишала город возможности свободно расширяться, что и было первоначальной причиной склонности нью-йоркских архитекторов строить очень высокие дома. Все имело в изобилии: деньги, материал, работа,—только пространство было ограничено. Поневоле пришлось строить вверх. Но для этого, конечно, надо было изобрести изящные восходящие линии, открыть целый новый мир архитектурных красот. Позже скученность населения несколько уменьшилась вследствие постройки подводных туннелей, четырех колоссальных мостов и около дюжины однорельсовых путей к востоку и западу от города. Но по инерции Нью-Йорк все-таки продолжал расти в высоту. Во многих отношениях Нью-Йорк, со своей гордой плутократией, напоминал Венецию прежних времен, как великолепием своей архитектуры, скульптуры, живописи и металлических работ, так и страшною напряженностью своих политических методов, обуславливавших его морское и коммерческое преобладание. Но в отношении внутреннего управления Нью-Йорк не был похож на Венецию. Администрация Нью-Йорка отличалась распущенностью и беспорядочностью, вследствие чего во многих округах города царил полное беззаконие, и когда гражданская война возникла между улицами, то целый округ становился недоступным и непроходимым. Официальная полиция во многие места даже не показывала носа. Город этот можно было бы назвать этническим водоворотом. Флаги всех наций развевались в его гавани, число приезжающих и отъезжающих равнялось двум миллионам в год. В глазах Европы Нью-Йорк воплощал в себе Америку, в глазах

же американцев—он был воротами всего земного шара. История Нью-Йорка была социальной историей всего мира. Святые и мученики, мечтатели и мошенники—все это устремлялось в Нью-Йорк, где традиции многих рас и множества религий участвовали в творческой работе и широким потоком вливались в жизнь, пульсирующую на площадях и улицах. И над всем этим бурным смещением людей и предприятий развевался необыкновенный звездный флаг, одновременно служащий символом самой высокой в жизни идеи—идеи свободы, и прикрытием для самого низкого индивидуального эгоизма, не признающего общегосударственной цели.

В течение многих поколений Нью-Йорк не думал о войне. Война представлялась ему в виде события, происходящего где-то очень далеко; знали, что война влияет на цены, а так же доставляет газетам обильный материал для сенсационных передовых статей и для рисунков. В Нью-Йорке еще более, чем в Англии, верили, что вражеское нашествие невозможно,—невозможно потому, что Атлантический океан служит естественной защитой от нападения. В этом отношении американцы вполне разделяли ошибку англичан. Они чувствовали себя в такой же безопасности, как и зрители боя быков, и если рисковали чем, то только деньгами, спекулируя на результаты войны. Американцы заимствовали свои понятия о войне из истории прошлых войн, когда война не принимала таких размеров, была более живописна и изобиловала всякого рода приключениями. Они видели войну сквозь радужную завесу, скрывавшую ее основные черты и ее жестокости. Они даже склонны были считать войну чем-то облагораживающим человеческую жизнь, порою издыхали о том, что она уже отошла для них в область прошлого. Они с интересом, если не с жадностью, читали все известия, касающиеся новых военных сооружений в своем отечестве: о новых пушках, о постройке громадных и еще более громадных броненосцев, о необычайной силе взрывчатых веществ; но какое значение могли иметь для их частной жизни все эти страшные орудия разрушения,—над этим они не задумывались. Вся тогдашняя американская литература показывает, что они ни разу не

останавливалась на этом вопросе, уверенные, что Америка в полной безопасности среди всего этого нагромождения взрывчатых материалов. По привычке и по традиции они чтили свой национальный флаг, презирали другие нации и, где бы ни возникали международные осложнения, они всегда обнаруживали самый крайний патриотизм, т. е. резко высказывались против каждого политического деятеля, если он не угрожал и не обращался грубо с теми, кого американцы считали своими конкурентами. Они высокомерно относились к азиатам, к немцам и, в особенности, к Великобритании. Великобритания—неизменно служила мишенью для карикатуристов, всегда изображавших ее в виде мужа, находящегося под башмаком у своей капризной молодой жены—Америки. На все остальное американцы не обращали никакого внимания, занимаясь исключительно только своими делами и удовольствиями, как будто война исчезла из мира вместе с мегатериями...

И вот на этот мир, до сих пор по большей части мирно занимавшийся усовершенствованием вооружений и взрывчатых веществ, внезапно обрушилась война. Американцы вдруг увидели, что массы накопившегося горючего материала воспламенились, и пушки начали стрелять.

2.

Непосредственным результатом той внезапности, с которою началась война, было лишь усиление обычной запальчивости американцев. Газеты и журналы, питающие ум американцев (книги тут были почти упразднены и представляли лишь материал для коллекционеров,—у нетерпеливых американцев не было времени читать книги), тотчас же испещрили свои страницы военными рисунками и громкими заголовками, которые действовали на воображение, как ракеты или разрывные гранаты. К обычной напряженной жизни на улицах Нью-Йорка присоединилась еще военная лихорадка. Огромные толпы народа собирались, обыкновенно после обеда, на Мэдисонской площади и слушали возбуждающие патриотические

речи, с восторгом приветствуя ораторов. Настоящая эпидемия маленьких флагов и военных бутоньерок разразилась над Нью-Йорком. Молодые люди, массами съезжающие в Нью-Йорк по утрам и возвращающиеся домой после работы, между шестью и семью часами вечера, в поездах, трамваях, экипажах, вагонах однорельсовых и подземных дорог,—все эти молодые люди украсили себя бутоньерками. Не носить военной бутоньерки было опасно. Все песенки в мюзик-холлах были на патриотические темы; балет в полном составе выходил с национальными флагами; устраивался апофеоз с прожекторами, бенгальскими огнями и ангелами. Все это вызывало сцены дикого энтузиазма, взрослые мужчины проливали слезы... Этот национальный энтузиазм отразился, конечно, и в церквях, где произносились проповеди на патриотические темы, но там все это выходило более серьезно и торжественно. Бесчисленное множество пароходов с толпами экскурсантов отправлялось в Ист Ривер, и там публика своим любопытством и своими восторженными криками мешала морским и воздушным приготовлениям к войне. Торговля всякого рода оружием сильно возросла, а чересчур пылкие граждане давали исход своим чувствам, устраивая на улицах Нью-Йорка фейерверки более или менее героического, опасного и национального характера. Продавались игрушечные воздушные шары последнего образца; эти шары запускались на привязи и изрядно мешали пешеходам в центральном парке. И, наконец, среди сцен неопишемого энтузиазма законодательное собрание в Албани, после бесконечного заседания, после долгих споров приостановило действие прежних законов и провело через обе палаты билль, устанавливающий всеобщую военную службу в штате Нью-Йорк.

Критики американского характера отмечают то обстоятельство, что пока германское нашествие не коснулось непосредственно самих жителей Нью-Йорка, до тех пор они относились к войне, как к какой-нибудь политической демонстрации. Ношение бутоньерок, размахивание флагами, фейерверки и патриотические песни не могли, конечно, особенно повредить германским или японским

силам. Но критики забывают, что созданные наукой новые условия ведения войны—лишали гражданскую часть населения возможности приносить какой-либо серьезный вред врагу, поэтому мирные граждане только и могли заниматься такими, в сущности, невинными демонстрациями. Главную действующую силой в войне являлись уже не массы, как прежде, а немногие граждане, специализировавшиеся в военном искусстве. Те дни, когда охваченные энтузиазмом пехотинцы решали участь сражений, давно уже прошли. Война стала делом машин, делом специального воспитания и искусства, очень сложного и требующего тщательного изучения. Война перестала быть демократичной. Как бы мы ни оценивали народное возбуждение, все же мы не можем отрицать, что правительство Соединенных Штатов, очутившись лицом к лицу с неожиданным фактом вооруженного нашествия из Европы, действовало с большою энергией, знанием дела и решительностью. Правда, вследствие неосведомленности своих дипломатов, американское правительство было застигнуто врасплох; правда, его приготовления к войне, особенно по части аэропланов и дирижаблей, не могли быть поставлены на ряду с грандиозными германскими воздухоплавательными парками. Но тем не менее, американское правительство сразу принялось за дело, чтобы доказать миру, что энергия, создавшая в 1864 г. южные подводные лодки и «Монитор», *) еще не умерла. Начальником американского воздухоплавательного парка, находившегося близ Вест Пойнта, был Робот Синклер. Согласно распространенному в эти демократические времена обычаю, к Синклеру явился репортер. Синклер уделил ему только минуту и сказал следующие слова:—«Мы уже выбрали для себя эпитафию:—«Они сделали все, что могли». А теперь... убирайтесь!»

Действительно, они все сделали все, что могли! Исключений не было. Единственным их недостатком—был недостаток организации.

*) С 1861 по 1864 г.г. происходила война между Северной и Южной Америкой: северные штаты Америки сражались против южных за прекращение работорговли и труда рабов; в этой войне северные штаты в первый раз применили бронированные суда и подводные лодки.

Для историка этой войны, одним из самых поразительных фактов является то, что вашингтонское правительство вело свои воздухоплавательные приготовления в строжайшем секрете. Это, между прочим, лишний раз доказывает, что при наличии новых методов ведения войны — уже нет необходимости в поддержке широких масс... Ни один, даже самый ничтожный, факт, касающийся военных приготовлений, не проникал в публику. Даже не удостоивали говорить об этом конгрессу и отклоняли всякий запрос по этому поводу. Войну вели вполне автократическим способом президент и статс-секретари, публика же не была осведомлена ни о чем. Допускали лишь такую гласность, которая могла предупредить ненужную агитацию среди публики и требования защиты известных пунктов. Главную опасность для военного воздухоплавания видели в том шуме, который может поднять интеллигентная и легко возбудимая публика своими требованиями относительно постройки воздушных судов и аэропланов, для защиты местных интересов. В виду недостаточности ресурсов, это неминуемо привело бы к фатальному разделению национальных сил. В особенности же правительство боялось, что его могут принудить к преждевременному выступлению ради обороны Нью-Йорка. Правительство предвидело, что такой поступок был бы на руку немцам, и поэтому всячески старалось направить общественное внимание на оборонительную артиллерию и замять вопрос о возможности воздушной битвы. Свои настоящие приготовления к войне правительство тщательно скрывало, выставляя на показ лишь то, что считало возможным. В Вашингтоне был большой запас морских пушек, и они были тотчас же и с намеренною демонстративностью распределены между восточными городами. Эти пушки, благодаря применению системы Доана, были наиболее дальнбойными в вертикальном направлении, но к моменту налета немцев на Нью-Йорк большинство из этих пушек еще не были поставлены на лафеты. А на улицах города, где постоянно толпился народ, газеты угощали публику самыми сенсационными и превосходно иллюстрированными сообщениями, вроде следующих:

Секрет молнии!

Старый ученый усовершенствовал электрическую пушку, которая и гребит электричеством команды воздушных судов посредством молнии, направляемой вверх.

Вашингтон заказал 500 таких пушек!

Военный министр с восторгом скрепил это приказание и говорит, что этими пушками они пригвоздят немцев к земле.

Президент публично аплодировал этой веселой шутке.

3.

Германский воздушный флот достиг Нью-Йорка раньше, чем были получены известия о морском поражении американцев. Часовые в Лонг Бренч и у Океанской роши первые увидели воздушные корабли, плавно летевшие с южной стороны моря по направлению к северу. Флагманский корабль пролетел почти над самой Обсерваторией Песчаного Мыса, быстро поднимаясь вверх, и через несколько минут уже весь Нью-Йорк дрожал от пушечных выстрелов: стреляли в воздушный флот. Многие из пушек управлялись очень хорошо, и один снаряд разорвался так близко от «Фатерланда», что осколком разбило стекло в окне у принца. Этот внезапный взрыв заставил Берта спрятать голову с быстротою перепуганной черепахи. Весь воздушный флот тотчас же поднялся на высоту около 12.000 футов, куда не достигали снаряды, и пролетал над бессильными пушками, располагаясь в виде сплюсненной римской цифры V, с вершиной, обращенной в сторону города. Оконечности этой цифры двигались над Плумфильдом и Ямайка-бей. «Фатерланд», пройдя к востоку от Норроу, остановился над Джерси Сити, доминируя над нижним городом. И все эти огромные, странные чудовища, освещенные светом угасающего дня, висели над Нью-Йорком, спокойные и невозмутимые, совершенно игнорируя случайные взрывы ракет и пламя снарядов, разрывающихся в нижних слоях воздуха.

Наступила пауза: обе стороны изучали друг друга. На время наивное человечество позабыло о войне и отдавалось созерцанию доселе невиданного зрелища. Несколь-

миллионов человек внизу и несколько тысяч наверху с одинаковым интересом смотрели—один вверх, другие вниз. Вечер был дивный, и лишь на высоте семи или восьми тысяч футов виднелись легкие облачка, скользящие по ясному небу. Ветер совершенно прекратился; было тихо и как-то особенно мирно. Отдаленные раскаты пушечных выстрелов и безвредная пиротехника внизу, казалось, имели так же мало общего с убийствами, насилиями и террором, как и салют во время морского смотра. Внизу, каждый возвышенный пункт в городе был усеян зрителями. На крышах зданий, на площадях, на паромках, на всех людных перекрестках улиц—виднелись густые толпы народа. На реке все дамбы были покрыты людьми, а в центральном парке и вдоль аллеи по берегу реки, каждый сколько-нибудь удобный для наблюдений пункт был занят обитателями соседних улиц. Тротуары больших мостов через Ист Ривер были так же сплошь покрыты людьми. Лавочники везде покинули свои магазины, мужчины побросали свою работу, а женщины и дети—свои дома, и все выбежали на улицу, чтобы посмотреть на это чудо из чудес.

— Куда почище того, что говорили об этом газеты,— таково было общее мнение.

А сверху, многие из находившихся на воздушных кораблях с одинаковым любопытством смотрели вниз. Не было города в мире, более прекрасного, нежели Нью-Йорк, красиво изрезанный морскими заливами и рукавами реки и разбросанный на холмах. Великолепно видна была вся картина эффектных зданий, мостов, однорельсовых дорог и разных других чудес инженерного искусства. Лондон, Париж, Берлин казались простыми скопищами построек по сравнению с Нью-Йорком. Порт Нью-Йорка проникал в самый центр города, как в Венеции, и, подобно древней Венеции, Нью-Йорк был гордым, высокомерным и властным городом. Тех, кто взирал на него сверху, он должен был поражать своим очарованием. Поезда, экипажи сновали во все стороны, и снопы ослепительного света заливали город. В этот последний вечер Нью-Йорк был особенно великолепен.

— Чорт возьми, ну и город!—воскликнул Берт.

Действительно, Нью-Йорк был в этот вечер таким величаво-спокойным и мирным городом, что нападение на него представлялось несообразностью, не меньшей, чем осада Национальной Галереи или атака на мирных граждан, обедающих за табльд'отом в каком-нибудь отеле. Город был так велик, так изящен и так широко раскинулся во все стороны, что казалось прямо-таки невозможным подвергнуть его действию орудий войны. Это было бы все равно, что засунуть лом в тонкий механизм часов. Но рыбообразные чудовища, плывшие по небу и заслонявшие свет, имели такой вид, как будто они не имеют ни малейшего отношения к кровавым насилиям войны. Курт, Берт Смоллуэйс и, по всей вероятности, очень многие среди экипажа воздушного флота чувствовали эту несообразность. Только голова принца Карла-Альберта была полна романтических представлений о войне. Он был завоеватель, а там внизу находился враждебный город. Чем значительнее этот город, тем больше торжество завоевателя! Без сомнения, принц находился в состоянии сильнейшего радостного возбуждения в эту ночь, испытывая более, чем когда либо, упоение властью и торжество силы.

Пауза кончилась. Переговоры по беспроволочному телеграфу не привели к удовлетворительному соглашению, и как город, так и воздушный флот должны были вспомнить о том, что они—враги...

— Смотрите!—закричала толпа.—Смотрите!

— Что они хотят делать?

— Что?

Пять атакующих воздушных кораблей, отделившись от остальных, спустились в сумерках поближе к городу, в разных местах. Один опустился к адмиралтейству, на Ист Ривере, другой к городской ратуше. Два воздушных корабля приблизились к огромным промышленным зданиям в Уолл Стрите и Нижнем Бродвее, а один спустился к Бруклинскому мосту. Эти корабли быстро и плавно прошли опасную для них зону, куда долетали снаряды отдаленных пушек, и очутились в безопасной близости к городскому населению. Но как только они спусти-

лись, в городе внезапно остановилось всякое движение и погасли огни. Из городской ратуши по телефону совещались с главным управлением, федеральными военными силами; принимались поспешные меры для обороны города. Из ратуши обращались с требованием выслать немедленно воздушные корабли и отказались последовать совету Вашингтона, предлагавшего сдаться. Сильное волнение охватило город, и начались лихорадочные приготовления к бою. Полиция очищала улицы от толпы.

— Расходитесь по домам! Дело становится серьезным!—передавали друг другу.

Смутный страх и трепет охватил население. Толпы народа бросились бежать в темноте через город, через парки и площади, наталкиваясь на солдат и пушки и поворачивая назад. В какие-нибудь полчаса в городе произошла разительная перемена, и от величавого спокойствия и света он перешел к паническому ужасу и темноте.

Когда к Бруклинскому мосту приблизился воздушный корабль—произошла паника, нескольких задавили до смерти. Это было началом...

С прекращением движения на улицах в Нью-Йорке наступила непривычная тишина, среди которой все явственное раздавались бесполезные выстрелы пушек с фортов на холмах, защищающих город. Но, в конце концов, и эти выстрелы прекратились. Опять наступила пауза, во время которой происходили дальнейшие переговоры. Все сидели в темноте, ожидая наставлений по телефону, но телефон молчал! И вдруг среди этой жуткой тишины раздался страшный грохот и шум: это рушился мост в Бруклине. За этим последовала перестрелка в адмиралтействе и взрыв бомб в Сити Холле и Уолл Стрите. Нью-Йорк был бессилен; он не мог ничего сделать и ничего не понимал. Население громадного города притаилось в темноте, прислушиваясь ко всем этим отдаленным звукам, пока и они не прекратились так же внезапно, как начались.

— Что будет?—спрашивали себя все со страхом.

Опять наступила новая длинная пауза. Люди начали выглядывать из окон верхних этажей и увидели темные

очертания германских воздушных кораблей, медленно скользящих над городом. Они, казалось, были так близко, что к ним можно было притронуться рукой... Потом снова появился электрический свет. Улицы осветились, и толпы газетчиков, выкрикивавших последние новости, начали сновать по тротуарам. Опять появились толпы народа; газеты раскупались нарасхват, и огромное, разношерстное население Нью-Йорка узнало, наконец, что произошло. Было сражение, и Нью-Йорк выкинул белый флаг...

4.

Печальные события, разыгравшиеся после капитуляции Нью-Йорка, кажутся нам теперь естественным и неизбежным результатом противоречия между техническим прогрессом и социальными условиями, созданными научным веком—с одной стороны, и традициями грубого, романтического патриотизма—с другой. В первый момент американцы отнеслись к факту сдачи Нью-Йорка с таким же безучастным спокойствием, с каким они относились к крушению поезда железной дороги, по которой они путешествуют, или к известию о сооружении какого-нибудь общественного памятника в том городе, где они обитают.

— Мы сдались?.. Бог мой! Неужели это правда?—Таковыми восклицаниями встретили они первое известие о сдаче города. Но и тут они были скорее зрителями, нежели участниками печального события, и первоначально приняли все происшедшее с таким же простым любопытством, как и появление воздушных кораблей. Только постепенно у них проснулось чувство патриотизма.

— Мы сдались!—восклицали они несколько позднее.—В нашем лице Америка побеждена!—И тогда они начали волноваться и шуметь.

В утренних газетах, вышедших в этот день, не нашлось никаких подробностей ни относительно условий капитуляции, ни относительно характера столкновения, которое привело к ней. Более поздние выпуски газет, однако, пополнили этот пробел. Они сообщали, что согла-

шение состоялось на следующих условиях: Нью-Йорк должен был продовольствовать германский воздушный флот, пополнять его запасы взрывчатых веществ, и возместить те, которые были израсходованы на истребление северо-атлантической американской эскадры и в битве с городом. Кроме того, Нью-Йорк обязался выплатить громадную контрибуцию в сорок миллионов долларов и отдать флотилию Ист Ривера. Затем появились очень длинные и подробные описания разрушения ратуши и адмиралтейства, и жители мало-по-малу уяснили себе, наконец, что произошло в эти короткие минуты возникшей в городе суматохи. Они читали рассказы о людях, разорванных на куски, о солдатах, безнадежно продолжающих борьбу среди неопишемого разрушения, о флагах, которые волочили по земле рыдающие люди... Вместе с этим, в ночных изданиях газет, появились и первые, коротенькие каблогаммы *) из Европы о гибели северо-атлантической эскадры, той самой, которую Нью-Йорк всегда гордился, и о которой особенно заботился. По мере того, как пробуждалось коллективное сознание, возросло патристическое недоумение и чувство унижения. Америка была застигнута врасплох. Нью-Йорк с удивлением, перешедшим в ярость, внезапно увидел себя завоеванным городом, находящимся всецело в руках победителя.

Как только жители Нью-Йорка достаточно усвоили этот факт, ими овладела бешеная злоба.

— Не может быть! — восклицали они на заре следующего утра. — Нет! Нью-Йорк не может быть побежден! Это фантазия!

И прежде чем наступил день, весь Нью-Йорк был охвачен типично-американским гневом. Миллионное население города быстро поддавалось этому чувству, которое передавалось, как зараза, от одного к другому. Однако, не успело еще это гигантское волнение города выразиться в действиях, вылиться в определенную форму, а команды

*) До применения беспроволочного телеграфа для сообщения между континентами (Америкой и Европой, Австралией и Азией и т. д.) пользовались продолженным под водой кабелем; телеграммы, посылаемые по этому кабелю, называются каблогаммами.

воздушного флота уже что-то такое почувствовали, — совершенно так же, как, по рассказам, животных, еще задолго до землетрясения, охватывает беспокойство. Волнение Нью-Йорка передавалось экипажу воздушных кораблей.

Газеты группы Кнайпа, первые, формулировали словами эти чувства, волновавшие Нью-Йорк.

— Мы не соглашаемся! — заявляли они просто. — Нас предали!

Слова эти переходили из уст в уста, и на каждом углу улицы ораторы, освещаемые бледными лучами рассвета, взывали к американскому народу, заклинали его не коряться, и каждый слушавший их испытывал чувство стыда и унижения. Берт с высоты 500 футов прислушивался к шуму города, и ему казалось, что этот шум, раньше носивший неопределенный характер, теперь становится похожим на жужжание большого роя пчел и при этом очень рассерженных.

После разрушения ратуши и почти белый флаг был поднят на высокой башне Старого Парка. Мэр города, побуждаемый перепуганными до смерти домовладельцами нижнего Нью-Йорка, отправился на эту башню для переговоров с Винтерфельдом о капитуляции. Спустив секретаря принца по веревочной лестнице, «Фатерланд» продолжал парить над большими старыми и новыми зданиями, сгруппированными вокруг парка. Другой корабль «Гельмгольц», который вел бой в этом пункте, поднялся на высоту почти двух тысяч футов. Берт, таким образом, мог наблюдать все, что происходило в этом центральном пункте Нью-Йорка. Ратуша, суд, почтамт и масса других строений на западной стороне Бродвея были особенно сильно повреждены бомбардировкой. Первые три представляли даже груды почерневших развалин. При разрушении ратуши и суда — смертных случаев было немного, но очень много рабочих, включая женщин и девочек, погибло при бомбардировке почтамта. Небольшой отряд санитаров-добровольцев, с белыми перевязями на руках, вошел, вслед за пожарными, в дымящиеся здания, откуда выносили тела погибших, а иногда еще живых, но страшно обожженных людей. Пожарные энергично рабо-

тали, направляя широкие струи воды на тлеющие развалины зданий. Рукава пожарных машин тянулись через площадь; на площади были выставлены полицейские кордоны, чтобы сдерживать темные массы народа, устремлявшиеся, особенно с восточной стороны города, к этому главному центру.

Необычайный контраст с этой картиной разрушения представлял стоявший рядом гигантский дворец прессы, весь залитый электрическим светом. В нем происходила кипучая работа, не прекратившаяся даже тогда, когда началось метание бомб. Служащий персонал и типографские станки ни на минуту не прерывали своей деятельности. Надо было повесть страшную историю ночи, развить и комментировать ее; надо было призывать к борьбе с немцами—под самым носом немецких воздушных кораблей. Берт довольно долго не мог сообразить, что это за учреждение, продолжающее работать, не взирая ни на что, но, наконец, он различил стук печатных станков и тогда понял, что это такое.—«Чорт возьми!»—воскликнул он по своему обыкновению.

По другую сторону дворца прессы стоял еще один полицейский кордон, частью скрытый арками старой железной дороги; дорога эта проходила над улицами Нью-Йорка и уже давно была превращена в однорельсовый путь. Там же было устроено нечто вроде перевязочного пункта, где доктора и сестры милосердия сушили около раненых и убитых ночью во время паники на Бруклинском мосту. Берт видел все это с высоты птичьего полета, и ему казалось, что он смотрит в глубину огромного колодца, на дне которого между утесами зданий копошатся люди. Внизу, вдоль Бродвея, происходили митинги. Толпы народа собрались около ораторов, произносивших зажигательные речи. Над всем этим высился целый лес труб и тянулась сеть электрических проводов. Берт видел крыши домов и на них группы взволнованных людей, горячо рассуждающих о чем-то. Только там, где еще бушевал огонь и лились потоки воды, людей не было видно. Повсюду торчали флажки без флагов; в одном месте над огромным зданием, беспомощно повис белый флаг. А на востоке занималась заря, освещая своим

бесстрастным, холодным светом мрачные картины разрушения города и возрастающего ожесточения толпы.

Берт Смоллуэйс наблюдал в отверстие окна все происходившее на улицах. Там, внизу, он видел бледную, туманную картину мира, точно вставленную в темную рамку окна. Он провел всю ночь, держась за эту рамку, подскакивал и вздрагивал при каждом взрыве и следил за фантастическими событиями. Воздушный корабль то поднимался так высоко, что ничего уже не было слышно, то опускался настолько низко, что слышны были крики, грохот взрывов и выстрелы. Берт видел, как воздушные корабли низко и быстро пролетали над темнеющими улицами, где раздавались крики и стоны. Он видел, как внезапно загорались огромные здания, как они корчились и оседали под влиянием губительного прикосновения бомб. В первый раз в своей жизни он был свидетелем страшной, разрушительной и мгновенной атаки. Но сам он находился вне этого, был отделен от этого гибнущего мира. «Фатерланд» не бросил ни одной бомбы; он только наблюдал и руководил атакой, затем корабль остановился и повис над городским парком, и Берт с ужасом увидел огромные здания в огне и мелькавшие внизу огоньки фонарей и какие-то призрачные тени. Он догадался, что это разыскивали убитых и раненых... По мере того, как рассветало, картина становилась яснее, и Берт начал понимать, что означали эти темные, точно скорчившиеся предметы внизу...

Он долго наблюдал, как постепенно очертания города становились все определеннее. Когда совсем рассвело, он почувствовал страшную усталость. Посмотрев утомленными глазами на восходящее солнце, он зевнул во весь рот и, добравшись до койки, повалился на нее и моментально заснул. В таком виде и нашел его Курт, который, спустя несколько часов, заглянул к каюте. Берт спал, лежа враспашку на койке. Лицо его было бледно и равнодушно, рот широко раскрыт, и он громко и неприятно храпел. Это был истинный образ человека, демократический ум которого внезапно столкнулся с современными проблемами, слишком сложными для его понимания.

Курт несколько секунд смотрел на него с выражением снисходительного презрения, затем тронул его за локоть.

— Встаньте!—крикнул он ему.—И лягте поприличнее.

Берт тотчас же сел на койку и, протирая глаза, спросил:

— Еще сражаются?..

— Нет,—ответил Курт и тоже присел, чувствуя полную разбитость.—Господи!—вскричал он, наконец, закрывая лицо руками.—Если бы взять холодную ванну! Всю ночь я наблюдал, чтобы шальные пули не пробили воздушных камер...—Он потянулся и зевнул.—Надо заснуть. Лучше уходите отсюда, Смоллуэйс. Я не могу вас выносить сегодня в своей каюте. Вы так чертовски бесполезны и неуклюжи. Получили вы свою порцию?.. Нет? Ну так идите за ней и не приходите сюда. Оставайтесь в галерее...

5.

Несколько освежившись после сна и чашки кофе, Берт вернулся к своей роли подневольного участника войны в воздухе. Он отправился, как указал ему Курт, на маленькую галерею и, уцепившись за перила, забился в самый угол, позади караульного, стараясь произвести впечатление существа совершенно безвредного.

Довольно сильный ветер дул с юго-востока, вынуждая «Фатерланд» двигаться над островом Мангаттан. На северо-западе собирались тучи. Винт, борясь с ветром, вращался медленно, и стук его был теперь гораздо слышнее, чем тогда, когда корабль шел полным ходом. Трение ветра о дно газовой камеры производило журчание, вроде того, какое бывает при движении лодки в воде, но только слабее. «Фатерланд» парил над временной ратушей в парке Роу и временами опускался для возобновления переговоров с мэром города и Вашингтоном, но беспокойный нрав принца не позволял ему оставаться долго на одном месте, и поэтому корабль летел дальше, огибая Гудсон и Ист Ривер, и снова возвращался назад. Иногда корабль начинал подниматься высоко, как будто хотел унести в лазурную даль. Один раз он так быстро и высоко поднялся, что с принцем и со всем экипажем при-

ключилась горная болезнь. Берт тоже испытал головокружение и тошноту.

Вид местности внизу постоянно менялся с изменением высоты подъема. Когда корабль опускался ближе к земле, Берту видны были сверху двери, окна, улицы, вывески, люди и все мельчайшие подробности; и все это в такой странной, необычной перспективе. Он мог наблюдать загадочное поведение толпы, собиравшейся на улицах и громоздившейся на крышах домов. Но когда корабль начинал подниматься, эти подробности постепенно исчезали из глаз, улицы сливались, горизонт расширялся, и толпы народа уже не казались такими многочисленными. На большой высоте все представлялось, как вогнутый рельеф карты. Берт видел темную поверхность густо населенной страны, пересекаемую в разных направлениях блестящими полосами воды; видел реку Гудсон, отливавшую серебром, и залив, сверкавший в лучах солнца. Даже мало склонный к философским размышлениям ум Берта был поражен контрастом между городом, расстилавшимся внизу, и флотом, парящим вверх. В этом контрасте выразилась вся противоположность между предприимчивым духом и характером американцев и германским порядком и дисциплиной. Внизу колоссальные здания, мощные и красивые, казались гигантскими деревьями джунглей, борющихся за свое существование. Великолепие и роскошь этих построек казались такими же неплановыми и случайными, как и скалы и ущелья. Это впечатление еще больше усиливалось при виде дыма и суматохи вокруг горящих зданий. А наверху, в небесах, парили германские корабли, как будто принадлежащие к иному миру, где царил порядок. Все они были повернуты под одним и тем же углом к горизонту, все были одинаковы по внешнему виду и строению, и все двигались к одной цели, словно стая волков, выстроенных так, чтобы действовать возможно вернее и убийственнее.

Берту, однако, показалось, что тут находится едва ли больше трети воздушного флота. Вероятно, другие воздушные корабли отправились исполнять какие-нибудь поручения за пределы видимого горизонта. Берт был заинтересован этим, но спросить было не у кого. В течение

дня, впрочем, он увидел с дюжину этих кораблей, показавшихся с восточной стороны. Они пополнили свои запасы и теперь тащили на буксире несколько летающих драконов. К концу дня погода испортилась, на юго-западе появились облака, они клубились, собирались вместе, все увеличиваясь в числе, и ветер становился сильнее. К вечеру ветер превратился почти в ураган, и воздушные корабли, раскачиваясь, держались против ветра.

Весь этот день принц вел переговоры с Вашингтоном, а воздушные корабли, отправленные на разведки, осматривали вдоль и поперек восточные штаты, нет ли где-нибудь чего-нибудь, похожего на воздухоплавательный парк. Отряд из двадцати кораблей, отправившихся в течение ночи, опустился над Ниагарой и захватил город и мастерский.

Между тем восстание в гигантском городе разрасталось. Несмотря на то, что огромный пожар в пяти местах уже захватил большие пространства земли и продолжал распространяться, Нью-Йорк все-таки не хотел примириться с тем, что он был побежден.

В начале дух возмущения, охвативший город, выражался только отдельными криками, речами уличных ораторов да газетными статьями, призывавшими граждан к оружию. Но когда утреннее солнце осветило американские флаги, вновь поднятые в различных пунктах над архитектурными колоссами города, демонстрация носила уже определенный характер. Возможно, впрочем, что в некоторых случаях это поднятие национальных флагов в сдавшемся городе было лишь невинным отступлением от формы, свойственным американцам, но оно также было, несомненно, и обдуманном актом, указывавшим, что народ озлоблен.

Немецкое чувство корректности было глубоко возмущено таким вызывающим поведением. Граф фон-Винтерфельд тотчас же вступил в сношения с мэром города и поставил ему на вид неправильность таких поступков. Немедленно было дано знать на пожарные станции, которым и были преподаны соответствующие инструкции. Нью-йоркская полиция дружно работала, стараясь удерживать толпу от самоуправства, и между разгоряченными

гражданами, желавшими, во что бы то ни стало, вывесить национальные флаги, и раздраженными полицейскими, вынужденными срывать их, — возникала ожесточенная борьба.

Беспорядки приняли особенно острый характер на улицах, окружающих университет Колумбии. Капитан воздушного корабля, наблюдавшего за этим кварталом, спустил вниз аркан и стащил флаг, поднятый над зданием Моргана, но тотчас же из верхних окон огромного помещения, находящегося между университетом и берегом реки, посыпался град пуль, явно направленных в воздушный корабль. Большинство выстрелов были безрезультатны, но две или три пули попали все-таки в газовую камеру и одна пуля ранила человека, стоявшего на верхней платформе. Часовой на нижней галерее тотчас же ответил на эти выстрелы, и автоматическая пушка, помещающаяся на щите орла, скоро заставила стрелявших смолкнуть. Воздушный корабль поднялся и сигнализировал об этом происшествии флагманскому кораблю и городской ратуше. К месту происшествия были отправлены милиционеры и полицейские, и этим дело кончилось. Но тотчас же произошло другое столкновение. Группа молодых клубменов из Нью-Йорка, вдохновляемая патристическими чувствами и любовью к приключениям, отправилась на автомобилях в Бэкон Хилл; там молодые люди немедленно приступили к работе с замечательной энергией и устроили импровизированный форт, воспользовавшись находившимся там орудием. Это орудие было в руках недовольных канониров, которым приказано было прекратить огонь, как только состоялась капитуляция. Не трудно было заразить их духом возмущения. Канониры обьявили, что их орудию не дали показать свою силу, а уж теперь они покажут, что оно может сделать! Под руководством вновь прибывших, артиллеристы соорудили траншею, сделали насыпь и устроили ряд колодцев для прикрытия. Они уже заряжали пушку, когда их заметил воздушный корабль «Пруссия». Но прежде чем бомбы, брошенные с «Пруссии», разнесли вдребезги и артиллеристов, и их примитивный форт — один снаряд из орудия все же успел разорваться над серединой газовой камеры

воздушного корабля «Бинген», и поврежденный корабль свалился на землю в Статен Эйланде. Он оплоснулся и повис между деревьями; его опустевшие центральные газовые мешки расстилались над деревьями в виде навеса и спускались фестонами. Но пожара не произошло, и команда тотчас же принялась исправлять повреждения. Все действовали при этом с уверенностью, которая граничила почти с неосторожностью. В то время как одна часть экипажа занялась починкою газовой переборки, другая—отправилась на ближайшую дорогу, чтобы найти газопровод, и скоро очутилась в плену у враждебно настроенной толпы. Вблизи дороги находился ряд вилл, обитатели которых тотчас же обнаружили неприязненное любопытство и агрессивные стремления. Полицейский контроль над обширным и многолюдным населением Статена к тому времени ослабел, и почти в каждом доме имелось оружие и боевые припасы. Этим не замедлили воспользоваться, и, после нескольких промахов, был ранен в ногу один из работавших у газопровода людей. Немцы тотчас же бросили починку, укрылись за деревьями и отвечали выстрелами на выстрелы.

Треск выстрелов заставил другие корабли, «Пруссию» и «Киль», немедленно явиться на помощь. Посредством нескольких ручных гранат они быстро покончили со всеми вилами на целую милю в окружности. Погибло не мало мужчин, женщин и детей, не принимавших никакого участия в нападении; виновники же нападения бежали. Починка поврежденного воздушного корабля могла теперь продолжаться без помехи, под охраной двух других кораблей. Но когда эти корабли вернулись к своим местам, снова возобновились нападения вокруг опустившегося на землю корабля. Такие стычки с перерывами шли до вечера, когда началось настоящее сражение.

Около восьми часов вечера вооруженная толпа напала на «Бинген», и все защитники корабля были перебиты после ожесточенной и беспорядочной битвы.

Затруднения немцев в обоих случаях происходили от того, что они не могли высадить на землю достаточно сильные отряды или вообще—какую-бы то ни было военную силу. Воздушный флот совсем не был приспособлен

для перевозки войска. На воздушных кораблях находилось лишь столько людей, сколько было нужно для маневрирования и сражения в воздухе. Сверху они могли причинить громадные опустошения. Они могли принудить всякое организованное правительство к капитуляции в самый короткий промежуток времени. Но они не в состоянии были ни обезоружить население, ни оккупировать завоеванные ими города. Они могли только оказывать давление на власти, угрожая возобновлением бомбардировки. Это было их единственным ресурсом. Нет никакого сомнения, что этого было достаточно для сохранения мира, если бы правительство было лучше организовано и влияние его не ослабело, и если бы народ был более дисциплинирован и более однороден. Но именно этого-то и не было. Нью-йоркское правительство было слабо и имело в своем распоряжении слишком незначительные полицейские силы. Разрушение же городской ратуши и других центральных учреждений внесло глубокое расстройство в работу отдельных частей управления. Прекратилось движение уличных омнибусов и железных дорог. Телефонная служба была приостановлена и работала лишь с перерывами. Немцы нанесли удар в голову, и голова была оглушена и побеждена и не в состоянии была больше управлять своим телом; естественно—тело вышло из повиновения. Нью-Йорк превратился в безголовое чудовище и неспособен был более к коллективному повиновению. Повсюду происходили восстания, и отдельные власти, предоставленные собственной инициативе, вынуждены были присоединиться к народу, который вооружался и поднимал национальные флаги.

6.

Поколебленное перемирие было окончательно нарушено убийством (иначе это нельзя назвать) «Веттергорна», которое было совершено на Площади Союза, на расстоянии около одной мили от развалин ратуши. Это произошло между пятью и шестью часами дня. Погода в это время значительно изменилась к худшему, и операции воздушного флота были сильно затруднены необходимостью

бороться с сильным ветром. Налетал шторм за штормом, блеснула молния, хлестал град, и воздушный флот, спасаясь от шторма, спустился низко над домами; таким образом, район наблюдения уменьшился, и кроме того флот подвергал себя опасности ружейной атаки.

Накануне на площади была поставлена пушка. Она была без лафета, и никогда из нее не пробовали стрелять. В темноте, наступившей после капитуляции, пушка эта была унесена с дороги, вместе со всеми своими принадлежностями, и поставлена над арками большого Декстеровского здания. Позднее ее заметили тут патристически настроенные люди и тотчас же принялись за работу. Они собрали ее и поставили на лафет в верхней части площади. В сущности, они устроили в этом месте замаскированную батарею, скрытую за декоративной решеткой здания. Лежа за этим прикрытием, они ждали, точно возбужденные итроду дети, пока не покажется киль злополучного «Веттергорна». Корабль шел с уменьшенной на три четверти скоростью, борясь с ветром. Он показался над недавно построенными башенками здания Тиффани, и тотчас же однопушечная батарея была открыта. Нужно было взорвать и сбросить вниз на мостовую весь десятый этаж Декстеровского здания, чтобы часовой «Веттергорна» мог увидеть черное жерло пушки, притаившееся в тени. Снарядом из пушки—часовой был, вероятно, убит.

Пушка выпустила два снаряда, прежде чем рушился самый остов здания, и каждый снаряд попал в «Веттергорна», пронизав его от носа до кормы. Корабль с'ежился, точно оловянная кружка под ударом тяжелого сапога. Передняя часть опустилась на площадь, а остальной корпус, с громким свистом и треском обрушивающихся подпорок и стоек свалился поперек здания Таммани Холл и прилегающих улиц, по направлению ко второму авеню. Газ, выходясь, смешивался с воздухом, и, кроме того, из воздушных камер самого корабля—воздух проникал в поврежденные распадающиеся газовые камеры, и корабль взорвался со страшным грохотом...

«Фатерланд» в это время находился над развалинами Бруклинского моста. Звук пушечного выстрела и грохот разваливающегося здания заставили Курта и Берта

прильнуть к окошечку в двери каюты. Они увидели огонь; страшное сотрясение воздуха, произведенное взрывом, сперва притиснуло их к окошку, а затем кинуло кувыркком в угол каюты. «Фатерланд» подскочил, точно мяч, подброшенный ногой, и когда они снова взглянули в окошко, то увидели Площадь Союза такой маленькой, далекой, раздавленной, точно на нее спустился какой-нибудь космический великан и прокатился по ней колесом... В восточной части площади—в нескольких местах—пылали здания: их зажгло от горевших лохмотьев и остова воздушного корабля. Крыши и стены зданий странно оседали и рассыпались на глазах.

— Чорт возьми!—воскликнул Берт.—Что случилось? Посмотрите на народ!

Но прежде чем Курт мог сказать что-нибудь, раздался резкий звон колокола, призывающий экипаж на места, и он должен был идти. Берт нерешительно последовал за ним и остановился, раздумывая, в коридоре, смотря назад, на окно. Вдруг он был сбит с ног принцем: принц опрометью бежал из своей каюты к центральному складу снарядов. На мгновение Берт увидел перед собой высокую фигуру принца, побелевшего от ярости и бешено потрясающего своим огромным кулаком:

— Кровь и железо!—кричал он, точно призывая проклятия.—Кровь и железо!

Кто-то свалился на Берта и нечто в самом характере этого происшествия—дало Берту мысль, что это—Винтерфельд. После небольшой паузы, кто-то начал больно и злобно колотить Берта. Спустя несколько минут, Берт сидел в углу коридора, потирая ушибленную щеку и исправляя повязку, которую он все еще носил на голове.

— Чорт побери этого принца!—бормотал он, возмущенный превыше всякой меры.—Он ведет себя, как негодяй!

Собравшись с мыслями, он встал на ноги и медленно пошел к проходу на маленькую галерею. Но вдруг он услышал какой-то шум, внушивший ему мысль, что принц возвращается. Берт тотчас же бросился к своей

каюте, точно кролик к своей норе. Ему удалось укрыться как раз во-время, чтобы не попасться на глаза принцу.

Берт закрыл дверь каюты и подождал, пока в проходе снова стало тихо. Тогда он подошел к окну и заглянул вниз. Там неслись облака и затуманивали картину города, а раскачивание воздушного корабля заставляло эту картину то подниматься, то опускаться. Временами показывались бегущие люди, но вообще вид местности был пустынный. Только, когда «Фатерланд» опускался ниже, улицы как будто расширялись, становились просторнее, крупнее становились пятнышки—люди. Теперь «Фатерланд» пролетал над нижним концом Бродвея. Берт видел, что группы людей внизу не бежали больше, а стояли неподвижно и смотрели вверх. Затем вдруг все опять бросились бежать.

Что-то упало с аэроплана, какой-то небольшой и легкий предмет. Он коснулся мостовой вблизи огромной арки, как раз внизу под ногами Берта. Маленький человечек шел по тротуару, а двое или трое других и одна женщина проходили через дорогу. Это были такие смешные маленькие фигурки, до-нельзя укороченные. Прямо забавно было глядеть, как они усиленно действовали своими локтями и ногами. Такое уменьшенное человечество было лишено всякого достоинства. Маленький человечек так комично подпрыгнул на мостовой,—вероятно, от ужаса,—когда бомба упала возле него.

Затем показалось ослепительное пламя и распространилось во все стороны от взрыва. Подпрыгнувший маленький человечек моментально превратился в факел и скоро исчез совершенно. Люди, бегущие по дороге, как то нелено прыгали, потом падали и лежали спокойно, в то время, как их изодранные одежды медленно тлели. Потом начали рушиться своды зданий, и кирпич падал с грохотом—вроде грохота угля при ссыпке. Слабые крики долетели до ушей Берта. Толпа народа бежала по улице, и какой-то человек, прихрамывая, отчаянно жестикулировал. Он остановился и пошел назад к какому-то зданию. Падающая масса кирпича настигла его и столкнула. Он упал и, смятый, остался лежать на месте. Черный дым и

облака пыли заволокли улицу, но вскоре исчезли, уступив место пламени...

Так началось разрушение Нью-Йорка. Это был первый из больших городов культурного века, испытавший на себе, как страшную силу войны в воздухе, так и ограниченность ее средств. Город был разрушен, как в прежние века бомбардировкой разрушались бесчисленные города варваров: эти города были слишком сильны, чтобы подчиниться, и слишком горды и недисциплинированы, чтобы сдаться в порядке и избежать истребления. Принимая во внимание данные обстоятельства, и от Нью-Йорка ничего другого ожидать было нельзя. Принц не мог отступить и признать себя побежденным, и точно так же невозможно было покорить город иначе, как повергнув его разрушению. Эта катастрофа была логическим следствием приложения науки к войне. Разрушение больших городов было неизбежно. Несмотря на сильнейшее возбуждение, принц все же старался по возможности щадить город. Он хотел только дать памятный урок с наименьшей потерей жизни и с наименьшей тратой взрывчатых веществ. На эту ночь он проектировал только разрушение Бродвея, поэтому он отдал приказание воздушному флоту двинуться колонной вдоль этого пути и бросать бомбы. «Фатерланд» шел впереди. Таким образом, Берт Смоллуэйс оказался вынужденным участником самого хладнокровного избиения, подобного которому еще не было в истории; люди, сеявшие смерть и разрушение, не были нисколько возбуждены и сами не подвергались ни малейшей опасности, разве только от случайной пули на излете.

Берт буквально прилип к окошечку в дверях и сквозь мелкий дождь, гонимый ветром, наблюдал то, что делалось внизу. Корабль раскачивало и кидало во все стороны. В сумеречном свете Берт видел улицы, людей, выбегавших из домов, падающие здания, пожары. Воздушные корабли, подвигаясь вперед, разрушали город с такою же легкостью, с какою ребенок разрушает выстроенные им города из деревянных кирпичиков и карт. Внизу оставались только развалины, пылавшие в огне здания и груды

разбросанных мертвых тел. Мужчины, женщины, дети смешивались вместе, как будто между ними не было ни зулусов, ни мавров, ни китайцев. Нижний город скоро превратился в настоящую геенну огненную, из которой уже никому не было спасения. Все способы сообщения сразу прекратились, и только пламя пожаров освещало среди страшного хаоса путь немногим уцелевшим беглецам. Берт видел лишь мельком то, что творилось внизу, и вдруг в его сознании блеснула мысль, что такие катастрофы не только возможны в этом странном, гигантском и чуждом ему городе, но то же самое может случиться и с Лондоном и даже с Бен Хиллем! Он понял, что пришел конец мирной жизни на маленьком острове среди серебряных волн океана, и что уже больше нигде в этом мире не осталось такого места, где Смоллуэйсы с гордо поднятой головой могли бы спокойно вотировать за войну и смелую иностранную политику, и при этом сами оставаться в стороне от всяких ужасов.

Глава VII.

«Фатерланд» выведен из строя.

I.

И вот, над пылающим Мангаттанским островом произошла битва, первая битва в воздухе. Американцы поняли, во что им обойдется выжидательная политика, и собрали все свои силы, чтобы нанести удар и спасти, если это еще возможно, Нью-Йорк от этого безумного принца, провозгласившего своим лозунгом «кровь и железо» и сеющего огонь и смерть.

На крыльях страшной бури, в сумерках, среди дождя и грома, американский воздушный флот, разделенный на две эскадры, прилетел из воздухоплавательных парков Вашингтона и Филадельфии. И если бы не было немецкого караульного воздушного корабля в Трентоне, то немцы были бы застигнуты врасплох.

Германский воздушный флот, утомленный и пресыщенный своею разрушительною деятельностью, наполо-

вину истратил свои запасы, и боролся с непогодой; в этот-то момент и было получено известие о том, что приближаются американские аэропланы. Нью-Йорк уже был позади, на юго-западе, и представлял темнеющую грудку развалин, освещаемую красноватым отблеском пожаров. Воздушные корабли, трясаясь и раскачиваясь, с трудом двигались вперед; дождь и град обрушивались на них целыми потоками и вынуждали их опускаться. Воздух стал колюче-холоден. Принц хотел уже отдать приказ кораблям спуститься еще ниже к земле и установить громотводы, когда получено было известие об атаке аэропланов. Принц тотчас отменил первоначальное распоряжение, велел снарядить летающих драконов и быть наготове спустить их. Приказав кораблям выстроиться в боевом порядке, он велел немедленно подняться в более высокие, чистые слои атмосферы.

Берт, однако, не сразу сообразил, что должно произойти. Он отправился, вместе с другими, в столовую для получения вечерней порции. Надев пальто и перчатки Беттериджа, Берт накинул еще на себя и его одеяло; закутанный, он стоял с широко раздвинутыми ногами, чтобы не потерять равновесия во время сильных раскачиваний и толчков корабля, преспокойно макал сухари в суп и отправлял их в рот большими кусками. Вся команда корабля имела утомленный вид и угрюмо молчала. Некоторые чувствовали приступы горной болезни, и все, видимо, испытывали еще одно неприятное ощущение: все сознавали себя какими-то отверженными после совершенных ими убийств. Они видели внизу землю и оскорбленное человечество, гнев которого разрастался все сильнее...

Наконец, и они узнали, что случилось. Какой-то краснолицый, коренастый человек, с бесцветными глазами и шрамом на лице, показался в дверях и крикнул что-то по-немецки. Его слова, видимо, поразили всю команду. Берт также испугался тона, которым были произнесены эти слова, хотя и не понял их. На мгновение воцарилось молчание, затем все с жаром принялись обсуждать страшную новость. Даже страдальцы горною болезнью люди встрепнулись. В течение нескольких минут столовая

представляла из себя настоящий Бэдлам, затем вдруг раздался резкий звон колокола, призывавший команду на места.

Берт внезапно остался один.—«Что такое?»—прошептал он, хотя частью уже начинал догадываться.

Быстро проглотив свой суп, он пробежал по раскачивающемуся коридору и, крепко держась за перила, спустился на маленькую галлерею. Его охватило пронизывающей сыростью, словно струей холодной воды из планга. Воздушный корабль, повидимому, был вовлечен в новую атмосферическую борьбу. Берт одною рукой сильнее натянул на себя одеяло, а другою держался за перила. Его окружал сырой, туманный полусвет, в котором ничего нельзя было разглядеть. Только над головой виднелись огни воздушного корабля и быстро снующие люди, направлявшиеся к своим постам. Потом вдруг все огни были погашены, и «Фатерланд», вздрагивая и раскачиваясь, точно в судорогах, прокладывал себе дорогу в воздухе.

Когда «Фатерланд» начал подниматься, Берт заметил мельком какие-то огромные горящие здания внизу и дрожащий сноп пламени. Потом, сквозь туман, Берт увидел другой воздушный корабль, нырявший в воздухе, точно дельфин. Облако поглотило корабль, и на время он исчез, но потом снова появился среди потоков дождя, точно темное китообразное чудовище. Воздух был наполнен какими-то странными звуками. Свист, хлопанье, завывание ветра совершенно оглушали Берта, но он изо всех сил напрягал внимание, стараясь не потерять равновесия, и стоял, крепко ухватившись за перила.

— Ой!

Что-то пронеслось мимо него в темноте, падая сверху, и быстро исчезло во мраке, внизу. Это был германский летающий дракон. Он летел так стремительно, что темная фигура аэронавта, ухватившегося за колесо руля, промелькнула лишь на мгновение, и ватем уже ничего не было видно. Может быть, это был маневр, но скорее это было похоже на катастрофу...

— Чорт возьми!—прошептал Берт

«Пап-пап-пап»—заговорила пушка где-то впереди, в темноте. «Фатерланд» накренился так сильно, что Берт и часовые крепко уцепились за поручни, чтобы не слететь вниз.

«Бум!»—оглушительный выстрел, сопровождаемый страшным толчком. Клубившиеся наверху облака окрасились красным заревом, отражая какое-то невидимое пламя и освещая бездонную пропасть внизу. Перила, за которые держался Берт, приняли отвесное положение, и Берт повис в воздухе.

На мгновение все силы его были направлены лишь на то, чтобы не выпустить из рук перил.—«Пойду-ка я лучше в каюту»,—сказал он сам себе; корабль снова пришел в равновесие, и Берт почувствовал у себя под ногами пол галереи. Он медленно и осторожно пробирался к лестнице и невольно вскрикнул, когда галерея, точно подымавшаяся на дыбы лошадь, подпрыгнула вверх и затем так же быстро опустилась.

Выстрелы раздавались один за другим, и вдруг блеснула ярким ослепительно-белым светом молния, и раздался страшный грохот, как будто рушился мир. Но перед этим ужасным взрывом на мгновение была такая тишина, точно вся вселенная прислушивалась к чему-то.

Тут-то Берт и увидел американский аэроплан. Освещенный блеском молнии, аэроплан казался неподвижным. Даже команда на нем представлялась в виде каких-то неподвижных кукол. Аэроплан был так близко, что Берт мог совершенно ясно различить каждого человека. Корма аэроплана была обращена книзу, а машина вверх. Он был сделан по типу Кольт-Кобурн-Ланглеевских аэропланов, с двойными крыльями. Команда помещалась впереди, в чем-то вроде лодочки. С каждой стороны очень легкого и длинного корпуса аэроплана выглядывали магазинные пушки. Одна вещь особенно поразила Берта в этот момент: верхнее крыло аэроплана, устремленное книзу, было объято красным дымящимся пламенем. Но еще удивительнее было, что этот аэроплан и германский воздушный корабль, находившийся внизу, на расстоянии 500 ярдов от него, были точно связаны молнией, как будто молния свернула с пути, чтобы захватить их, и из ка-

ждого угла, из каждой выдающейся точки огромных крыльев аэроплана—расли колючие ветви молний.

Берту все это привиделось, как картина, слегка затуманенная легкой завесой тумана. Тотчас же вслед за молнией раздался удар грома; Берт был ослеплен и оглушен, в одно и то же время.

Затем наступила глубокая, непроницаемая тьма. Слышно было только тяжкое эхо и слабые крики людей, навеки исчезающих в бездонной пропасти—там, внизу.

2.

Воздушный корабль начал раскачиваться еще сильнее, и Берт снова попытался пробраться в свою каюту. Он прозяб и промок до костей и также чувствовал приступы горной болезни. Ему казалось, что у него уже совсем не было сил ни в руках, ни в ногах. Ноги не могли идти, а только скользили по металлическому полу галлерей: металл покрылся тонким слоем льда.

Берт решительно не мог отдать себе отчета, сколько времени он взбирался на лестницу, чтобы снова попасть во внутренность корабля. Но когда позднее он вспоминал об этом, то ему всегда казалось, что он шел тогда несколько часов. Вверху, внизу, кругом зияли бездны—страшные бездны ревущего ветра, темных смерчей, снежных вихрей, а Берт был защищен от всего этого только маленькой металлической решеткой и перилами, которые бешено раскачивались и точно стремились сбросить его в бушующий хаос внизу.

Ему показалось, что пуля пролетела мимо его уха; снежные хлопья и облака осветила молния. Но он даже не обернул головы, чтобы посмотреть, что это такое. Ему хотелось только поскорее попасть в коридор. Удастся ли ему удержаться за перила лестницы, или рука ослабеет и соскользнет? Град с такою силою хлестнул ему в лицо, что на мгновение у него захватило дыхание, и он почти лишился чувств.—«Держись крепче, Берт!»—сказал он себе и с новыми силами уцепился за перила.

Наконец, он добрался до прохода. Тут было тепло, он вздохнул с облегчением. Но и коридор не оставался

на одном месте, а его кидало из стороны в сторону, точно игральные кости, как будто и он задался целью вышвырнуть Берта обратно. Но Берт, судорожно цепляясь, держался, пока коридор не пришел в нормальное положение. Тогда он одним прыжком очутился возле каюты и успел вскочить в нее, прежде чем передний конец коридора снова поднялся.

Слава Богу! Он в каюте!

Он схватился за дверь и в течение нескольких минут был не человеком, а только вместилищем горной болезни. Он хотел бы забраться в такое место, где бы ему не нужно было держаться. Открыв ящик, где лежали разные вещи, Берт залез туда и несколько времени лежал, беспомощно раскинувшись, а голова его колотилась о стенки ящика. Вдруг крышка захлопнулась с треском. Но Берту было уже все равно, что бы ни случилось. Ему было все равно, кто кого побьет, какие там пули или взрывы; будет ли он просто убит или разорван на куски! Бессильная, невыразимая словами ярость и отчаяние овладели им, и он мог выговорить только одно слово:—«Что за сумасшествие!» И это был единственный, всеисчерпывающий приговор, который он произнес над человеческими предприятиями, над войной с теми приключениями, в которые он нечаянно впутался.—«Ох! Что за сумасшествие!»—повторял он и в этот приговор включал весь порядок вселенной. Хотелось умереть...

Берт не видел звездного неба, расстилавшегося кругом: «Фатерланд» опять поднялся в верхние чистые слои атмосферы. Берт не видел битвы, происходившей между «Фатерландом» и двумя аэропланами, обстреливавшими воздушный корабль; не знал, что «Фатерланд» отбил от них посредством разрывных снарядов и бежал; не знал подробностей этой героической битвы, полной самопожертвования с обеих сторон. «Фатерланд» был поврежден и находился на краю гибели; он быстро падал и увлекал за собой запутавшийся американский аэроплан с разбитым пропеллером, причем американцы с аэроплана старались перескочить на «Фатерланд». Все это прошло мимо Берта, и он ощущал только страшное сотрясение и толчки.—«Сумасшествие!»... Когда американский

аэроплан полетел, наконец, вниз, а большинство его людей были перебиты или сорвались в бездну, то Берт, в своем ящике, заметил только одно: «Фатерланд» сделал ужасный прыжок вверх.

Затем наступило облегчение, невероятное и благодатное спокойствие. Толчки, раскачивание, удары мгновенно прекратились. «Фатерланд» уже более не боролся с ветром. Его испорченные, разрушенные машины не производили больше никакого шума. Корабль был поврежден и, гонимый ветром, двигался теперь спокойно, как воздушный шар, представляя из себя огромный обломок после воздушного крушения. Для Берта же это означало лишь конец неприятных ощущений. Он несколько не интересовался знать, что произошло с воздушным кораблем, и как окончилась битва. Долго он лежал так, ожидая, что снова начнутся толчки и раскачивания и вернутся все его мучения. Но спокойствие не нарушалось, и он, свернувшись в ящике, наконец, уснул.

3.

Проснулся Берт, спокойный, но весь избитый. Было очень холодно. Берт никак не мог вспомнить, где он. Голова у него болела, и дышать было трудно. Он видел во сне Эдну, «дerviшей пустыни», опасную поездку на велосипеде среди ракет и бенгальских огней, вызывавших сильнейшее неудовольствие какого-то господина, соединявшего в своем лице принца и Беттериджа. Затем по неизвестной причине он и Эдна жалобно звали друг друга. Проснулся Берт с мокрыми от слез глазами. Он никогда больше не увидит Эдну, никогда!

В первый момент ему показалось, что он находится в своей спальне, за велосипедной лавкой в Бен Хилле, и что вся эта картина—разрушения бомбами великопленного, необыкновенно красивого и огромного города—не более как сновидение, необыкновенно яркое и живое.

— Грабб!—крикнул Берт, желая поскорее все рассказать своему товарищу.

Ответом было молчание. Голос Берта глухо прозвучал в ящике, и духота, затруднявшая его дыхание, дала

тотчас же другое направление его мыслям. Он поднял руки и ноги и тотчас же нащупал доски. Значит, он в гробу! Его похоронили живым! Ужас и отчаяние охватили его.

— Помогите!—завопил он.—Помогите!—Он начал стучать ногами и бился руками, крича:—Выпустите меня! Выпустите меня!

Несколько минут он барахтался, охваченный безумным страхом; затем одна из стен его воображаемого гроба поддалась. Он выкатился наружу, прямо под ноги Курта, который надавал ему здоровых тумаков.

Берт сел. Повязка с его головы свалилась и закрыла ему один глаз. Берт совсем сорвал повязку и бросил. Курт сидел немного поодаль, более красный, чем когда-либо, и закутанный в одеяло. На коленях у него был водолазный шлем. Он строго смотрел на Берта и тер свой небритый подбородок. Оба сидели на накренившемся полу, обитом малиновыми матрацами. Над ними виднелось отверстие, похожее на удлиненный вход в погреб, но присмотревшись, Берт убедился, что это была перевернутая боком дверь в каюту. В самом деле,—вся каюта лежала на боку.

— Что это вам вздумалось, чорт вас побери, выкатываться из этого ящика, Смоллуэйс?—сказал Курт.—Я был уверен, что вы полетели за борт, вместе с остальными. Где же вы были?

— Что же произошло?—спросил Берт.

— Этот конец воздушного корабля поднялся. Многие полетело вниз.

— Было сражение?

— Да.

— Кто же ододел?

— Я еще не читал газет, Смоллуэйс,—сказал Курт.—Мы покинули поле битвы раньше конца. Мы были выведены из строя и повреждены, а наши сослуживцы,—я хочу сказать: сотоварищи,—были слишком заняты сами, чтобы обращать внимание на нас. И теперь ветер несет нас—небу известно, куда! Он вынес нас из сражения со скоростью восьмидесяти миль в час. Бог мой, что это была за буря, что это было за сражение!.. И вот, мы здесь!

— Где?

— В воздухе, Смоллуэйс, в воздухе! Когда мы снова опустимся на землю, то уже не будем знать, что нам делать с нашими ногами...

— А что там внизу?

— Канада, как мне кажется. Она выглядит очень угрюмой, пустынной и негостеприимной страной.

— Но отчего мы как-то перевернуты?

Курт не ответил.

Последнее, что я помню,—сказал Берт,—это была летающая машина, ослепленная молнией. Чорт возьми, это было прямо ужасно! Пушки стреляли, бомбы разрывались... Дождь и град. Качка и удары. Я был отчаянно измучен и вдобавок болен... Вы не знаете, чем кончилось сражение?

— Нет. Я был наверху, со своим отрядом. В этом водолазном костюме—я был внутри газовой камеры. Я должен был чинить ее, накладывая заплаты. Нам не было видно, что делается снаружи: мы видели только молнию. Я не видел ни одного из этих американских аэропланов. Я видел только: пули пронизывали воздушные камеры и немедленно посылал людей класть заплаты на проделанные пулями дыры в оболочке. В некоторых местах начался пожар, но небольшой, как вы знаете. Сырость была слишком велика,—огонь не мог разгореться быстро. Но вот одна из их адских машин обрушилась сверху на нас и точно вцепилась в наш корабль. Вы почувствовали этот удар?

— Я все чувствовал,—сказал Берт,—но особенного удара не заметил.

— Должно быть туго пришлось, если прибегали к такому средству. Они налетели на нас и ударили как ножом. Они распорол заднюю газовую камеру, точно брюхо селедки, и все наши машины и команду—вдребезги. Большая часть наших машин выпала из корабля, а то бы всем нам быть внизу. Остальное все испорчено. Корабль наш повернулся носом вверх, и в таком виде мы остаемся. Одиннадцать человек из команды свалились. Бедный старик Винтерфельд полетел через двери каюты принца в отделение для карт и сломал себе ногу. Наша

электрическая батарея также исчезла, неизвестно каким образом. Вот каково наше положение, Смоллуэйс. Мы несемся в воздухе, как обыкновенный воздушный шар, в полной зависимости от стихий, и мчимся теперь на север, вероятно, к северному полюсу. Мы не знаем, какие аэропланы были у американцев, и вообще ничего об этом не знаем. Очень вероятно, что мы с ними покончили. Один из них столкнулся с нами, другой был сражен молнией, а некоторые из наших людей видели третий аэроплан, перевернутый вверх дном. Во всяком случае, они не дешево отделались. Но мы потеряли наших летающих драконов. Они исчезли ночью. В них не было устойчивости. Вот и все! Мы не знаем, победили ли мы или потерпели поражение. Мы не знаем, началась ли у нас война с Британской империей или нет, и поэтому мы не можем опуститься на землю. Мы не знаем, куда мы несемся, и что мы должны делать. Один только наш Наполеон остается неизменным, и я полагаю, что он сидит теперь в своей каюте и переделывает свои планы. Был ли Нью-Йорк для нас Москвой—это покажет будущее. Но мы вернулись к старинным временам и перебили бесконечное множество людей. Война! Благородная война! Нет уж: после нынешнего утра—довольно с меня! Я бы хотел сидеть теперь в комнате, как подобает человеку, а не цепляться за какие-нибудь скользкие обломки воздушного корабля. И цивилизованный человек. Я помню и старого Альбрехта и «Барбароссу». — Но я чувствую, что мне необходимо помыться, необходимы спокойные речи, уютный дом... Особенно, когда я смотрю на вас, то вижу, до какой степени я нуждаюсь в умывании. Боже мой!—Он отчаянно зевнул.—Если бы вы только знали, какой у вас ужасный вид!

— А можем мы что-нибудь поесть?—спросил Берт.

— Одному Богу известно!—отвечал Курт; затем, подумав немного, прибавил:—Насколько я могу судить, Смоллуэйс, принц, наверное, захочет выбросить вас за борт, как только вспомнит о вас. И наверное, он это сделает, если увидит вас. Ведь вы знаете, он взял вас только как балласт... Я думаю, что нам скоро придется облегчить корабль. Если только я не ошибаюсь, принц начнет теперь

действовать с ужасающей энергией... Не знаю почему, но я чувствую к вам симпатию. Это говорит во мне английская наследственность. Вы такой смешной маленький человечек. Мне не хочется видеть, как вы полетите кувыром вниз... Надо бы вам постараться быть полезным, Смоллуэйс. Пожалуй, я возьму вас в свой отряд. Вам придется поработать и быть дьявольски ловким, вы знаете? Придется также повисеть вверх ногами. Но это у вас единственный шанс на спасение. Таскать с собой пассажиров я думаю мы не будем, а балласт будет выбрасываться за борт, если только мы не хотим спуститься и попасть в плен. Во всяком случае, принц этого не захочет. Он будет держаться до конца...

4.

При помощи складного стула, который оказался на своем месте за дверью, Берт и Курт взобрались к окну и по очереди заглянули в него. Они увидали внизу лесистую страну, где не заметно было ни железных, ни шоссе-санных дорог и лишь изредка виднелись признаки человеческого жилья. Вдруг зазвонил колокол, и Курт объяснил, что это зовут к обеду. Они пролезли в дверь и с трудом вскарабкались по стоящему теперь почти отвесно коридору, цепляясь руками и ногами за вентиляционные отверстия в полу.

В кухне приспособления, разогревающие пищу без огня, оказались в целости, и поэтому прислуга могла приготовить горячий какао для офицеров и суп для команды. Странность обстановки так занимала Берта, что он почти не чувствовал страха. Он был скорее заинтересован, чем испуган. Накануне он испытал чувство покинутости и дошел до предела человеческого отчаяния. Теперь он уже свыкся с мыслью, что ему суждено погибнуть и что это странное путешествие по воздуху, по всей вероятности, его последнее в жизни. Человек не может долго находиться под влиянием чувства страха; в конце концов он должен совладать с ним, примириться с его существованием и приспособиться к нему. Берт успокоился. Присев на корточки над своим супом и макая в него хлеб, он

наблюдал своих товарищей. Лица у всех были бледные, грязные и небритые. С утомленным видом они разместились, где попало, как люди, потерпевшие крушение. Говорили мало. Повидимому, их сильно тревожило положение дел. Трое получили ушибы от ударов, которым подвергся корабль во время сражения, а один был ранен пулей и сидел забинтованный. Трудно было представить себе, чтобы эта маленькая кучка людей могла совершить столько убийств и такие беспримерные опустошения. Из этих людей, сидевших на корточках над мискою супа, никто не походил на злодея, никто из них, пожалуй, не способен был даже ударить собаку. Все они казались созданными для жизни в уютных домиках, на твердой земле, среди тщательно возделанных полей, для беспечного и веселого времяпрепровождения в своем семейном кругу, возле своих белокурых жен... Краснолицый, полный человек, первым принесший известие о нападении американских аэропланов, теперь с чисто материнской заботливостью поправлял повязку одному из самых молодых матросов, у которого была вывихнута рука.

Берт доедал свой суп, собирая все крошки и стараясь продлить удовольствие, как вдруг заметил, что глаза команды устремлены на дверное отверстие, повернутое кверху: в отверстии болтались чьи-то ноги. Вслед за ногами показалось туловище Курта, который соскочил вниз, держась за дверцу. Каким-то образом он ухитрился побриться и даже пригладил свои золотистые волосы. Он имел вид совершенного херувима.

— Принц! — прошептал он.

В отверстии показалась другая пара сапог. Отыскивая точку опоры, сапоги делали размашистые, величественные движения. Курт помог им упереться в дверцу и тогда показалась массивная фигура принца. Он был выбрит, вычищен и даже нафабрен. Соскользнув вниз, он сел на дверь. Вся команда и Берт встали и поклонились ему.

Принц, оглядел их так, как будто он делал им смотр, сидя на лошади. Голова капитана корабля показалась сзади. И вот, для Берта наступила ужасная минута. Глубокие глаза принца обратились в его сторону. Принц

указал на него пальцем и задал какой-то вопрос. Тотчас же вмешался Курт и что-то начал объяснять.

— Та-ак!—сказал принц, и Берт был отпущен.

Тогда принц обратился к команде корабля с краткою героическою речью. Одною рукою он держался за дверную раму, а другою делал величественные жесты. Берт не понял, что говорил принц, но видел, как изменилось выражение лиц под влиянием его речи. Некоторые слова принца сопровождались криками одобрения. Под конец принц затянул гимн: «Бог—моя крепость!», и вся команда подхватила его с величайшим воодушевлением. Как ни казалось это неуместным в такой обстановке, на полуопрокинувшемся и падающем воздушном корабле, выведенном из строя после битвы, после произведенного им беспримерного в истории разгрома великолепного города,—тем не менее пение этого гимна произвело на всех потрясающее впечатление. Берт был глубоко растроган. Он, конечно, не знал слов Лютеровского хора, но все же старался подпевать, широко раскрывая рот, и порою ему удавалось издавать даже довольно гармонические звуки...

В это время, далеко внизу, небольшая группа метисов, раскинувших свой лагерь в лесистой стране, услышала звуки, которые неслись откуда-то сверху. Метисы собирались завтракать, но тотчас же повскакали со своих мест, пораженные, готовые видеть в этом признаки Второго Пришествия. Они смотрели вверх на крутящийся в воздухе, уносимый ветром, обломок «Фатерланда», изумленные до последней степени. Как будто это и походило на Второе Пришествие, а как будто—и нет. Недоумевающие и испуганные, они не спускали глаз с корабля. Вдруг пение прекратилось, и после довольно долгого промежутка времени, они услышали голос, как будто с неба,—голос спрашивал их на ломанном английском языке:

— Как называет себя это место?

Но они не отвечали, потому что не поняли вопроса, хотя он был повторен несколько раз.

Наконец, воздушное чудовище скрылось из виду, пронесшись далее, к северу, над густым сосновым бором

Внизу горячо и долго спорили об этом странном явлении...

Когда кончилось пение, ноги принца опять исчезли в дверном отверстии наверху. Команда, вся, до единого человека, была уже готова к новым героическим усилиям и великим подвигам.

— Смоллуэйс, сюда!—крикнул Курт.

5.

Теперь Берт, под руководством Курта, впервые познакомился с деятельностью матроса воздушного корабля.

Задача капитана этого корабля была очень простая: капитан должен был заботиться только о том, чтобы корабль держался на воздухе. Буря хотя утихла, но ветер был все еще очень силен. Это делало крайне опасным спуск на землю такой неуклюжей массы, как этот полуразрушенный воздушный корабль, если бы даже принц и решился высадиться в населенной стране с риском попасться в плен. Необходимо было, следовательно, продержаться в воздухе, пока ветер не утихнет совсем, и тогда попробовать спуститься в каком-нибудь пустынном уголке этой территории, чтобы там сделать починку повреждений и подождать, не явится ли на помощь какой-нибудь из других кораблей: ведь наверное они теперь уже разыскивают «Фатерланд». Но для спуска, прежде всего, нужно было освободить корабль от лишней тяжести. Курту было поручено отправиться вместе со своим отрядом к разорванным и смятым воздушным камерам и постепенно, частями, отделять лоскутья материи, по мере того, как воздушный корабль будет опускаться. И вот, Берт, вооружившись острым ножом, вскарабкался по сети на высоте четырех тысяч футов над землей и кромсал бесполезные тряпки, стараясь понять, что приказывал Курт на английском языке, и догадаться, когда он отдавал приказания по-немецки.

Это была головокружительная работа, но не настолько, как это может вообразить себе читатель, сидящий в теплой комнате. Берт даже ухитрялся смотреть вниз, на дикую

северную страну, расстилавшуюся перед его глазами: никаких признаков жилья, угрюмые скалы, водопады, широкие извилистые и пустынные реки. Растительность, насколько можно было рассмотреть при дневном свете, казалась жалкой и скудной. Там и сям на холмах виднелся снег. А Берт, цепляясь одной рукой за сеть, висел в воздухе над этой страной, отрезывая другой рукой доскуты скользкого, промасленного шелка. Ему с товарищами надо было отделить и спустить вниз перепутавшиеся и согнутые стальные прутья, а также большой кусок остова корабля; это была трудная работа. Освобожденный от этой тяжести, воздушный корабль сделал головокружительный скачок вверх, как только все отделенные части полетели вниз. Часть остова закружилась в воздухе и, падая, стукнулась о край ущелья, странно подпрыгивая и извиваясь. Берт, точно замерзшая обезьяна, вцепился руками в канаты и не мог пошевелить ни одним мускулом в течение пяти минут.

Теперь Берт находил даже некоторое удовольствие в этой опасной работе, и кроме того, ему приятно было сознание товарищества. Он уже не был больше отщепенцем среди других, чужестранцем, возбуждающим к себе недоверие. У него теперь была общая работа с другими, и в дружеском соревновании он старался управиться с своей работой скорее других. И кроме того, теперь он определенно понял, что Курт ему нравится, что Курта—он уважает. Курт восхищал его, как руководитель работ, своею находчивостью, рассудительностью и мягкостью в обращении с подчиненными. Он всегда готов был прийти на помощь и поспевал всюду. На работе он преображался. Легкомыслие исчезало, и стоило кому-нибудь очутиться в затруднении, как он сейчас же являлся с разумным советом и смелой поддержкой. Он был для своей команды, как старший брат.

Когда были окончательно отделены и сброшены вниз три больших обломка, Берт с радостью снова залез в кабину, уступив место второй смене. Он и его товарищи получили горячий кофе, так как, несмотря на свою одежду, они все-таки сильно прозябли; сидя в кабине и распивая горячий кофе, они весело смотрели друг на друга. Один

из товарищей Берта ласково заговорил с ним по-немецки, и Берт, улыбаясь, отвечал ему. У Берта совсем охотчелась нога, и Курт распорядился, чтобы ему были отданы теплые сапоги одного из раненых матросов.

После полудня ветер утих, и в воздухе появились редкие снеговые хлопья. Внизу виднелись большие пространства, занесенные снегом, а в глубоких долинах торчали группы сосен и елей. Курт с тремя людьми из своей команды спустился в неповрежденные газовые камеры, чтобы выпустить оттуда часть газа и приготовиться к спуску. Остаток бомб и взрывчатых веществ был так же сброшен вниз и падая, произвел взрыв, грохот которого далеко разнесся в пустынной местности. Наконец, в четыре часа пополудни, «Фатерланд» спустился на широкое, скалистое плоскогорье, недалеко от покрытых снегом вершин.

Спуск происходил при особенно трудных условиях: «Фатерланд» не был устроен для того, чтобы проделывать эволюции воздушного шара. Капитан не мог вполне рассчитать силу падения, и воздушный корабль тяжело и неуклюже ударился о землю; при этом передняя часть висячей галереи была разрушена, и смертельно ранен фон-Винтерфельд. Корабль протащился еще несколько мгновений и, наконец, свалился бесформенной массой. Передний щит с механической пушкой оторвался и покатился вниз. Два матроса были тяжело ранены: у одного сломана нога, а другой получил внутренние повреждения. Проволоки и стальные прутья разлетелись во все стороны. Берт тоже получил удар в бок. Когда, наконец, он очнулся от удара и мог оглядеться, то увидал, что огромный черный орел, который при отправлении из Франконии шесть дней тому назад имел такой величественный вид—теперь лежал сплюснутый над каютами воздушного корабля и замерзшими скалами этой пустынной страны, точно злополучная птица, которую кто-то поймал, свернул ей шею и бросил в сторону. Кучка людей молча стояла вокруг обломков воздушного корабля, среди бесплодной пустыни. Другая часть команды работала около импровизированной палатки, устроенной из опу-

стевших газовых камер, а принц, отойдя немного в сторону, разглядывал в бинокль отдаленные вершины, похожие на древние морские скалы. Кое-где виднелись группы деревьев и в двух местах были огромные водопады. Кругом были разбросаны валуны, и среди них малорослая альпийская растительность, густой кустарник и цветы без стеблей. Реки нигде не было видно, но вблизи шумел поток. Дул холодный ледяной ветер, приносящий порою снежные хлопья. После легкого колышущегося воздушного корабля, земля в этой угрюмой стране не показалась Берту особенно тяжелой и мертвой.

6.

Волею судеб, великий и могущественный принц Карл-Альберт был на время лишен возможности принимать участие в чудовищном конфликте, который был вызван, главным образом, им же самим. Погода и случайности битвы как будто соединились вместе, чтобы загнать его в пустынную часть Лабрадора, где он бродил в бездействии целых шесть дней, а в это время разыгрывались страшные мировые события. Нация восстала на нацию, один воздушный флот устремлялся навстречу другому, города разрушались, и люди гибли огромными массами. Но в Лабрадоре была тишина, нарушаемая только стуком молотков. Тут господствовал мир.

В маленьком лагере шла работа. Издали каюты, прикрытые остатками шелковой материи шара, казались необыкновенного размера палатками цыганского табора. Все, кто только мог работать, заняты были работой над сооружением мачты, на которой электротехники «Фатерланда» должны были укрепить аппарат беспроволочного телеграфа, чтобы принц мог установить сношения с внешним миром. Мачту строили из остатков стального остова корабля. Однако, водружение этой мачты было сопряжено с величайшими затруднениями. С самого начала люди терпели тяжелые лишения. Припасов было недостаточно, и они должны были довольствоваться уменьшенной порцией. Кроме того, несмотря на толстую одежду, они все-таки сильно страдали от резкого холодного ветра и усло-

вий жизни в этой негостеприимной стране. Первую ночь провели без огня, в глубоком мраке. Машины воздушного корабля были все изломаны и упали где-то далеко, к югу. У команды не было ни одной спички. Ведь брать с собой спички запрещалось под страхом смерти. Все взрывчатые вещества и снаряды были выброшены раньше, и только к утру, один офицер, тот самый, в каюту которого был вначале помещен Берт, сознался, что у него есть пара дуэльных пистолетов и патроны, при помощи которых можно добыть огонь. А позднее нашлись еще ящики механической пушки с неиспользованными боевыми припасами.

Первая ночь была ужасна и казалась бесконечной. Почти никто не спал. В лагере было семь раненых, и среди них фон-Винтерфельд, у которого была разбита голова. Старик метался в бреду, бился в руках своего слугителя, который удерживал его, и выкрикивал что-то странное по поводу разрушения Нью-Йорка. Команда собралась в палатке, служившей столовой; все закутались во что попало, и пили согретое без помощи огня какао, прислушиваясь к крикам Винтерфельда. Утром принц обратился к ним с речью, в которой говорил о неисповедимом роке, о Боге их отцов, о том, какое счастье и какал слава—отдать свою жизнь за династию, и вообще о разных таких вещах, о которых легко можно было бы позабиться в этой суровой пустыне. Команда отвечала ему обычными в таких случаях восклицаниями, а издали доносилась вой волков.

После того команда принялась за работу, и в течение недели установили, наконец, стальную мачту для беспроволочного телеграфа и укрепили антенну из медной проволоки; площадь антенны была двести футов на двенадцать. Все это время люди провели за неустанной тяжелой и напряженной работой, терпя всевозможные лишения и неудобства. Дикая суровая природа окружала их, и единственным их развлечением было любоваться на великолепный закат и восход солнца и на величественные водопады. Люди, отправившиеся в лес за дровами, встретили там волков, и поэтому вокруг лагеря было устроено кольцо непрерывных огней. Раненые были перенесены со своими

койками из кают воздушного корабля поближе к огню, и над ними устроены были навесы. Трое раненых умерли вследствие недостатка питания, но их товарищи начинали поправляться. Все это, однако, уже не являлось главным событием в глазах Берта, внимание которого было поглощено непрерывной работой по установке беспроводного телеграфа. Принц находился тут же и постоянно подгонял работающих и угрожал, когда кто-нибудь начинал отставать. Он указывал им на небо к югу, говоря по-немецки: «Мир ожидает нас! Должно завершиться то, что подготавливалось пятьюдесятью веками!» Берт не понимал его слов, но догадывался о смысле их по его жестам. Нескольким раз принц выходил из себя; один раз по поводу того, что один из матросов слишком медленно работал, а другой раз, потому что матрос украл паек у своего товарища. Лентяя — принц выругал и поставил на еще более трудную работу, а укравшего ударил по лицу и вообще обошелся с ним довольно жестоко. Сам принц не работал. Около костров было расчищено пространство, и там принц часами разгуливал взад и вперед, скрестив руки и бормоча себе под нос что-то о терпении и своей судьбе. Временами, однако, его бормотание переходило в потоки красноречия, сопровождавшиеся возгласами и жестами, которые привлекали внимание работающих. Они взглядывали на него, думая, что эти жесты относятся к ним, но замечали, что его голубые глаза устремлены в одну точку, и жест всегда обращен к горам, видневшимся на юге.

В воскресенье работа была на полчаса прекращена, и принц произнес проповедь о вере и милости Господней к Давиду, а после проповеди все хором спели гимн: «Бог—моя крепость!»

Умирающий Винтерфельд лежал под импровизированным навесом и бредил величием Германии. «Кровь и железо!»—вскрикивал он и, точно насмехаясь, прибавлял: «Мировая политика! Ха! ха!..»—Затем, говоря тихо и лукаво, он начинал объяснять разные сложные вопросы политики воображаемым слушателям. Другие раненые лежали молча и слушали его. Берт отвлекся от работы на

мгновение, прислушиваясь к его бреду, но Курт тотчас же крикнул:

— Смоллуэйс, берите этот конец скорее! Так!

Медленно и с большим трудом была, наконец, изготовлена высокая мачта и постепенно водружена на место. Электротехники устроили запруду и в находившемся неподалеку ручье—устроили турбину: маленькая мюльгаузенская динамо-машина, употребляемая телеграфистами, вполне могла быть приспособлена к водяной силе. На шестой день вечером аппарат уже был готов для работы, и принц мог, через пустынные пространства мира, обратиться к своему воздушному флоту. Но его призыв, правда, очень слабый, вначале не был замечен.

Этот первый вечер, когда начал действовать беспроводный телеграф, надолго запечатлелся в памяти Берта. Красное пламя раздувалось и шумело около работавших электротехников, и блеск его, отражаясь на вертикальной стальной мачте и медных проволоках, распространялся к зениту. Принц сидел тут же на скале, облокотившись на руку, и ждал. По ту сторону, к северу, виднелась небольшая гряда камней с крестом посередине. Это была могила Винтерфельда. А на некотором расстоянии, около нагроможденных скал, показались грозящие глаза волка. По другую сторону лежали обломки воздушного корабля, и люди сидели вокруг костра. Все соблюдали тишину, все ждали известий, которые, может быть, будут получены. Быть может, где-нибудь, за многие сотни миль от этой пустыни, другие такие же мачты беспроводного телеграфа завибрируют в ответ? Но, может быть, этого и не случится, и электрические волны потеряются среди равнодушного мира!.. Разговаривая между собой, люди как-то невольно понижали голос. Два раза донесся издали пронзительный крик птицы и вой волка. А кругом простиралась громадная холодная пустыня..

7.

Берт узнал новости позже всех: товарищи рассказали ему кое-что на ломаном английском языке. Только поздно ночью утомленный телеграфист получил, наконец, ответ

на свой призыв, но затем уже стали получаться ясные и определенные ответы. И какие потрясающие известия заключались в них!

— Послушайте!—сказал Берт за завтраком, среди общего шума.—Расскажите, в чем дело.

— Весь мир—воевать!—сообщил один из команды—специалист по языкам и при этом сделал объяснительный жест, держа в руке чашку какао.

Берт устремил свой взор на южный горизонт, но ничего не было видно.

— Весь мир—воевать!—продолжал объяснять ему товарищ.—Они наполовину сгорели—Берлин, Лондон, Гамбург и Париж. Япон сжег Сан-Франциско. Мы устроили лагерь у Ниагары. Вот что они сказали нам. У Китая есть летающие драконы и воздушные корабли без счета. Весь мир воевать!

— Господи!—воскликнул Берт.

— Да,—отвечал матрос и принялся пить какао.

— Вы говорите: сожгли Лондон? Также, как мы это сделали с Нью-Йорком, да?

— Был бомбардировка.

— А они ничего не говорили про местечко, которое называется Клэфем или Бен Хилл?

— Я ничего не слышал.

Это все, чего Берт мог от него добиться. Но волнение, схватившее всех, сообщилось и Берту. Увидев, что Курт стоит один, заложив руки за спину, и пристально смотрит вдаль, Берт подошел к нему и, отдав ему по-солдатски честь, сказал:

— Прошу прощения, господин лейтенант!

Курт обернулся. Выражение лица у него было какое-то особенно серьезное.

— Я как раз думал о том, чтобы поближе посмотреть на этот водопад,—сказал он.—Он напоминает мне... Что вам нужно, Смоллуэйс?

— Я не могу ни прочесть, ни понять, что они говорят, сэр. Если бы вы сообщили мне новости!

— Да будут они прокляты, эти новости!—воскликнул Курт.—Вы узнаете о них достаточно, прежде чем кончится день. Это конец мира... Они выслали за нами «Цеп-

пелин», который прибудет завтра утром, и мы будем на Ниагаре, через сорок восемь часов, если до тех пор не погибнем... Мне хочется посмотреть на водопад. Пойдем со мной. Вы получили свою порцию?

— Да, сэр.

— Хорошо. Значит, идем.

Глубоко задумавшись, Курт пробирался между скалами к далекому водопаду. Некоторое время Берт шел позади него, как провожатый. Наконец, когда лагерь совершенно скрылся из вида, Курт пошел рядом.

— Через два дня мы будем там,—сказал он.—Мы возвращаемся в самый ад войны. Вот каковы полученные известия. Мир сошел с ума. Наш флот—победил американский воздушный флот, в ту ночь, когда мы были выведены из строя,—это ясно. Мы потеряли одиннадцать воздушных кораблей, а у них—погибли все аэропланы. Одному Богу известно, сколько мы разрушили и сколько перебили людей. Но это только начало. Наше выступление было искрой, воспламеняющей порох. Каждая страна скрывала у себя летающие машины. Теперь они сражаются в воздухе над Европой, над всем миром. Японцы и китайцы соединились вместе, и это факт огромнейшего значения. Они вмешались в наши мелкие распри... Желтая опасность—оказалась действительной опасностью! У них тысячи воздушных судов. Они—над всем миром. Мы бомбардировали Лондон и Париж, а французы и англичане разрушили Берлин. А теперь Азия обрушилась на нас—поверх всех нас. Это безумие. Китай господствует. И они не знают где остановиться. Границ не существует. Это последний хаос. Они бомбардируют столицы, разрушают доки и фабрики, рудники и флоты.

— Они сильно повредили Лондон?—спросил Берт.

— Одному Богу известно!

Наступило молчание.

— Тут так спокойно, в этом Лабрадоре,—сказал Курт, немного погодя.—Я бы хотел даже остаться здесь. Но не могу. Нет! Я должен пройти через это испытание, должен все это увидеть! И вы тоже! И каждый из нас!.. Говорю вам, наш мир разлетается вдребезги. И нет выхода, нет поворота назад. Вот куда мы пришли! Мы, точно мыши,

запертые в горящем доме, точно животные, застигнутые наводнением... Теперь нас возьмут отсюда, и мы попадем назад в самый водоворот войны. Мы будем опять убивать и разрушать... быть может! Но перевес уже не на нашей стороне, а на стороне китайско-японского флота. Теперь наступает наш черед. Что ожидает вас,—я не знаю, но относительно себя могу сказать наверное: я буду убит!

— Ну-у, уцелеете!—возразил ему Берг, смущенный его словами.

— Нет!—проговорил Курт.—Я буду убит. Я не знал этого раньше, но сегодня утром, на рассвете, я это почувствовал, точно кто-нибудь сказал мне это.

— О!

— Говорю вам, я это знаю!

— Но как это можно знать?

— А я знаю!

— Будто вам кто-нибудь сказал?

— Я уверен... Я знаю!—повторил Курт еще раз, и они молча пошли к водопаду.

Курт шел, не глядя по сторонам, погруженный в раздумье. Наконец, он прервал молчание.

— Я всегда чувствовал себя молодым, Смоллуэйс,—сказал он,—но сегодня утром я вдруг почувствовал себя старым, таким старым!.. Я почувствовал себя ближе к смерти, чем старики. Прежде я всегда смотрел на жизнь, как на шутку. Но это не так... Я думаю, что такого рода вещи всегда бывали, войны и землетрясения, и всегда оказывали влияние на все стороны жизни. Но только теперь я впервые понял это. С тех пор, как мы были в Нью-Йорке, я постоянно думал об этом... И всегда так было, таков уж путь жизни! Людей отрывают от тех, кому они дороги, разрушаются семьи, человеческие существа, полные жизни и мыслей и, быть может, одаренные,—разрываются на куски, калечатся, гибнут... Лондон! Берлин! Сан-Франциско! Подумайте, сколько человеческих жизней мы прервали в Нью-Йорке! А остальные продолжают жить, как ни в чем не бывало. И я продолжаю жить... Точно звери!

Несколько времени он молчал, потом вдруг проговорил:

— Принц—сумасшедший!

Они подошли к такому месту, где им пришлось карабкаться вверх. Затем они вышли на болотистую площадь около ручейка. Там было много хорошеньких красных цветочков. Это бросилось Берту в глаза.

— Как?—воскликнул он.—Цветы в таком месте?

Курт остановился и слегка повернул к нему голову. Лицо его было взволновано.

— Я никогда не видал подобных цветов. Они так нежны!—сказал Берг.

— Чтож, нарвите их, если вам хочется!—заметил Курт.

Берг принялся рвать цветы, а Курт молча смотрел на него.

— Как это смешно: всегда хочется рвать цветы, когда их видишь!—заметил Берг.

Курт ничего не ответил. Они пошли дальше, не разговаривая, и шли довольно долго. Наконец, добрались до скалистого выступа, откуда открывался вид на водопад. Курт остановился и сел на камень.

— Вот это я и хотел видеть,—пояснил он Берту.—Хотя не очень, но все-таки похоже!

— Похоже, на что?—спросил Берг.

— На другой, знакомый мне водопад.—И вдруг, обратившись к Берту, он задал ему вопрос:

— У вас есть возлюбленная, Смоллуэйс?

— Смешно!—отвечал Берг.—Эти цветы... Я как раз думал о ней.

— И я также!

— Как? Об Эдне?

— Нет. Я думал о своей Эдне. У каждого из нас, я полагаю, есть Эдна, к которой устремляются наши мысли. И какая это была девушка! Но теперь все это навсегда миновало. Тяжело думать, что я не могу ее увидеть—ни на одну минуту. Хотя бы только для того, чтобы она знала, что я думаю о ней...

— По всей вероятности, вы ее увидите,—возразил Берг.

— Нет,—сказал решительно Курт.—Этого не будет. Я знаю... Я встретил ее в таком же месте, как это—на Альпах, в Энгстлене. Там есть водопад, вроде этого, широкий, низвергающийся в Иннерткирхен. Вот почему я и пришел сюда сегодня утром. Мы с нею пошли к этому водопаду и провели около него полдня. И мы собирали цветы... Как раз такие же цветы. Это те же самые цветы, насколько мне известно.

— Да, я знаю... мы с Эдной тоже это делали,—сказал Берт.—Цветы и тому подобное... Как будто годы прошли с тех пор!

— Она была прекрасна, смела и скромна,—продолжал Курт.—Я испытываю такое страстное желание увидеть ее и услышать ее голос.—Только один раз, прежде чем умереть... Но где она? Слушайте, Смоллуэйс, я хочу написать письмо... А вот тут я ношу ее портрет!—Он указал на грудь.

— Вы еще увидите ее,—утешал его Берт.

— Нет! Никогда!—возразил Курт.—Я не понимаю, зачем люди встречаются, если им приходится тотчас же после этого разлучаться друг с другом! Я знаю: больше не встречу ее, знаю это так же верно, как то, что и после моей смерти солнце попрежнему будет светить на небе, и водопад этот попрежнему будет сверкать в лучах, низвергаясь по скалам... Какая это глупость, какая нелепость, жестокость и безумие, слепая ненависть и себялюбие, все то, что проделывают люди, и что они будут проделывать! Господи! Смоллуэйс, какой грязной и хаотической представляется мне жизнь! Войны, избиения и бедствия, ненависть и жестокость, убийства, изнуряющая работа, закон Линча и обманы! Сегодня я чувствую себя усталым от всего этого. И я как будто только теперь понял все. Но когда человек устал от жизни, ему пора умереть. Я лишился бодрости духа и чувствую около себя смерть. Но подумайте только о всех надеждах, которые у меня были еще так недавно, о том, что я считал прекрасными начинаниями! Какой позор! Никаких начинаний не было. Мы, точно муравьи в муравьиной куче, среди мира, который ровно ничего не значит, потому что он движется вперед

к небытию! Нью-Йорк! Но что ж удивительного в истории с Нью-Йорком? Ведь это только муравьиная куча, которую сумасшедший ткнул ногой—и ничего: одна пыль. Подумайте об этом, Смоллуэйс. Война теперь везде. Они разрушают свою цивилизацию, прежде чем завершили ее. То, что англичане делали в Александрии, японцы в Порт-Артуре, французы в Каза-Бланке, теперь творится повсюду. Повсюду! Там, в Южной Америке, они даже сражаются между собой. Нигде нет безопасности, нигде нет мира! Нет такого места, куда бы могла укрыться мать с дочерью, где они были бы спокойны! Война несет по воздуху, бомбы падают ночью сверху. Мирные люди, выходя утром из домов, видят воздушный флот, который проносится над ними и сеет смерть... сеет смерть!

Глава VIII.

Мировая война.

I.

Только постепенно, понемногу Берт, наконец, понял, что весь мир охвачен войной. Он представил себе положение населенных стран, к югу от арктической пустыни, где он теперь находился, представил себе их ужас и изумление, когда в небесах над ними показался этот новоиспеченный воздушный флот. Вообще мир, как целое, не входил в круг идей Берта. Он представлял себе мир безграничным пространством, лежащим где-то за пределами его непосредственного восприятия. Война, по понятиям Берта, являлась лишь источником эмоций и новостей, получаемых из ограниченной области, именуемой «театром войны». А теперь, вся земная атмосфера представляла из себя театр войны, и каждая страна была местом петишиного боя. Все нации, как оказывается, под великим секретом, но почти не отставая друг от друга, шли по пути изысканий и изобретений. Но, несмотря на все старания сохранить тайну, военные планы и изобретения, оказались настолько параллельными в разных странах, что через несколько часов после выступления первого воздуш-

ного флота из Франконии, такая же воздушная азиатская армада двинулась на запад, проносясь высоко над головами изумленных обитателей густо населенной равнины Ганга. Но приготовления восточно-азиатского союза производились в гораздо более колоссальном масштабе, нежели это делалось в Германии.—«Таким путем»,—сказал Тан-Тинг-Сианг,—«мы завладеем западом и пройдем по нему. Мы восстановим мир на земле, уничтоженный этими варварами».

В отношении тайны, быстроты и изобретательности азиаты далеко превосходили немцев, и там, где у немцев работали сотни людей, у азиатов работали десятки тысяч. В огромные воздухоплавательные парки Чинси-Фу и Тсинг-Иен по однорельсовым дорогам, покрывающим теперь всю поверхность Китая, без конца подвозились способные и искусные рабочие, которые в техническом отношении были куда выше среднего европейского рабочего. Известие о сюрпризе, который приготовила миру Германия, только заставило их ускорить свою работу. Ко времени бомбардировки Нью-Йорка немцы имели, пожалуй, не более трехсот воздушных кораблей во всем мире, азиаты же, на востоке, западе и юге владели многими тысячами кораблей. Притом же у них были настоящие боевые летательные аппараты, так называемые, «ниайо», которые были бесконечно совершеннее немецких летающих драконов. Это были чрезвычайно легкие аппараты, построенные из стали, тростника и искусственного шелка, рассчитанные, как и германские, на одного человека. Аэронавт был вооружен кислородным ружьем, стреляющим разрывными пулями и, согласно японским традициям,—мечом. Аэронавтами были преимущественно японцы, и уже с самого начала вошло в обычай, что аэронавт должен владеть мечом. Крылья этих аппаратов были снабжены спереди крючками, напоминавшими когти летучих мышей; посредством этих крючков аэропланы могли цепляться за газовые камеры неприятельских воздушных кораблей. Эти легкие летательные аппараты сопровождали воздушный флот, а иногда посылались на рекогносцировку. Они могли перелетать пространства от двух до пятидесяти миль, в зависимости от ветра.

Итак, почти непосредственно вслед за выступлением немецкого воздушного флота, целые стаи азиатских воздушных кораблей устремились в воздух. Все организованные правительства в это время начали лихорадочно готовиться и строить новые воздушные суда и всякие аппараты, приближающиеся к летательной машине. Ни для какой дипломатии уже не оставалось времени. Предостережения и ультиматумы передавались по телеграфу, и в течение нескольких часов весь мир уже был об'ят войной и притом войной самого сложного характера. Великобритания, Франция и Италия об'явили войну Германии и нарушили нейтралитет Швейцарии. В Индии, как только показался азиатский воздушный флот, вспыхнуло восстание индусов в Бенгалии—и восстание мусульман, враждебных индусам, в северо-западных провинциях. Восстание это распространилось, точно степной пожар, от Гоби до Золотого Берега, и восточно-азиатская коалиция захватила нефтяные источники Бирмы и выступила одновременно как против Америки, так и против Германии. Через неделю воздушные флоты строились уже в Дамаске, Каире и Иоганнесбурге. Австралия и Новая Зеландия лихорадочно вооружались. Главную и ужасную особенность всех этих вооружений составляла быстрота, с которой можно было строить эти воздушные чудовища. В то время, как для постройки обыкновенного военного судна надо было от двух до четырех лет, воздушный корабль можно было построить в несколько недель. Кроме того, конструкция воздушного корабля была замечательно проста, даже по сравнению с миноносцем. Если были на лицо машины, материалы для воздушной камеры, принадлежности для добывания газа и чертежи, то соорудить воздушный корабль было теперь даже легче, чем деревянную лодку столет тому назад. Фабрики и мастерские, снабженные всеми промышленными ресурсами и приспособлениями, покрывали все пространство земного шара, от мыса Горн до Новой Земли и кругом земли от Кантона и до Кантона.

Но едва только германские воздушные корабли показались над Атлантическим океаном, едва только были получены первые скудные известия об азиатском флоте из Верхней Бирмы, как уже пошатнулась фантастическая

фабрика кредита и финансов, державшая в своих тисках в течение многих лет весь мир. Все биржи на свете были охвачены ураганом реализации ценных бумаг. Банки прекратили платежи, дела заглохли и скоро остановились совсем. Фабрики еще некоторое время по инерции продолжали работать, выполняя заказы обанкротившихся и исчезнувших заказчиков, затем остановились и фабрики. Нью-Йорк, который показался Берту таким блестящим и оживленным, переживал в этот момент экономический и финансовый кризис, беспрецедентный в истории. Подвоз с естных припасов уменьшился. И раньше чем истекли две недели мировой войны (как раз около этого времени в Лабрадоре была воздвигнута мачта беспроволочного телеграфа)—во всем мире, за исключением Китая, не было ни одного местечка, ни одного города,—как бы этот город ни был удален от центральных мест разрушения,—где бы правительству не приходилось прибегать к экстренным мерам для борьбы с возрастающей нуждой, недостатком пищевых припасов и безработицей.

Специальные особенности воздушной войны были таковы, что они неизбежно должны были привести к социальной дезорганизации, раз началась такая война. Это впервые уяснили себе немцы после своего нападения на Нью-Йорк. Воздушный корабль обладал страшно разрушительной силой, но в то же время он не мог оккупировать и подчинить себе сдавшегося города. Само собою разумеется, что в виду экономической дезорганизации и сильнейшего возбуждения, возмущенных и голодающих жителей, это неминуемо должно было привести к опасным столкновениям. Даже в том случае, если бы воздушный флот бездействовал вверху, внизу все-таки должна была бы вспыхнуть гражданская война и произойти серьезные беспорядки. Ничего подобного еще не бывало в истории войн, и это можно сравнить разве только с бомбардировкой большого поселения дикарей военным судном XIX века, или с одною из тех морских бомбардировок, которые ложатся темным пятном на историю Великобритании в конце XVIII века. И тогда наблюдались жестокости и разрушения, почти не уступающие ужасам воздушной войны. В конце XIX столетия мир имел воз-

можность наблюдать, во время парижской Коммуны 1871 года, до чего может дойти городское население под влиянием страшного гнета войны.

Второю особенностью воздушной войны, так же неминуемо влекущей за собой социальный упадок, была неспособность воздушных флотов нанести чувствительный урон друг другу. Все, что находилось внизу, укрепления, корабли и города, было в их власти, и они могли выбрасывать туда целый дождь разрушительных снарядов. Но только вступив в губительную для них рукопашную схватку они могли нанести друг другу существенный вред. Вооружение громадного немецкого воздушного корабля, величиною равняющегося самому большому броненосцу, состояло лишь из одной механической пушки, которую легко было увести на паре мулов. Когда стало ясно, что надо будет завоевывать и воздух, то матросы воздушного флота были снабжены ружьями с разрывными пулями, которые действовали при помощи кислорода или вообще какого-либо воспламеняющегося вещества. Но ни один воздушный корабль не был вооружен так, как хотя бы самая маленькая канонерская лодка, числящаяся в списке судов. По этой причине, когда воздушные чудовища вступали в бой друг с другом, то они либо стремились подняться одно над другим, либо сцеплялись друг с другом, как китайские джонки, бросая гранаты, либо, наконец, схватывались в рукопашную, как люди в средневековых боях. Риск падения был одинаков с той и другой стороны, как для победителя, так и для побежденного, поэтому после первого же опыта такой рукопашной схватки адмиралы воздушного флота старались, по возможности, уклоняться от битв и предпочитали прибегать к стремительной контр-атаке; это больше поднимало дух команды.

Но если воздушные корабли были не вполне удовлетворительны, то летающие драконы тем более не удовлетворяли требованиям воздушной войны. Они были или чересчур неустойчивы, как немецкие аппараты, или же чересчур легки, как японские летательные машины, и поэтому не давали решительных результатов. Правда, бра-

зильцы выпустили впоследствии летательную машину такого типа и размеров, что она была в состоянии состязаться с воздушным кораблем. Но они приготовили только три или четыре таких аппарата и оперировали с ними только в Южной Америке, так что, когда мировое банкротство остановило всякую дальнейшую инженерную деятельность и производство аппаратов в более или менее широких размерах—эти бразильские аппараты были совсем забыты.

Третьей особенностью воздушной войны было то, что, несмотря на свою страшную разрушительную силу, она не приводила к окончательному результату. Обе стороны были одинаково беззащитны против карательных воздушных экспедиций. В прежних формах войны, как на суше, так и на море, проигрывающая сторона очень скоро лишалась возможности вторгаться в неприятельскую территорию и прерывать сообщения. Бой происходил с «фронта», и позади этого фронта; продовольствие армии победителя, и все его ресурсы, города, фабрики и капитал, не подвергались никакой опасности, мирная жизнь внутри страны не нарушалась. В случае морской войны—уничтожался неприятельский военный флот, порты неприятеля подвергались блокаде, захватывались его угольные станции, разыскивались вражеские крейсера, которые угрожали коммерческим портам. Но устраивать блокаду и наблюдение над береговой линией—это одно, а блокировать и наблюдать за всем пространством какой-нибудь страны—это совсем другое. Притом крейсера и разведочные суда не могут быть изготовлены быстро и тайно, их нельзя укладывать и переносить с места на место незаметным образом. В воздушной же войне сильнейшая сторона, даже если она уничтожила главные силы неприятеля, все-таки должна быть настороже и наблюдать за каждым таким пунктом, откуда неприятель мог бы выпустить новые, быть может, еще более смертоносные летательные аппараты. Воздух наполнился бы воздушными кораблями и эти корабли заслонили бы солнце. Пришлось бы строить такие суда тысячами и готовить аэронавтов сотнями тысяч. Маленький, не наполненный воздухом воздушный корабль может быть легко спрятан в

железнодорожном сарае, где-нибудь в глухом месте в лесу, а летательный аппарат еще менее бросается в глаза. И еще одно: ведь в воздухе не существует ни дорог, ни улиц, ни каналов, ни одного такого пункта, про который можно было бы сказать: «Если неприятель желает добраться до столицы, то он должен пройти здесь». В воздухе все дороги ведут всюду. Следовательно, кончить войну одним из обычных способов было невозможно. Государство «А», пользуясь своим перевесом над государством «Б», отправляет воздушную эскадру из тысячи судов на столицу «Б», угрожая бомбардировать ее, если «Б» не сдастся. «Б» отвечает по беспроволочному телеграфу, что в данный момент три его воздушных корабля бомбардируют главные мануфактурные города «А».

«А» объявляет воздушные корабли «Б» пиратами, бомбардирует столицу «Б» и начинает погоню за воздушными судами «Б». «Б», охваченное страстной жаждой мщения и героическим самопожертвованием, принимается работать среди развалин и изготавливает новые воздушные суда и взрывчатые вещества, предназначенные для войны с «А». Таким образом, война поневоле превратилась бы в партизанскую войну, в которую было бы вовлечено неизбежным образом и все гражданское население, все семьи и все учреждения социальной жизни.

Эти стороны воздушной войны захватили весь мир врасплох. Никто не предвидел этого, так как в противном случае непременно была бы созвана в 1900 году всеобщая конференция мира. Но механическая изобретательность прогрессировала быстрее интеллектуальной и социальной организации. Вполне естественно, что мир, со всеми своими глупыми старыми флагами, со своими нелепыми и бессмысленными национальными традициями, со своими дешевыми газетами и еще более дешево стоящими страстями и империализмом, со своими неблагоприятными коммерческими мотивами и привычною неискренностью, пошлостью, расовой ложью и расовыми конфликтами,—был захвачен врасплох. И когда война разразилась, она уже не могла остановиться. Непрочное здание кредита, рост которого превзошел все человеческие предвидения,

и который удерживал сотни миллионов в состоянии перебегающей экономической зависимости, непонятной ни для кого,—рухнуло под влиянием паники. Воздушные корабли носились всюду, бросая бомбы, уничтожая всякую надежду на войско, и везде, внизу, происходили экономические катастрофы, везде голодающее, безработное население возмущалось и нарушало социальный порядок. Разгоревшиеся страсти не давали проявиться созидательным способностям наций, и все доводы рассудка уничтожались этим потоком, сносившим все на своем пути. Все сохранившиеся от того времени газеты и исторические документы сообщают о том, что целые округа и города, вследствие затруднений в транспорте с естных припасов, были переполнены безработным голодающим населением. Это вызывало административные кривисы и осадное положение, возникали временные правительства, советы или,—как это было в Индии и Египте,—революционные комитеты; и все такие организации ставили своей целью вооружать население, строить батареи, воздушные корабли и летательные аппараты.

Все это представляется нам теперь лишь в виде отдельных эпизодов, мелькающих перед нашими глазами сквозь случайные разрывы туч, обложивших весь мир. Это было разложение машинного века, гибель цивилизации, основанной на машинном производстве и погубленной машинами. Гибель предшествующих великих цивилизаций, например, римской, происходила постепенно, в течение целого ряда столетий. Античная культура умирала, как умирает старик. Современная же погибала, как будто под колесами налетевшего автомобиля, раздавившего и прикончившего ее в один миг...

2.

Первоначальные сражения воздушной войны явно указывали на стремление действовать согласно старинной морской тактике, требующей, чтобы прежде всего было определено положение неприятельского флота и затем уже он был уничтожен. Первая битва произошла над Бернским Оберландом: там итальянские и французские

дирижабли, совершая набег на Франконский парк, были атакованы швейцарским опытным отрядом, к которому затем пришли на помощь германские воздушные корабли. Следующее столкновение произошло между британскими аэропланами и тремя злополучными немецкими воздушными кораблями.

Третья битва происходила в северной Индии: здесь весь англо-индийский воздухоплавательный парк вынужден был в течение трех дней бороться с подавляющими силами противника и был, наконец, рассеян и истреблен по частям.

Почти одновременно с этим началась знаменательная борьба между немцами и азиатами, известная под именем Ниагарской битвы, вследствие цели, которую имела в виду атака азиатов. Но постепенно эта борьба перешла в ряд столкновений, захвативших целую половину континента. Те из немецких воздушных кораблей, которые избежали гибели во время битвы, спустились на землю и сдались американцам, и американцы их снова снарядили и употребили в дело. В конце концов, война превратилась в ряд безжалостных героических схваток между американцами, решившимися, во что бы то ни стало, истребить своих врагов, и азиатскими полчищами, постоянно получавшими подкрепления из Азии. Эти полчища расположились на побережье Тихого океана, опираясь на поддержку гигантского флота. С самого начала эта американская война отличалась неумолимою жестокостью. Никому не давали пощады и в плен никого не брали. С изумительною и свирепою энергией американцы строили и выпускали один воздушный корабль за другим, чтобы сражаться и погибать среди несметных полчищ азиатов. Все отступило на задний план перед этой войной, и население жило и умирало ради нее. Теперь, однако, я могу сказать, что в летательном аппарате Беттериджа белые нашли то орудие, которое могло потягаться с летательными машинами азиатских меченосцев.

Азиатское нашествие на Америку совершенно вычеркнуло из истории германо-американский конфликт. Вначале казалось, никакое примирение невозможно, так как страшная трагедия Нью-Йорка не могла быть забы-

та. После разрушения центральной части Нью-Йорка вся Америка восстала, как один человек, готовая скорее тысячу раз умереть, чем покориться Германии. Немцы же приняли жестокое решение принудить американцев к покорности и, согласно плану, который давно был задуман принцем, завладели Ниагарой, чтобы иметь в своем распоряжении громадную силу водопада; немцы изгнали из окрестностей водопада всех жителей, превратив в пустыню все пространство, вплоть до самого Буффало. Они объявили также войну Франции и Англии и опустошили область Канады, почти на десять миль от моря внутрь страны. Материал с судов был перенесен подальше от восточного берега, и команда их сновала по стране, точно пчелы, собирающие мед. Тогда-то и появились азиатские силы и произвели атаку на германскую базу у Ниагары; тут-то и произошла первая встреча воздушных флотов востока и запада и выяснился великий исход борьбы.

Особенные условия первоначальных воздушных сражений зависели преимущественно от глубокой тайны, окружавшей изготовление воздушных судов. Ни одна держава не имела ни малейшего представления о работах своих соперников и вследствие необходимости держать в секрете свои планы, ограничивала даже и свои изыскания. Ни один из изобретателей аэропланов и воздушных кораблей не представлял себе ясно, с какими аппаратами противников придется иметь дело. Некоторые даже совершенно не имели в виду борьбу в воздухе и свои аппараты предназначали только для разбрасывания взрывчатых снарядов. Такова, например, была идея немецких изобретателей. Единственным орудием немецкого флота для борьбы с неприятельскими воздушными кораблями была механическая пушка, помещавшаяся в передней части корабля. Только после сражения над Нью-Йорком команда была вооружена короткоствольными ружьями с разрывными пулями. Теоретически боевым оружием флота должны были служить летающие драконы. Их называли воздушными миноносцами, и предполагалось, что они будут пролетать вблизи неприятеля и забрасывать его бомбами. Но эти сооружения оказались в высшей степени неустойчивыми, и даже трети участвовавших в сра-

жений не вернулось назад к воздушному флоту; почти все были уничтожены или упали на землю.

Китайско-японский соединенный воздушный флот, так же, как и немецкий, делится на воздушные корабли и боевые аппараты тяжелее воздуха. Но и те, и другие отличались от западных образцов и очень красноречиво доказывали, с какой энергией восточные народы воспользовались европейскими научными методами и усовершенствовали их. Китайско-японский воздушный флот, во всех мельчайших подробностях, являлся уже плодом изобретательности азиатских инженеров. Главным из них был политический изгнанник Мохайни К. Чаттерджи, служивший раньше в англо-индийском воздухоплавательном парке в Лагоре.

Немецкие воздушные корабли имели форму рыбы с тупой головой. Азиатские суда, тоже рыбообразной формы, скорее напоминали своим видом ската или камбалу, нежели треску или какую-нибудь другую мелкую морскую рыбу. Нижняя широкая поверхность этих судов не имела ни окон и никаких других отверстий, кроме одного посредине. Каюты помещались по продольной оси, под мостиком, образующим род палубы, а газовые камеры придавали всему вид цыганской палатки, но только гораздо более плоской. Германский воздушный корабль представлял из себя дирижабль и был гораздо легче воздуха. Азиатский же воздушный корабль был лишь немного легче воздуха и поэтому двигался с гораздо большей скоростью, но зато обладал меньшей устойчивостью. Спереди и сзади на азиатском воздушном корабле помещались пушки. Задняя пушка была большей величины и выбрасывала зажигательные снаряды. Кроме того, сверху и снизу находились клетки для стрелков. Как ни было слабо это вооружение в сравнении с самыми маленькими торпедными лодками, когда-либо плававшими по поверхности моря, тем не менее оно оказалось достаточным для того, чтобы разделаться с немецким воздушным флотом, тем более, что азиатские воздушные корабли и летали значительно быстрее немецких. Во время военных действий азиаты всегда старались находиться сзади или над немецкими кораблями, иногда ныряли вниз, но всегда

избегали проходить вблизи места, где находился склад взрывчатых снарядов. Миновав его, они тотчас же пускали в ход свою заднюю пушку и выбрасывали кислородные гранаты в газовые камеры противника.

Но главная сила азиатов заключалась не в их воздушных кораблях, а в летательных аппаратах. Они приближались к типу летательной машины Беттериджа и являлись лучшими из существовавших когда-либо летательных аппаратов тяжелее воздуха. Изобретенные одним японским художником, они резко отличались от немецких летающих драконов, построенных по типу бумажного змея. У японских аппаратов были курьезно изогнутые, гибкие боковые крылья, скорее всего напоминающие согнутые крылья бабочек; крылья были сделаны из какого-то вещества, похожего на целлулоид, и ярко раскрашенного шелка, а сзади прикреплялся длинный, шуршащий птичий хвост. В переднем углу каждого крыла были крючья, похожие на когти летучей мыши, посредством которых летательный аппарат мог зацепляться и разрывать стенку газовой камеры воздушного корабля. Аэронавт помещался между крыльями аппарата, над машиной, мало отличающейся своим устройством от тех, которые приводили в движение мотоциклы того времени. Внизу находилось одно большое колесо. Аэронавт сидел верхом на седле, как в летательном аппарате Беттериджа, и в дополнение к кислородному ружью, стреляющему разрывными пулями имел при себе обоюдоострый меч.

3.

Теперь нам ясны все эти подробности, и мы можем сравнивать американские и немецкие аэропланы и дирижабли. Но в то время ни один из этих фактов не был известен участникам этой чудовищно-хаотической битвы над американскими великими озерами.

Каждая сторона вступала в борьбу с чем-то совершенно неизвестным, при совершенно новых условиях, при этом с такими аппаратами, которые даже без всякой неприятельской атаки могли доставить очень неприятные сюрпризы. Всякие предварительные схемы и попытки

совместных действий рушились тотчас же, как только началась битва; тоже самое наблюдалось и в предшествующем столетии,—когда происходили морские сражения броненосцев. Каждый капитан был вынужден тогда действовать индивидуально, согласно собственному плану. Один видел триумф в том, что другому казалось промахом и поводом для бегства и отчаяния. Про Ниагарскую битву можно сказать тоже, что говорилось про битву при Лиссе *), что это было не сражение, а целый пучок «маленьких битв».

Такому наблюдателю, как Берт, все это представлялось какой-то серией инцидентов всякого рода, частью очень важных, частью же малозначущих и в общем не имеющих между собой никакой связи. Он не видел никаких соединенных усилий, направленных к одной цели, не видел, чтобы какой-нибудь пункт был завоеван или потерян. Он видел страшные вещи, и видел, что в конце концов, мир, в котором он жил, постигла катастрофа и гибель...

Он наблюдал битву с земли, из Проспект-Парка и Козьего Острова, куда он бежал.

Но прежде надо объяснить, каким образом он попал туда. Принц, пользуясь беспроволочным телеграфом, снова начал командовать немецким воздушным флотом, еще прежде чем «Цеппелин» достиг его лагеря в Лабрадоре. По указанию принца, немецкий воздушный флот, передовые отряды которого столкнулись с японцами над Скалистыми горами, сосредоточил все свои силы над Ниагарой и ждал прибытия принца. Он присоединился к своей эскадре рано утром 12-го, и Берт впервые увидел Ниагарское ущелье на рассвете, когда он вскарабкался на сеть с внешней стороны средней газовой камеры. «Цеппелин» летел очень высоко, и далеко внизу Берт увидел воду в ущельи, скованную морозом, и ватем к западу—в виде громадного полумесяца, Канадский водопад **), сверкающий, пенящийся и мерцающий в лучах восходящего

*) При Лиссе (австрийский остров в Адриатическом море) в 1866 г. было ожесточенное морское сражение между итальянцами и австрийцами.

**) Правый берег реки Ниагары—принадлежит Сев.-Американским Штатам, левый—Канаде; канадская часть водопада называется «Водопадом Подновы» «Козий Остров» мостом соединяется с американским берегом

солнца. Воздушный флот расположился в виде гигантского полумесяца, рога которого были обращены на юго-запад. Это был ряд светящихся чудовищ, с медленно вращающимися хвостами и германскими знаменами, как будто выступающими из брюха чудовищ, позади подвесок аппарата Маркони.

Город Ниагара еще продолжал существовать, хотя на его улицах уже не было заметно никакой жизни. Мосты не были разрушены; на отелях и ресторанах еще развешивались флаги, и красовались заманчивые вывески; электрические станции также еще продолжали работать. Но около города с обеих сторон ущелья как будто все было сметено колоссальной метлой. Все, что только могло служить прикрытием для атаки германских позиций на Ниагаре, было безжалостно уничтожено механически или при помощи взрывчатых веществ. Дома были превращены в развалины и сожжены, так же, как и леса, а изгороди и жатва уничтожены. Однорельсовая дорога была разрушена, и на дорогах вообще было уничтожено все, что могло бы служить убежищем и прикрытием неприятелю. Сверху это производило странное впечатление. Молодые поросли были уничтожены целиком особыми проволоочными боронами. Молодые деревья, ободранные или вырванные с корнем, лежали кучками в виде снопов, точно рожи после жатвы. Дома имели такой вид, как будто какой-нибудь гигантский палец надавил на них и прижал их к земле. Многое сгорело, и большие пространства были превращены в дымящиеся черные площади, местами еще продолжавшие гореть. Кое-где виднелись остатки запоздавших беглецов, повозки и трупы лошадей, а там, где в домах были водопроводы, образовались большие лужи и фонтаны, бившие из разорванных труб. На уцелевших от огня полях мирно паслись лошади, и ржал скот. За пределами этой опустошенной области деревни не подвергались разрушению, но они все же были покинуты жителями. Буффало был обят пожаром на большом пространстве, и не было никаких признаков борьбы с огнем. Город Ниагара был скоро превращен в военный склад. Огромное количество искусных инженеров было спущено вниз, и все они усердно работали над приспособле-

нием этого места ко всем потребностям воздухоплавательного парка. У угла американского водопада была устроена газовая станция, над подъемной железной дорогой, и большая область к югу—была очищена для той же цели. Над отелями и электрическими станциями, так же, как и на всех других выдающихся пунктах, развевался германский флаг.

«Цеппелин» два раза медленно обогнул все это пространство; принц осматривал все, стоя на висячей галерее. Затем «Цеппелин» повернул к центральной части полумесяца и передал принца со свитой, включая Курта, на корабль «Гогенцоллерн», который был выбран, как флагманское судно для предстоящей битвы. Команда «Цеппелина» была послана на внешнюю сетку корабля, чтобы отдать честь принцу, когда он покидал корабль, вместе со своею свитой. После того «Цеппелин» переменил направление и спустился в Проспект-парке для того, чтобы оставить раненых и взять взрывчатые снаряды; в Лабрадор корабль отправился с пустыми магазинами, потому что не было известно, какую тяжесть ему придется везти оттуда. Кроме того, понадобилось пополнить запас водорода в передней камере.

Берт был отряжен в качестве носильщика и помогал переносить раненых в ближайший из больших отелей против канадского берега. Отель был совершенно пуст; там находились только две американские сиделки, носильщик-негр да трое или четверо немцев, поджидавших прибытия раненых. Берт отправился вместе с доктором «Цеппелина» на главную улицу; там они взломали аптекарский магазин и достали все, что было нужно. На обратном пути они встретили офицера и двух матросов, которые составили опись различным материалам, имеющимся на складах. На широкой главной улице города никого не было видно. Населению было дано три часа времени, чтобы очистить город, и, повидимому, все исполнили это. На одном углу лежал у стены убитый. Две собаки бродили по пустой улице. Тишина на минуту была нарушена прохождением поезда однорельсовой железной дороги; поезд вез резиновые рукава в Проспект-парк, превращенный в воздухоплавательные доки.

Берт отвез в отель ящик с лекарствами на велосипеде, взятом из соседней лавки; затем Берта послали нагружать бомбы на «Цеппелин», что требовало большой сноровки. От этой работы его отвлек капитан «Цеппелина»: Берт был послан с запиской к офицеру, прикомандированному к англо-американской компании для установки полевого телефона. Инструкции были даны Берту по-немецки, но о содержании их он догадывался и, поэтому, не выдавая своего незнания языка, отдал честь по-солдатски и отправился. Он шел быстро, как будто дорога ему была хорошо известна, но, обойдя угол улицы, он вдруг сообразил, что не знает, куда идти. В этот момент его внимание было отвлечено выстрелом с воздушного корабля «Гогенцоллерн» и громкими криками «ура», раздавшимися с небес.

Берт взглянул вверх, но ему мешали видеть высокие дома по обеим сторонам улицы. Он колебался одно мгновение, но затем любопытство взяло верх, и он побежал к реке. Тут, впрочем, деревья также мешали ему смотреть, поэтому он был необыкновенно поражен, когда увидел, что корабль «Цеппелин», еще не успевший наполнить своего магазина, поднимается уже над Козьим Островом. Очевидно, он не стал ждать пополнения своих боевых запасов. Тогда вдруг Берту пришла в голову мысль, что его здесь бросили. Он спрятался между деревьями и кустами, опасаясь, чтобы его не увидел капитан «Цеппелина». Но любопытство Берта было слишком возбуждено, и ему непременно захотелось узнать, что случилось. Он побежал на мост, перекинутый на Козий Остров. Тут перед Бертом открылся широкий горизонт, и он впервые увидел азиатскую эскадру, низко летевшую над верхними порогами реки.

Азиатские воздушные корабли далеко не производили такого внушительного впечатления, как германские суда. О расстоянии Берт судить не мог, но он видел, что они двигались в боковом направлении: было трудно определить величину азиатского флота. Берт стоял посредине моста, который еще в недавние времена был всегда переполнен туристами, но теперь Берт находился здесь в единственном числе. Над ним, очень высоко в небесах,

маневрировали враждующие флоты, а внизу—пенилась и шумела река, устремляясь к американской стороне водоппада.

Берт был очень смешно одет. Его дешевые синие саржевые штаны были засунуты в немецкие воздухоплавательные сапоги. На голове у него была белая шапка аэронавта, которая была слишком велика для его головы. Он сдвинул ее на затылок, чтобы она не мешала ему смотреть.

— «Господи!»—прошептал он.

Он смотрел в небеса, жестикулируя по временам, и раза два даже крикнул «ура» и хлопнул в ладоши. Но потом вдруг его охватил страх, и он побежал к Козьему Острову.

4.

Оба флота некоторое время присматривались друг к другу, и ни один не начинал наступательных действий. Немецкий флот состоял из шестидесяти семи больших кораблей, выстроившихся полукругом на высоте приблизительно четырех тысяч футов. Расстояние между обоими концами полукруга было приблизительно в тридцать миль. Крайние суда правого и левого крыла эскадры держали на буксире около тридцати летающих драконов, готовых к выступлению, но Берт не мог их видеть на таком расстоянии: они были слишком малы.

Сначала Берт увидел только южную азиатскую эскадру, состоявшую из сорока воздушных судов, с фланга которых держались четыреста летательных одноместных аппаратов. Некоторое время флот двигался медленно, и Берт сначала мог различить только большие суда, а затем увидел и летательные аппараты, показавшиеся ему массой каких-то мелких предметов, несущихся в воздухе: точно целый рой моли, эти летательные аппараты окружали большие корабли. Второй азиатской эскадры Берт еще не мог видеть, хотя, по всей вероятности, немцы уже увидели ее приближение с северо-запада.

В воздухе было тихо, на небе ни облачка. Немецкий флот поднялся на огромную высоту, и корабли уже не

казались большими. Оба конца полумесяца были ясно видны. Направляясь к югу, корабли немецкой эскадры медленно проходили, заслоня Берту солнечный свет, и летающие драконы казались маленькими темными пятнышками с каждой стороны этой воздушной Армады.

Оба флота, повидимому, не спешили вступить в бой. Азиаты ушли далеко к востоку, все ускоряя движение и поднимаясь все выше; затем они растянулись в длинную колонну и полетели назад, поднимаясь над левым флангом немцев. Немецкая эскадра переменяла направление, повернулась к приближающимся азиатам, и вдруг легкий треск и мерцание указали им, что неприятель открыл огонь. В начале Берт не заметил никакого действия этого огня. Потом он увидел точно горсть снежных хлопьев, закружившихся в воздухе. Это летающие драконы бросились в атаку, а навстречу им устремилась целая масса каких-то красных точек. Берту все это представлялось не только страшно отдаленным, но и чем-то сверхъестественным. Не прошло и четырех часов с тех пор, как он был на одном из этих кораблей, а они уже казались какими-то странными мыслящими существами, которые двигались там в небесах и преследовали свои собственные цели. Азиатские и немецкие летательные аппараты, столкнулись и полетели вниз, как горсть белых и розовых лепестков, брошенных в воздух из какого-то далекого окна. Но, приближаясь к земле, они становились больше, и, наконец, Берт увидел перевернутые аппараты, которые летели вниз, быстро вращаясь в воздухе. Скоро, однако, огромные клубы дыма, поднимающиеся со стороны Буффало, скрыли их из вида. Некоторое время ничего нельзя было разглядеть, но когда дым рассеялся, то два или три белых и некоторое количество красных точек снова поднялось к небесам, точно рой больших бабочек, которые, кружась и сражаясь, скрылись, наконец, по направлению к востоку.

Громкий звук выстрела заставил Берта обратить свои взоры к зениту, и тут он заметил, что огромный полумесяц, который образовали воздушные корабли немцев, пришел в расстройство и превратился в беспорядочную массу судов. Одно из них опустилось, Берт заметил, что оно

пылало и, наконец, кружась, полетело вниз и исчезло в дыме, поднимавшемся над Буффало.

Берт стоял с раскрытым ртом, судорожно ухватившись за перила моста. В течение нескольких мгновений, показавшихся ему необыкновенно длинными, положение обоих флотов оставалось неизменным; они по диагонали приближались друг к другу, производя легкий шум, вроде жужжания комара; затем Берт увидел, что с каждой стороны корабли начали выходить из строя, пораженные снарядами, которых нельзя было ни увидеть, ни проследить на таком расстоянии. Азиатские корабли постепенно окружали немецкую эскадру и, повидимому, старались прорвать линию немецких кораблей, которые, наконец, расступились, точно открывая им дорогу. Началось какое-то маневрирование, но Берт не мог понять его значения. Левая часть битвы превратилась в какой-то хаотический танец воздушных кораблей. На несколько мгновений обе скрепляющиеся линии кораблей, казалось, так близко соприкасались друг с другом, как будто там, в небесах, происходила рукопашная схватка. Потом они распались на группы и на отдельные соединения кораблей. Немецкие корабли опускались все чаще. Один из них вдруг вспыхнул и, полетев вниз, исчез на севере. Два других корабля тоже опускались, точно сплетаясь с чем-то, затруднявшим их движения. Враги все прибывали, и на их стороне был перевес. Два азиата устремлялись на одного немца; к ним присоединился еще третий, и они исчезли по направлению к востоку; в догонку им пустились со стороны немецкой эскадры несколько кораблей, спешивших на помощь товарищу. Один азиатский корабль ринулся на гигантское немецкое судно, или, может быть, нечаянно столкнулся с ним, и оба, кружась, вместе устремились вниз—к гибели. Берт не видел прибытия северной азиатской эскадры и только заметил, что число судов сверху как будто увеличилось. Через несколько минут все смешалось, и битва уже представляла какой-то хаос сражающихся, который несся на юго-запад, против ветра; затем опять все распалось на целую серию отдельных стычек. В одном месте огромный немецкий корабль, обжатый пламенем, падал, окруженный дюжиною плоских авиат-

ских судов, немедленно уничтожавших каждую его попытку к спасению. А там команда другого корабля билась с толпою осаждающих корабль меченосцев на летательных аппаратах. Берт увидел азиатский корабль, горевший с обоих концов и выведенный из строя. Он замечал все подробности сражения, происходившего в чистом прозрачном воздухе, но лишь особенно выдающиеся случаи запечатлелись в его памяти. Постепенно, однако, стала выясняться общая схема, объединявшая отдельные, наиболее выдающиеся эпизоды боя.

Масса азиатских воздушных кораблей, медленно увеличивающаяся вверх, не производила, повидимому, никаких разрушений. Большинство кораблей шло полным ходом, направляясь вверх, чтобы занять какую-то позицию, и лишь изредка выпускало бесполезные выстрелы. После неудачной попытки сцепиться с неприятелем и трагического конца обоих кораблей, как нападавшего, так и оборонявшегося—этот способ был оставлен; по крайней мере, Берт не заметил больше попыток брать на абордаж немецкие корабли. Но было упорное стремление изолировать противника, отрезать его от товарищей и загнать его вниз, заставляя отступать и расстривая ряды сражающихся. Численный перевес азиатских и большая быстрота движения давали им возможность не прекращать своих атак на немецкие суда. Отряд немецких воздушных кораблей, стараясь, повидимому, сохранить связь с электрическими мастерскими Ниагары, держался над ними сплоченною массой, которою всячески старались прорвать азиаты. Берт это напомнило двух рыб в пруду, борющихся из-за крошек. Он видел слабые клубы дыма и треск бомб, но никаких звуков не слышал...

Какая-то колыхающаяся тень заслонила Берту солнце. За нею последовала другая. Потом стук машин долетел до него, и он позабыл о том, что делалось в небе.

На расстоянии ста ярдов над водой, с юга неслись по воздуху, точно валькирии *), азиатские меченосцы на сво-

*) Валькирии, по скандинавской мифологии, — прекрасные деви, которые носят в золотом вооружении по воздуху, распоряжаются битвами и, по воле бога Одина, распределяют смерть между сражающимися. Павших в битве они уносят в Вальгаллу — нечто вроде рая.

их странных конях; это был какой-то смешанный продукт европейского инженерного искусства и японской художественной фантазии. Они быстро махали крыльями, и стук машин разносился в воздухе. Они то поднимались, то опускались, паря в воздухе, и так близко пронеслись от Берта, что он мог слышать даже голоса воинов, когда они перекликались друг с другом. Они направлялись к городу Ниагаре и там опустились, один за другим, на площади, перед отелем. Но Берт не стал следить за ними дальше. Один желтолицый заглянул вниз, и на одно мгновение его глаза встретились с глазами Берта...

Тут только Берту пришло в голову, что он был слишком замечен посредине моста, поэтому он скорее бросился бежать на Козий Остров. Там, притаившись за деревьями, он наблюдал дальнейшее развитие борьбы.

5.

Когда Берт достаточно успокоился и убедился в своей безопасности, к нему опять вернулась способность следить за перипетиями битвы. Он заметил, что между азиатскими аэронавтами и германскими инженерами происходила свирепая борьба из-за обладания городом Ниагарой. В первый раз, за все это время, Берт увидел, наконец, битву, похожую на те, изображения которых он видел на картинках иллюстрированных журналов в юности. Ему показалось даже сначала, что все идет хорошо. Он видел людей, вооруженных ружьями, скрывающихся за прикрытиями и бросающихся в атаку. Первый отряд аэронавтов, очевидно, не ожидал встретить никого в городе, полагая, что все разбежались оттуда. Аэронавты опустились на открытом месте, вблизи Проспект-парка, и отправились к строениям около электрических мастерских. Внезапный выстрел вывел их из заблуждения. Они бросились искать прикрытия возле реки, так как бежать назад, к своим летательным аппаратам, было уже поздно. Спрятавшись, они открыли стрельбу по людям в отелях и развалинах зданий возле мастерских.

Но вот к ним явилось подкрепление. Новая партия Уэллс. Война в воздухе.

пунцовых летательных аппаратов прилетела с востока. Они поднялись над домами и широко обогнули город, точно высматривая позицию. Стрельба немцев участилась, и один из летательных аппаратов вдруг как-то отпрянул назад и свалился между домами. Остальные спустились, точно стая больших птиц, на крышу здания электрической станции. Они уцепились за крышу, и из каждого летательного аппарата выскочила какая-то маленькая проворная фигурка, которая быстро бежала по краю.

Берт не видел прилета других аппаратов, походивших на птиц. Он только слышал грохот выстрелов, напоминавший ему маневры войск и газетные описания сражений, словом, все то, что вполне отвечало его понятиям о войне. Он видел немцев, которые выбежали из домов, окружавших станцию. Двое упали. Один остался лежать неподвижно, другой же некоторое время извивался по земле и как будто пытался приподняться. Отель, который был превращен в госпиталь, и куда Берт помогал переносить раненых, вдруг выкинул женевский флаг. Повидимому, в этом, — казавшемся таким пустынным, — городе скрывалось довольно большое количество немцев, прилагавших все усилия, чтобы удержать в своих руках электрическую станцию. Берт недоумевал, откуда они доставили оружие. Азиатские летательные машины все прибывали и вмешивались в сражение, очевидно, имея целью завладеть немецким воздухоплавательным парком, электрическими газовыми генераторами и станциями для ремонта, — словом всем, что составляло германскую базу. Некоторые из этих летательных машин спустились на землю и высадили своих аэронавтов, которые превратились в весьма энергичных солдат-пехотинцев. Другие продолжали парить вверху, и их аэронавты стреляли вниз при малейшем поводе. Стрельба производилась залпами, то утихая, то усиливаясь. Два раза летательные машины появлялись как раз над головой Берта; в то время, когда они описывали круг, Берт уже считал себя погибшим.

Гул и треск, раздававшиеся вверху, по временам напоминали Берту о сражении в небесах, но его внимание все-таки было приковано к битве, происходившей поблизости.

Вдруг сверху свалилось что-то похожее на бочку или огромный мяч, раздался страшный взрыв. Этот ужасный предмет упал среди азиатских аэропланов, лежавших среди цветочных клумб и лужайки на берегу реки. Все разлетелось в куски; деревья, дерн, гравий, — все полетело в разные стороны! Аэронавты были сброшены, точно мешки, в пенящуюся воду; на поверхности воды показались части летательных аппаратов. Все окна отеля-госпиталя, отражавшие за мгновение перед этим голубое небо и воздушные корабли, вдруг превратились в огромные черные отверстия.

Последовал второй взрыв. Берт взглянул наверх и увидел несколько огромных воздушных чудовищ, которые летели вниз, напоминая своим видом развевающиеся в воздухе одеяла. Центр битвы как будто опускался, чтобы войти в соприкосновение с битвой, происходящей внизу. Воздушные корабли казались Берту какими-то огромными предметами, падающими вниз, в сравнении с которыми все остальное представлялось мизерным: дома, дороги, мост и сами сражающиеся казались бесконечно малыми. Шум увеличивался, по мере того, как приближались корабли, а укороченные черные орлы, украшающие передний конец кораблей, производили такое впечатление, как будто тут происходила битва между пернатыми существами.

Некоторые из сражающихся кораблей опустились на пятьсот футов над землей. Берт мог даже разглядеть на нижних галереях немецких кораблей немцев, стрелявших из ружей; мог видеть азиатов, карабкающихся по канатам. Он видел человека в алюминиевом водолазном костюме, который, сверкая, стремглав полетел вниз в воду около Козьего Острова. Берт впервые видел вблизи азиатские воздушные корабли. У них не было всяких галерей, но из маленьких отверстий по срединной линии выглядывали люди и жерла пушек. Двигаясь по восходящей и нисходящей кривой, воздушные корабли не переставали сражаться. Они налетали друг на друга, точно тучи, и порою видом напоминали гигантские пудинги, стремящиеся уничтожить друг друга. Кружась и сплетаясь друг с дру-

гом, они носились над Ниагарой и Козьим Островом. На некоторое время все заволгло дымом, сквозь который лишь местами пробивались солнечные лучи. Иногда корабли рассеивались и удалялись мили на две внутрь Канады, затем снова возвращались к водопаду. Один немецкий корабль загорелся, и тотчас же все бросились от него прочь, предоставив ему гореть. Корабль, обвитый пламенем, полетел вниз, на Канадский берег, и взорвался. Как только это произошло, опять послышался гул залпов, и снова все сплелось в общую массу. Только однажды Бертю показалось, что из города Ниагары доносится шум рукопашных и ликующих криков. Еще один немецкий корабль загорелся, а другой, сильно поврежденный носом неприятельского судна, опустился где-то в южной стороне.

Все яснее и яснее становилось Бертю, что немцы терпят поражение в этой неравной борьбе. Немецкие корабли явно подвергались преследованию и сражались только, чтобы как-нибудь спастись. Но азиаты окружали их со всех сторон, разрывали оболочки газовых камер, заставляли их опускаться, подцепляли их матросов в водонепроницаемых костюмах, которые боролись с огнем при помощи огнетушителей, стараясь в то же время заделывать внутренние повреждения оболочки. Немцы отвечали выстрелами, большею частью не наносившими неприятелю никакого вреда. Сражающиеся слились в общую массу над Ниагарой, и вдруг немецкие корабли, словно по заранее условленному сигналу, вырвались из этой тучи и рассыпались в разные стороны, на север, юг, восток и запад. Это было открытое и беспорядочное бегство. Как только азиаты поняли это, они немедленно бросились за немцами в погоню. Осталась только небольшая группа сражающихся: четыре немецких корабля, отбивающих атаку азиатских сил на флагманский корабль «Гогенцоллерн». И в этот момент принц сделал последнюю попытку спасти Ниагару. Воздушные корабли то приближались к Канадскому водопаду, то удалялись от него к востоку, так что становились едва заметными, потом снова налетали тучей, кружились и сплетались над головой единственного зрителя этой удивительной борьбы...

Сражающиеся корабли, сплетаясь в общую темную бесформенную массу, приближались очень быстро, вырастая, точно грозовая туча, и заслоняя солнце. Плоские азиатские корабли держались над немецкими кораблями и позади них, непрерывно обстреливая их, а летательные аппараты бросались, словно рой нападающих пчел. Все ближе и ближе неслась эта туча, заполняя собою все пространство внизу. Два немецких корабля начали опускаться, потом опять поднялись. Но «Гогенцоллерн», очевидно, пострадал сильнее. Он слегка приподнялся, потом быстро повернулся, точно желая вырваться на свободу, и вдруг, загоревшись с обоих концов, начал опускаться вниз, в воду. Коснувшись воды, он снова приподнялся, но тотчас же опять шлепнулся и поплыл, кружась и извиваясь, точно живое существо, старающееся удержаться на поверхности. Его изогнутый и разорванный пропеллер все еще продолжал вертеться в воздухе. Пламя вырывалось из разных мест вместе с облаками пара. Это была гигантская по своим размерам катастрофа. Корабль уносился потоком, точно остров или большая скала, катившаяся по воде и извергавшая дым и пламя. Он приближался к Бертю с ужасной быстротой. Один из азиатских кораблей, казавшийся снизу огромным куском паркета, повернул назад и несколько раз обогнул гигантский обломок, уносимый потоком. Несколько ярко-пунцовых летательных аппаратов покружились над ним, точно рой комаров, освещенных солнцем, а затем и они отправились к своим товарищам. Остальная часть битвы уже перешла за остров. Гул выстрелов и взрывов все не прекращался. Но битва была уже скрыта от Берта деревьями, да он уже и не думал о ней, весь поглощенный видом приближающегося к нему побежденного немецкого корабля. Что-то с страшным треском свалилось сзади Берта, ломая сучья, но Берт также не обратил на это внимания.

Можно было ожидать, что «Гогенцоллерн» будет окончательно разрушен в том месте, где течение водопада разделялось; в течение нескольких минут пропеллер «Гогенцоллерна», вспенивая воду, выбрасывал разные обломки на американский берег. Затем течение, направляю-

щеся к американскому водопаду, подхватило его, и в одно мгновение вся эта огромная, запылавшая еще в трех новых местах, масса понеслась на мост, соединяющий Козий Остров с городом Ниагарой и втиснулась в водоворот под центральной аркой. Раздался страшный треск: это взорвались средние камеры корабля; затем рухнул мост, и огромная масса «Гогенцоллерна», шатаясь, ринулась вперед, точно искалеченный гигант в лохмотьях, окруженный языками пламени. Достигнув гребня водопада, он остановился на мгновение, как будто раздумывая, и затем, сделав последний отчаянный прыжок, исчез в бурном потоке...*

Отделившийся от корабля передний конец застрял у маленького острова, называемого Зеленым Островом, который образует как бы каменный уступ между материком и группой деревьев на Козьем Острове.

Берт наблюдал эту катастрофу у водораздела в начале моста; потом, не обращая внимания на азиатские корабли, парившие над висячим мостом как какие-то громадные крыши, он бросился бежать к северу и забрался на скалу у Лунного Острова, отвесно поднимающуюся над американским водопадом. Там он остановился, едва переведя дух, среди вечного грохота и шума низвергавшегося потока, и смотрел, как вдали быстро мчался, кружась в потоке, какой-то предмет, похожий на огромный пустой мешок. В глазах Берта он олицетворял собой весь немецкий воздушный флот, Курта, принца, Европу, все, что до сих пор он считал прочным и устойчивым, тот порядок вещей, среди которого он жил, и те силы, которые казались ему непобедимыми. Теперь все это уносилось потоком, как пустой мешок, и весь видимый мир становился достоянием Азии, — желтой расы, стоящей вне христианского мира — достоянием чего то неведомого, страшного...

А там далеко, над Канадой, виднелись еще остатки сражающихся, которые, все удаляясь, постепенно исчезали из виду...

Глава IX.

На Козьем Острове.

1.

О скалу возле Берта щелкнула пуля, и это напомнило ему, что он находится на виду, и, кроме того, ведь на нем еще было надето кое-что из германской военной формы. Это заставило его снова искать прикрытия за деревьями. Точно цыпленок, старающийся спрятаться в траве от вообразимого коршуна, Берт кружил, полз, искал укромный уголок. — «Побеждены! Побиты... Китайцами!.. Прогнаны желтолицыми!» — шептал он.

Берт нашел, наконец, убежище в кустах вблизи маленькой, запертой на замок и брошенной лавочки. В этом месте деревья сходились своими вершинами: получалась пещера — и тихая гавань для Берта. Выстрелы прекратились, и, казалось, снова наступило спокойствие. Азиатский аэроплан, державшийся над висячим мостом, переменил свою позицию и теперь висел неподвижно над городом, бросая огромную тень на то место, где до этого происходила битва на суше. Чудовище казалось преисполненным спокойного достоинства и уверенности в себе. С кормы спускался длинный, развевающийся флаг, красный, черный и желтый, — флаг великого союза Восходящего Солнца и Дракона. Дальше к востоку, на более высоком уровне, висела в воздухе вторая эскадра. Берт настолько набрался храбрости, что даже высунул голову из-за кустов и, оглядываясь, увидел еще один воздушный корабль, в южной стороне неба.

— Боже мой!.. Побиты и прогнаны!.. — Боже мой! — шептал он.

Битва, как сначала казалось, происходила как раз над городом, где над развалинами одного из домов еще развевался немецкий флаг. Над электрической станцией еще висел белый навес, уцелевший, несмотря на все происшедшее. Опять раздался выстрел, и показались бегущие немецкие солдаты. Они исчезли среди домов. Потом яви-

лись два механика в синих блузах и штанах, преследуемые тремя японскими солдатами. Один из бежавших, опередивший своего товарища, был статный человек и бежал легко и скоро; другой толстый, маленький человек, как-то подпрыгивал, подскакивал, уперевшись руками в бок и откинув голову. Преследователи были в мундирах и темных касках из тонкого металла и кожи. Вдруг маленький человечек споткнулся, и Берт с содроганием увидел новый ужас войны...

Бежавший впереди японский солдат был в трех шагах от упавшего и только что хотел ударить его, когда тот вскочил и снова побегал. Они пробежали еще около двенадцати ярдов, и, наконец, японец ударил немца мечом, и до Берта по воде долетел звук, похожий на слабое мычание: толстый человечек упал. Посыпались удары на лежащего на земле человека, пытавшегося защищаться слабыми руками.

— О, я не могу! — простонал Берт, готовый разрыдаться.

Солдат ударил лежащего в четвертый раз и присоединился к товарищу, который преследовал быстрого механика. Третий преследователь, оставшийся позади, вдруг повернулся. Должно быть он заметил, что зарубленный шевелится, потому что опять подбежал к нему и снова ударил его мечом.

— О-о-о! — стонал Берт при каждом ударе и все глубже заползал в кусты, стараясь делать это как можно тише. Вдруг из города раздались выстрелы и затем все успокоилось, — даже госпиталь затих. Берт увидал: маленькие фигурки людей выходили из домов. Вкладывая свои мечи в ножны, они пошли к остаткам летательных машин, разрушенных бомбами. Другие явились с уцелевшими аэропланами, которые они катили на колесах так, как это делают с велосипедами, — вскакивали на свои аэропланы и поднимались на воздух. Вдали, на востоке, показались три воздушных корабля, которые шли вверх. Корабль, повисший над городом, спустился еще ниже и выбросил веревочную лестницу, чтобы снять людей с электрической станции.

Берт с таким же вниманием наблюдал дальнейшие события в Ниагаре, с каким кролик наблюдает за охотником. Он видел, как люди ходили от одного здания к другому и поджигали их. Он слышал целый ряд глухих взрывов в шахте электрической станции. То же самое происходило и на Канадском берегу. Между тем являлись все новые воздушные корабли и летательные аппараты, так что, в конце концов, Берту стало казаться, что тут собралась, по крайней мере, треть азиатского флота. Он наблюдал, притаившись в кустах, и видел, как они собирались вместе, выстраивались, подавали сигналы; подбирали людей и, наконец пустились в путь, в сторону заката, к сборному пункту всех азиатов. — над нефтяными источниками Кливилэнда. Они постепенно исчезали из виду, оставляя Берта одного, и, насколько он мог судить, он был единственным человеком, оставшимся среди разрушенного и опустевшего мира. Берт смотрел, как воздушные корабли становились все меньше и меньше и, наконец, их не стало видно. Но он все еще стоял и смотрел им вслед... «Господи!» — прошептал он, точно приходя в себя. Не только страх за себя лично, не только отчаяние овладели им, но ему казалось, что он видел закат своей расы.

2.

Берт не мог себе составить определенного представления обо всем, что с ним происходило. Все произошло помимо его воли, и его собственные усилия имели так мало значения, что он мог только оставаться совершенно пассивным зрителем. Он помнил, что его последним удовольствием была поездка на морской берег в качестве «дери-виша пустыни». Он собирался давать увеселительные представления, но судьба судила иначе. Она предназначала его для других дел и, перебрасывая с одного места на другое, в конце концов, посадила его на эту маленькую скалу между водопадами. Берт, однако, еще не сразу уяснил себе, что теперь-то ему уж нужно действовать самому. Ему казалось, что все должно кончиться так, как кончаются сновидения; что он снова вернется в тот мир,

где находится Грабб и Эдна и Бен Хилл; а этот не прекращающийся шум и сверкающий водопад исчезнут, словно отдернутая в сторону занавеска, скрывающая волшебный фонарь, и тогда Берт снова увидит старые, хорошо знакомые картины... Интересно будет порассказывать, как он побывал на Ниагаре! И вдруг ему пришли на память слова Курта: «Людей силою отрывают от близких, дома разрушаются, и существа, полные жизни, мыслей и способностей, разрываются на куски, гибнут от голода, истребляются...»

Берт, однако, не мог верить, что это так. Ему было слишком трудно представить себе это. Неужели Том и Джессика переживают такие же ужасы? Неужели маленькой зеленой лавочки уже нет больше на свете? Неужели Джессика не стоит больше за прилавком, любезно услуживая покупателям и переглядываясь с Томом, и не распоряжается больше отправкою из лавки товаров?

Берт тщетно старался вспомнить, какой теперь день. Все дни у него смешались. Может быть воскресенье? Если так, то «они» отправились в церковь, или... не прячутся ли и «они» так же, как он, в кустах? Что случилось с лэнд-лордом *), с мясником, с Беттериджем и со всеми остальными людьми, бывшими тогда на набережной в Даймчёрче? Берту было известно, что какая-то беда стряслась и над Лондоном. Бомбардировка? Но кто же подвергся ей? Неужели Том и Джессика так же вот бежали, преследуемые странными, смуглыми людьми с длинными, обнаженными мечами и злым взглядом? Берту представлялись самые разнообразные бедствия, которые могли их постигнуть, но одно не выходило у него из головы: достаточно ли у них пищи? Эта мысль прямо преследовала его. Если человек голоден, станет ли он есть крыс? Тут только Берт начал понимать, что не одно только патриотическое горе и тревога угнетают его: он страдает также и от голода. Да, он был голоден!

Пораздумав немного, он пошел к маленькой, запертой лавчонке у конца разрушенного моста. Не найдется ли там чего-нибудь поесть? Он попробовал отомкнуть дверь

*) Землевладельцем, помещиком.

при помощи своего перочинного ножа и какой-то палки. Наконец, ему удалось взломать одну ставню, и он заглянул внутрь. Прикрепив ставню, он влез в лавочку и принялся искать. Ему удалось найти несколько бутылочек стерилизованного молока, довольно много минеральной воды, две жестянки с печеньями, кусок старого черствого кэкса, папиросы в большом количестве, несколько высохших апельсинов, орехи, несколько жестянок фруктовых консервов и соленого мяса, затем целую кучу тарелок, ножей, вилок и стаканов. Был там, кроме того, и цинковый ящик, но Берт не мог оторвать висячего замка, запиравшего его.

— Во всяком случае, я не умру здесь с голода,—сказал он себе, осматривая припасы. Он уселся на место продавца и начал угощаться молоком и бисквитами.

— Какое спокойствие,—проговорил он, оглядываясь кругом,—и это после всего, что я испытал... Боже мой, какой это был день!.. Какой день!—Он начал с удивлением припоминать все события:—Бог мой! Какая битва! Бедняги все погибли, полетели вверх тормашками! Воздушные корабли, летательные машины—все!.. Хотел бы я знать, что случилось с «Цепелином»? А Курт? Какой это был славный парень!

Но тут он вернулся к действительности и занялся мясными консервами, отыскивая в лавке инструмент, чтобы открыть их.

3.

Подкрепившись пищей, Берт закурил папироску и несколько времени сидел задумавшись:—Хотел бы я знать, где теперь Грабб?... Думает ли кто-нибудь из них обо мне?... Ведь, пожалуй, мне придется посидеть некоторое время на этом острове?—сказал он.

Он старался успокоить себя, но тревога все сильнее овладевала им. Это была странная, неопределенная тревога, какую обыкновенно испытывает всякое социальное животное, находящееся в полном одиночестве. Она заставляла Берта беспокойно озираться кругом и, наконец,

чтобы дать исход этому тревожному состоянию, он решил заняться осмотром остальной части острова.

Мало-по-малу ему стали выясняться все особенности его положения. Он не сразу сообразил, что разрушение арки моста между Зеленым островом и материком совершенно изолировали его от остального мира. Только, когда он снова увидел носовую часть «Гогенцоллерна», лежащую, точно потерпевший крушение корабль, увидел разрушенный мост,—ему вдруг стало ясно, что произошло. Впрочем, все это не произвело на него особенно сильного впечатления. Это был только единичный факт среди множества других удивительных, совершавшихся помимо его воли, фактов. Некоторое время Берт смотрел на остатки «Гогенцоллерна», на разрушенные каюты и на лохмотья шелковой одежды корабля, но при этом он не думал о том, что внутри корабля еще могут быть живые существа. Все было разрушено и перевернуто вверх дном. Берт стал разглядывать вечернее небо. Вдали показалась тучка, но ни одного воздушного корабля не было видно. Мимо пролетела ласточка, гоняясь, очевидно, за какой-то невидимой добычей.

— Точно сон,—прошептал Берт.

Некоторое время его мысли были заняты потоком.

— Шумит,—сказал он.—Всегда шумит... вечно!

И опять задумался о себе.

— Что же я-то буду делать теперь?—спрашивал он себя с недоумением.

Он с отчаянием воскликнул:

— То-есть ни малейшего представления!

Он помнил только одно, что еще две недели тому назад он находился в Бен Хилле, и даже в мыслях у него не было отправиться путешествовать. А теперь он стоит между водопадами Ниагары, среди страшного опустошения и развалин, после величайшей битвы в мире; в этот промежуток времени он успел пересечь Францию, Бельгию, Германию, Англию, Ирландию и множество других стран! Конечно, это был занимательный предмет для разговора и размышлений, но пользы от этого—не было.

— Как мне выпутаться из этой истории... Как?—спрашивал себя бедняга.—Что, если нет другой дороги?

Тогда...—Этот мост был своего рода ловушкой для меня,—решил он.—Но все же лучше не попадаться на глаза японским молодцам. Они, конечно, не поцеремонятся и живо перережут мне горло. Конечно!

Берт повернул назад к Лунному Острову. Долгое время он стоял, задумавшись, и разглядывал Канадский берег и развалины отелей, домов и свалившиеся деревья парка Виктории, позолоченные теперь лучами заката. Нигде не видно было ни души среди этой картины разрушения. Потом он вернулся к американской стороне, прошел мимо алюминиевых обломков «Гогенцоллерна» к зеленому островку и начал рассматривать взорванный мост и бурлившую под мостом воду. В стороне Буффало все еще виднелись клубы дыма, и дома возле Ниагарской железнодорожной станции ярко горели. Все было покинуто, и все было спокойно. Какой-то небольшой, очевидно брошенный—предмет лежал на поперечной дорожке, между городом и большою дорогой. Это была куча платя, откуда выглядывали раскинутые в стороны ноги.

— Обойдем кругом,—сказал себе Берт. На дорожке, идущей посредине острова, он увидел обломки двух азиатских аэропланов, которые потерпели крушение во время битвы с «Гогенцоллерном». Около одного из них лежал и погибший аэронавт.

Очевидно, этот летательный аппарат полетел вертикально вниз и с силою ударился о группу деревьев, поломав ветви. Его согнутые и сломанные крылья и части остова торчали среди поломанного леса, а передняя часть зарылась в землю; за несколько ярдов от этого места головою вниз висел среди ветвей и листьев желтолицый аэронавт: Берт увидел его только тогда, когда уже был довольно далеко от аэроплана. В сумеречном свете,—солнце уже закатилось,—и среди окружающей тишины, как-то особенно жутко было видеть желтое лицо мертвеца, висящего вниз головой. Конец сломанной ветви проткнул ему грудь, и он повис, все еще держа в окоченевшей руке свое легкое ружье.

Берт тихо стоял и смотрел на мертвеца. Наконец, он отошел в сторону, но все оглядывался назад, идя по дороге.—«Господи!»—прошептал он.—«Вот не люблю по-

койников! Пожалуй, было бы даже приятнее, если бы этот парень был жив!»

Идти дальше по этой тропинке, где висел китаец,— Берт не решился. Ему было неприятно оставаться в лесу, он поспешил выбраться поближе к водопаду, в шуме которого была хоть какая-нибудь жизнь. По дороге Берт наткнулся на другой аэроплан, почти не поврежденный. Этот аэроплан имел такой вид, как будто опустился на землю для отдыха, и лежал на боку. Одно из крыльев его торчало в воздухе. Около него не было ни живого, ни мертвого аэронавта: аэроплан казался просто покинутым здесь, на берегу, около воды, журчавшей вокруг его длинного хвоста.

Берт простоял несколько времени возле этого аппарата, смотря на ступающие тени между деревьями и невольно ища глазами, нет ли где-нибудь китайца, живого или мертвого. Затем он очень осторожно подошел к аппарату и долго рассматривал его широко раскинутые крылья, огромный штурвал и пустое седло. Но пригнуться к нему не решился.

— Только бы не оказалось здесь еще такого же желтолицего!—прошептал Берт. Тут он увидел какой-то странный предмет, раскачивавшийся в воде, около камней. Течением его прибивало к берегу. Когда Берт увидел это, его как-то невольно повлекло подойти ближе.—Что бы это могло быть?—подумал он.—Вероятно, другой аэронавт, подстреленный в воздухе и выпавший из седла...

Берт попробовал не смотреть и отойти подальше, но его неудержимо тянуло. Вдруг ему пришло в голову, что он бы мог оттолкнуть подальше в поток это мертвое тело какой-нибудь палкой или веткой. Все-таки одним мертвецом будет меньше на острове! Некоторое время он колебался, но какое-то странное волнение овладело им, и, чтобы успокоиться, он прошел в кусты и, вырезав палку, вернулся к берегу. В это время солнце уже близилось к закату, в воздухе появились летучие мыши. Берт вскарабкался на скалу, около которой течение образовало водоворот. Он сильно вспотел от усилий, стараясь палкой достать плавающий труп. Долго это ему не удавалось, наконец, он зацепил мертвеца за платье. Когда Берт стал

обводить труп вокруг скалы, чтобы спустить вниз по течению, солнечный луч вдруг заиграл в последний раз в золотистых волосах. И Берт узнал: это был Курт!

Ошибки не могло быть. Курт лежал с побелевшим и совершенно спокойным лицом. Поток подхватил его, и он вытянулся, как будто готовясь к отдыху. Чувство бесконечной тоски охватило Берта, когда тело Курта исчезло из виду.

— Курт!—закричал он в отчаянии.—Курт! Я не хотел этого! Не покидайте меня! Не оставляйте меня здесь одного!

Чувство одиночества и безнадежности еще сильнее овладело Бертом. Он не мог больше сдерживаться и зарыдал, как дитя. Как будто порвалась какая-то связь, соединяющая его с остальным миром. И он был испуган и чувствовал себя несчастным, как покинутый ребенок в пустой комнате.

Сумерки сгущались. Между деревьями потянулись длинные тени, и все предметы кругом казались теперь какими-то странными, прозрачными, точно во сне.

— О Господи! Я не перенесу этого!—шептал Берт.—Он вернулся на лужайку и лег на траву. Вдруг мысль о гибели Курта с новою силой овладела им. Курт, такой добрый, хороший, принимавший в нем такое участие! Нет его больше! Глубокая жалость сжимала сердце, и Берт, задыхаясь от рыданий, бессильно колотил кулаком в землю.—Война, безумная, проклятая!—кричал он.—Курт! Курт!.. Что я сделал? У меня все было... Я имел больше, чем нужно... И вот! Мир никуда не годен, нет смысла жить... Ночь приближается... Если он придет за мной? Нет, этого не может быть, он не может прийти за мной!.. А если? Тогда я брошусь в воду...

Немного успокоившись, он снова заговорил шепотом:

— Пугаться нечего. Все это одно воображение. Бедный Курт! У него было предчувствие... Он не сказал мне, кто была его девушка, и не дал мне письма к ней... Он, ведь, говорил мне: «Людей насильственно разлучают с теми, кто близок и дорог их сердцу»... Так и вышло... Вот и я здесь, за тысячу верст от Эдны, Грабба и вообще всех моих близких. Точно растение, вырванное с корнем!

Такова всякая война, только я этого не понимал до сих пор... Всегда было так. Сколько погибало людей! И никто как будто не понимал, не чувствовал этого... Никому не приходило в голову положить этому безумию конец. Ведь войну считали прекрасной! О, Господи! Милая, дорогая Эдна! Славная она была девушка! В это время мы с ней катались на лодке, в Кингстоне... Нет, я уверен, что увижусь с ней! Я хочу ее увидеть! Не моя будет вина, если этого не случится!

4.

Как раз в тот момент, когда Берт успокоил себя таким решением, он вдруг услышал какой-то шорох в траве и остолбенел от ужаса. По траве что-то ползло по направлению к нему. Он ясно слышал это и видел: в темной траве что-то шевелилось—и все ближе, все ближе. Ночь была полна ужасов. У Берта замерло сердце. Неужели это... Нет, это что-то очень маленькое...

Вдруг что-то подпрыгнуло в траве, послышалось слабое мяуканье. Маленький котенок, подняв хвост, бросился к Берту и, прижавшись к нему головой, замурлыкал.

— О, Господи!—воскликнул Берт.—Котенок? Но как же он напугал меня!..

На лбу у Берта выступили капли холодного пота.

5.

Берт просидел всю ночь, прислонившись спиной к дереву и держа на руках котенка. Он устал и уже не мог больше ни говорить, ни связно думать. Под утро он задремал.

Когда он проснулся, руки и ноги у него одеревенели от неловкого положения, но все же он чувствовал себя бодрее. Котенок сладко спал, спрятавшись к нему под куртку. Страх, который Берт испытал накануне, испарился, вместе с ночной темнотой.

Берт гладил котенка, который прижимался к нему и мурлыкал.

— Молочка хочешь, а?—сказал Берт.—Да я и сам не прочь закусить.—Он зевнул и потянулся. Котенок уселся

к нему на плечо, видимо, очень довольный. Берт гладил его, стараясь припомнить все обстоятельства предшествующего дня, все ужасные события...

— Надо что-нибудь предпринять,—решил он.

Он пошел по направлению к роще и снова остановился перед мертвым аэронавтом; котенок все сидел на плече у Берта. Мертвец был ужасен, но уже не до такой степени, как это показалось Берту в сумерках. Окопение уже стало проходить, рука мертвеца разжалась, и он выпустил ружье: ружье лежало в траве.

— Думаю, нам надо его похоронить, киска?—сказал Берт и безнадежно посмотрел на каменистую почву.—Придется нам остаться с ним на острове...

Он решил идти к лавочке, где хранилась провизия.—Сперва позавтракаем!—обратился Берт к котенку; котенок повернул к Берту свою пушистую мордочку и ласково терся о щеку Берта.—Хочешь молочка, а?—спросил Берт и повернулся спиной к мертвецу, как будто мертвец уже перестал интересоваться его.

Берт был очень удивлен, найдя дверь в лавочку открытой. Он очень хорошо помнил, что запер ее накануне и даже защелкнул замок. Кроме того, он нашел в лавке несколько грязных тарелок, которых раньше не видел. Он заметил также, что замок жестяного ящика был отвинчен, чего не было накануне.

— Что это?—подумал он.—Ведь вчера я никак не мог открыть замок. Я ничего этого не заметил.

Прежде этот ящик, вероятно, был ледником, но в нем уже ничего не было кроме остатков нескольких вареных цыплят, да какого-то странного вещества, которое раньше, вероятно, было маслом, а теперь издавало очень неаппетитный запах.

Берт тщательно закрыл крышку ящика, потом налил молока в грязную тарелку и дал котенку. Усевшись на стол, Берт наблюдал, как быстро работал маленький, тоненький язычок котенка. Затем Берт решил составить инвентарь всему, что было в лавке. Там оказалось шесть нераскупоренных бутылок молока и одна раскупоренная, шестьдесят бутылок минеральной воды, большой запас

сиропов, около двух тысяч папирос, более сотни сигар, девять апельсинов, две нераскупоренные жестянки мясных консервов и одна раскупоренная, две жестянки с бисквитами, одиннадцать сухих кэксов, полная корзина орехов и пять больших жестяных ящичков с калифорнийскими персиками. Он все это записал на клочке бумаги.

— Положим, пища не очень солидная, — подумал он. — Но все-таки! На две недели хватит! Ведь что-нибудь должно же произойти в течение двух недель!

Он дал котенку еще порцию молока и кусочек мяса, и, когда тот насытился, Берт пошел посмотреть на останки «Гогенцоллерна». Котенок бежал за Бертом очень довольный, держа хвост трубой.

За ночь останки корабля изменили свое положение и как будто еще плотнее засели на берегу Зеленого острова. От этих останков взоры Берта обратились к разрушенному мосту и оттуда к опустевшему и разрушенному городу Ниагара. В городе никакого движения не было заметно, и только вверху кружилась стая воронов. Они опустились к телу инженера, который был зарублен на глазах Берта накануне. Собак не было видно, но Берт слышал их вой.

— Надо нам отсюда выбраться как-нибудь, не правда ли, киска? — сказал Берт. — Молока этого надолго не хватит, особенно, если ты будешь лакать его в таком количестве.

Он взглянул на поток и подумал: — «Воды здесь достаточно. Во всяком случае, нет риска погибнуть от жажды».

Берт решил хорошенько исследовать остров. Пройдя некоторое расстояние, он наткнулся на запертые ворота, на которых была дощечка с надписью: «Платная лестница». Он перелез через ворота и увидел старую деревянную лестницу, которая спускалась около скалы, среди все возрастающего грохота вод. Берт оставил котенка наверху, а сам спустился вниз. Трепет надежды охватил его, когда он увидел тропинку между скалами у подножия кипящей стремнины центрального водопада. Может быть, тут был выход!

Однако, этот путь привел его только к Пещере Ветров. Проведя около четверти часа среди оглушительного шума

между скалой и сплошной завесой водопада, Берт решил, что это совсем удобный путь в Канаду, и поэтому вернулся назад. Взираясь по лестнице, он слышал странный звук, похожий на звук шатов по гравию, но решил, что это, должно быть, нечто вроде эхо. Наверху все было так же пустынно, как и раньше.

Сопровождаемый котенком, который бежал за ним в траве, Берт дошел до другой лестницы, ведущей к скалам около водопада Подковы, и долго простоял там, глядя на воду. — «Трудно представить себе, откуда берется такая масса воды?» — думал Берт. — «Этот шум просто действует на нервы. Тут слышится все звуки: как будто кто-то говорит, кто-то ходит... словом, вы слышите все, что угодно!»

Он повернул назад и начал взбираться по лестнице, мрачно размышляя: — «Мне только и остается, что ходить кругом этого благословенного острова. Кругом, кругом и кругом...»

Теперь Берт опять очутился вблизи азиатского аэроплана, получившего лишь небольшие повреждения и пристально разглядывал его, а котенок обнюхивал. Вдруг Берт невольно вскрикнул: — Боже мой! — и остановился пораженный. Из-за деревьев к нему медленно приближались две высокие, худые фигуры, потемневшие и забинтованные. Шедший позади прихрамывал, и голова у него была перевязана чем-то белым. Но тот, который шел впереди, все-таки продолжал держать себя с достоинством, какое подобает принцу, хотя левая рука была у него на перевязи, а половина лица была обожжена и багрового цвета. Это был, действительно, принц Карл-Альберт, повелитель войны, «Немецкий Александр Македонский», а шедший позади — тот самый офицер с птичьей физиономией, который когда-то вынужден был уступить свою каюту Берту.

6.

С появлением этих двух новых лиц положение Берта на Козьем Острове изменилось. Он перестал быть един-

ственным представителем человечества среди опустевшего и непонятного ему мира и снова превратился в социальное существо, в человека, живущего среди других людей. В первое мгновение он ужаснулся при виде их, но затем они показались ему желанными, как братья. Ведь и они находились в таком же трудном положении, как и он, так же были одиноки и не знали, что делать. Берту очень хотелось расспросить их обо всем. Что за дело ему до того, что один из них—принц, и что оба—принадлежат к чужеземным войскам, и что ни один из них не был силен в английском языке! Прирожденное чувство свободы слишком сильно говорило в Берте в эту минуту; притом же и азиатский флот уничтожил все социальные различия.

— Алло!—крикнул Берт.—Как вы попали сюда?

— Это тот самый англичанин, который доставил нам машину Беттериджа,—сказал офицер по-немецки и затем, сделав шаг к Берту, крикнул:—Честь...—и потом повторил еще громче:—Отдай честь!

— Чорт возьми!—вырвалось у Берта, но тем не менее он повиновался и неловко отдал честь. Но с этого мгновения он стал держаться настороже и совместная работа с ним—стала невозможна.

Несколько минут эти два современных аристократа высшей марки, смотрели с недоумением на стоящего перед ними англо-саксонского гражданина, который не поддавался военной муштровке. Берт, без сомнения, был для них великолепным объектом, но они чувствовали в нем какое-то необъяснимое сопротивление. Он был попрежнему одет в свой дешевый синий саржевый костюм, теперь уже сильно поистрепавшийся, и эта небрежность в одежде придавала ему весьма дерзкий вид. Дерзкое выражение еще более усиливалось заломленной на затылок белой германской фуражкой, слишком большой для его головы. На ногах у Берта были высокие резиновые сапоги, отданные ему после убитого немецкого аэронавта. Оба немца видели в нем подчиненного, но такого, с которым нелегко будет справиться, и поэтому инстинктивно ненавидели его.

Принц указал ему на летательную машину и что-то сказал на ломаном английском языке. Берт, думая, что он говорит по-немецки, не понял его.

— Дурак!—проговорил по-немецки офицер.

Принц указал здоровой рукой на аэроплан и спросил еще раз:

— Вы понимаете устройство этого летающего тракона?

Берт сообразил, в чем дело. Он посмотрел на азиатскую летательную машину и тотчас же вспомнил свою деятельность в Бен Хилле.

— Это иностранная работа,—сказал он лукаво.

Оба немца начали совещаться.

— Вы знаете это дело?—спросил принц Берта.

— Да, нам случалось делать ремонт,—отвечал Берт, вспомнив при этом Грабба.

Приискивая английские слова, принц снова обратился к нему:

— Годится для полета?—спросил он.

Берт глубокомысленно потер подбородок.

— Надо взглянуть,—сказал он.—С машиной неумело обращались.

Берт свистнул, подражая Граббу, и, засунув руки в карманы штанов, пошел к аппарату. Грабб обыкновенно еще жевал что-нибудь при этом, но Берту нечего было жевать.

— Три дня работы,—процедил он сквозь зубы. Но у него сейчас же явилась мысль, что этой машиной можно воспользоваться. Было ясно, что крыло, лежащее на земле, попортилось. Три ребра, удерживавшие его в натянутом состоянии, согнулись, стукнувшись о край скалы; вероятно, и машина сильно попорчена. Крючок на этом крыле тоже согнулся, но это могло и не мешать полету. Кроме этого, пожалуй, не было других, более серьезных повреждений. Берт снова потер подбородок и, окинув взором широкую, залитую солнцем, площадь водопада, сказал:—Мы попробуем это исправить... Предоставьте это мне.

Он намеренно долго рассматривал аэроплан, а принц и офицер наблюдали за ним. В Бен Хилле, и он и Грабб широко практиковали способ замены попорченных частей велосипедов другими, взятыми от запасных велоси-

педов. Такой велосипед, который уже не годился для проката, все-таки представлял для них капитал, так как в нем они имели запас всяких винтов, колес и цепей, которые были нужны для починки. Теперь Берт решил применить эту систему и к поломанному аэроплану. Ведь за деревьями лежал другой аэроплан, от которого можно было кое-что взять.

Котенок продолжал ласкаться к Берту, пока он рассматривал аэроплан.

— Почините этот летающий дракон,—сказал принц.

— Если я даже исправлю его,—возразил Берт, которому вдруг пришла в голову новая идея,—то ведь никто из нас не может летать на нем.

— Я полечу,—объявил принц.

— По всей вероятности, для того, чтобы сломать себе шею!—сказал Берт.

Принц не понял его и потому оставил без ответа замечание Берта. Он указал рукой в перчатке на летательный аппарат и что-то сказал офицеру по-немецки. Офицер ответил, и принц опять заговорил, делая величественные жесты и указывая на небо. Повидимому, он говорил очень красноречиво. Берт наблюдал за ним, стараясь понять, что такое он говорит.

— Очень вероятно, что вы сломаете себе шею,—повторил Берт.—А, впрочем... Посмотрим...

Берт начал копаться в машине и седле аппарата, разыскивая инструменты, необходимые для починки. Кроме того, он вспомнил, что он и Грабб всегда были выпачканы сажей, когда занимались починкой. Это было правилом. Значит и ему надо было выпачкать себе лицо и руки, иначе дело не пойдет. Он снял свою куртку и, сдвинув шапку на затылок, принялся за работу.

Принц и офицер, повидимому, намеревались наблюдать за Бертом. Но все же ему удалось отделаться от них. Он дал им понять, что это мешает работе, и что ему надо «поразмыслить немного», прежде чем приступить к делу. Опыт, приобретенный им в лавке, научил его, как обращаться с людьми и внушать им уважение к себе, как к опытному человеку. Так вот, Берт и заставил принца и офицера удалиться. Оставшись один, Берт отправился ко

второму аэроплану, достал из него ружья и амуницию и спрятал их по-близости в кустах крапивы.—«Так-то лучше»,—сказал сам себе Берт и принялся после этого тщательно исследовать обломки крыльев между деревьями. Потом он опять подошел к другому аэроплану и стал их сравнивать между собой. Метод, которому он следовал в Бен Хилле, был очень прост и мог быть применен в данном случае, если не встретится ничего непонятного в устройстве машины и поломка не окажется совершенно неисправимой.

Когда немцы вернулись, Берт уже был весь выпачкан в саже и с видом знатока исследовал разные винтики, шарик и рычаги. Офицер попробовал было вмешаться и сделать ему кое-какие замечания, но Берт решительно отвел его рукой, сказав:

— Не понимаю. Так не годится. Не мешайте!—Затем вдруг он, как будто вспомнив что-то и указав большим пальцем через плечо, заметил офицеру:—Мертвеца, вот там, надо похоронить!

7.

С появлением этих двух людей вселенная в глазах Берта приняла новый вид. Словно завеса опустилась перед ним и открыла те страшные опустошения и разрушения, которые так потрясли его сначала. Теперь он все же находился среди людей. Правда это был крошечный мир из троих человек, но все же этот мир вызывал у Берта более энергичную работу мысли. У него появились новые идеи, схемы и смелые планы. Прежде всего его занимал вопрос, что эти господа думают о нем и что они намерены делать. Берт возился с азиатским аэропланом, а в голове у него работа шла своим чередом, новые идеи зарождались и поднимались на поверхность, точно пузырьки газа в содовой воде.

— Господи!—воскликнул он; вдруг в эту минуту ему пришла мысль о вопиющей несправедливости судьбы. В самом деле, эти два человека остались живы, а Курт погиб. Вся команда «Гогенцоллерна» была уничтожена, спорела, была перебита, утонула, и только эти двое.

скрывавшиеся в передней каюте, обитой подушками, уцелели!—Счастливая звезда спасла их,—прошептал Берт и отглянулся на этих удачников. Они стояли рядом и наблюдали за ним —Нечего смотреть на меня!—сказал он.—Вы только сбиваете меня.—Но видя, что они его не понимают, он подошел к ним, держа отвертку в руках. При этом ему в первый раз бросилось в глаза, какой огромный и мощный человек принц. Принц взирал на все с невозмутимым видом. Берт подошел к нему и сказал, указывая на группу деревьев:—Там мертвец.

Офицер вмешался и что-то возразил ему по-немецки. Берт снова повторил:—Мертвец... там!

С превеликим трудом удалось ему обратить их внимание на мертвого китайца; в конце концов, пришлось просто привести их к этому месту. Однако, они все же порешили, что именно Берт как низшее лицо, должен оттащить это мертвое тело и сбросить его в поток; эта привилегия, несомненно, принадлежала Берту... После жаркого спора, выражавшегося, главным образом, в жестах, офицер, наконец, решился унизиться настолько, чтобы помочь Берту: одному Берту—было не справиться. Вдвоем они вытащили теперь уже раздувшийся труп азиата из ветвей и потащили к берегу. Там, они немного отдохнули, тащить было очень тяжело; затем сбросили мертвеца в поток. Берт вернулся к своей работе, ощущая боль в руках и глухое раздражение в душе.

— Негодяи!—шептал он.—Они и в самом деле принимают меня за одного из своих подлых немецких рабов! Бродяги—а туда же важничают...

Принявшись снова за работу над летательной машиной, он стал раздумывать о том, что будет, если ему все-таки удастся починить ее...

Оба немца ушли. Поразмыслив немного, Берт отвернул кой-какие гайки и, надев куртку и жилет, положил гайки в карман, вместе с частью инструментов. Остальные инструменты, взятые с другого аэроплана, он запрятал среди деревьев.—«Великолепно!»—сказал он сам себе, приняв все эти предосторожности. Когда вернулся принц со своим спутником, Берт уже был на месте, возле аэроплана. Принц несколько минут смотрел на его работу.

потом отправился к водоразделу и долго стоял там, сложив руки и в раздумьи глядя на поток.

Офицер вернулся к Берту и сказал ему по-английски, помогая себе жестами:

— Ступай, поешь!

Когда Берт пришел в лавочку, то увидел, что весь запас провизии оттуда исчез. Оставлена была только небольшая порция мясных консервов и три бисквита. Несколько минут Берт стоял разинув рот. Котенок, почуявший Берта, вышел из за прилавка и начал вкрадчиво мяукать.

— Ах да!—сказал Берт.—Тебе ведь надо дать молочка. Но где же оно?

Собравшись с духом, он, наконец, взял тарелку в одну руку, а бисквиты в другую и пошел отыскивать принца, извергая целый поток ругательств. Завидев принца, он подошел к нему и, не отдавая ему чести, гневно указал ему на тарелку и крикнул:

— Это что значит? Чорт возьми!

Произошло крайне неудовлетворительное объяснение и спор. Берт изложил им свой взгляд на их поведение по-английски, а офицер говорил ему по-немецки о нациях и дисциплине. Наконец, принц, повидимому, оценивший в это время физическую силу Берта, схватил его за плечи и так тряхнул, что у Берта только в карманах зазвенело; потом, крикнул что-то Берту и швырнул его в сторону. Словом, он ткнул его так, как будто Берт был немецкий солдат. Берт был возмущен до глубины души. Его простые обыденные понятия о чести были задеты, и он решил, что отомстит принцу, во что бы то ни стало.—«Господи!»—прошептал он, задышав и застегивая свою куртку.

— Ну!—крикнул принц.—Уйдешь ли ты?—И вдруг бросив героический взгляд на Берта, он выхватил шпагу из ножен.

Офицер вмешался и что-то сказал ему по-немецки, указав на небо.

Там, далеко на юго-западе, показался японский воздушный корабль, который несся прямо на них. Это неожиданное обстоятельство закончило конфликт. Принц,

первый, понял, что надо отступать. Все трое, как кролики, бросились в кусты, ища прикрития и, наконец, залезли в углубление, где росла высокая трава, которая могла совершенно закрыть их. Там они долго сидели на расстоянии нескольких аршин друг от друга и, прячась в траве, украдкой из-за ветвей, следили за воздушным кораблем. Берт разрывал во время бегства мясные консервы, но бисквиты остались у него в руке, и он спокойно жевал их. Воздушное чудовище пронеслось над ними, затем направилось к Ниагаре и опустилось над мастерскими электрической силы. Пока корабль находился вблизи, они молчали; когда же он удалился, все трое сразу заговорили. Спор возобновился, и если не произошло настоящего взрыва, то только вследствие того, что они не понимали друг друга.

Собственно, начал говорить Берт, и он говорил, не обращая внимания на то, понимают ли его или нет. Но, повидимому, тон Берта выдал его враждебные намерения.

— Вы хотите, чтоб я исправил эту машину?—крикнул он.—Тогда вам лучше было не трогать меня!

Но так как немцы не обратили внимания на его слова, то Берт разразился грозною речью:

— Вы думаете, что, раз я вам попался, так вы можете меня бить, как вы бьете своих солдат? Ошибаетесь! Довольно с меня ваших харь! Я теперь понимаю, что вы такое, вы и все ваши, и ваша война, и ваша империя, и вся подобная вам дрянь! Да, это все вы наделали; это немцы навлекли на Европу все эти беды. И все из-за ничего, из-за пустого хвастовства! Оттого только, что вы носите мундиры и у вас есть флаги! А я... Я не имел ни малейшего желания встречаться с вами. Я нисколько не дорожу вами. А вы меня схватили, можно сказать, похитили, и вот я теперь за тысячу миль от своего дома и от всех близких, а ваш дрянной флот изорван в доску! Ну, чтож, будете вы теперь хвастаться, а? Не думаю! Посмотрите-ка, что вы наделали! Как вы разрушили Нью-Йорк, сколько людей вы перебили, какие вы произвели опустошения! Что? Это не научило вас?

— Дурак!—сказал вдруг офицер, влобно глядя на Берта из-под повязки.—Осел!—прибавил он по-немецки.

— Я знаю, что это означает по-немецки: глупый осел!—заметил Берт.—Но я бы хотел знать, кто из нас глупый осел, вы или я! Когда я был мальчишкой, то любил читать дешевые книжки о разных удивительных приключениях и всегда представлял себе, что я командир, и разные подобные глупости. Но я давно уже запрятал эти книжки. А у вас что в голове? Всякая ерунда! Наполеон, Александр Македонский, священная династия принца, и сам он, Бог и Давид и все такое... Всякий человек, если только у него голова не набита такими глупостями, как у принца, предсказал бы, что так и должно было случиться! У нас в Европе шесть или семь держав, с глупыми флагами и глупыми газетами, натравливают нас друг на друга и мешают нашему объединению. А вот перед нами Китай, плотный, как сыр, с многими миллионами людей, которым нужно только немножко знаний и предприимчивости, чтобы быть такими же, как мы. Вы все думали, что им не достать вас. Но вот они изобрели летательные аппараты, и тут как тут! Чтож! Когда они в Китае еще не умели делать пушек и организовать войско, то вы до тех пор наседали на них, пока они не научились. Они должны были дать нам этот урок—и дали. Мы бы не успокоились до тех пор. И вот, мы теперь—здесь!

Офицер крикнул Берту, чтобы он замолчал, и начал что-то быстро говорить принцу.

— Я британский гражданин,—отвечал Берт.—Вы можете меня не слушать, но я вовсе не обязан молчать, когда вы приказываете...—И он продолжал развивать свои идеи относительно империализма, милитаризма и международной политики, но его раздражал разговор принца с офицером, и некоторое время он только повторял разные бранные эпитеты, старые и новые: «хвастливые бродяги», и прочее в этом роде. Однако, вдруг вспомнив свою главную беду, Берт снова с ожесточением спрашивал их, куда девались съестные припасы.—Они были в лавке,—говорил он.—Кто же их взял оттуда—вот что я желал бы знать!.. Куда вы их припрятали?

Он замолчал, а они продолжали разговаривать по-немецки, не обращая на Берта ровно никакого внимания.

Он повторил вопрос во второй и, наконец, в третий раз, придав ему особенно вызывающий характер.

Наступило напряженное молчание. В течение нескольких секунд все трое смотрели друг на друга. Принц не опускал своих смелых глаз с Берта, который точно сжегся под этим пристальным взглядом. Принц встал, и офицер тотчас же подскочил к нему. Берт продолжал сидеть на корточках.

— Смирно!—крикнул ему принц.

Оба немца уставились на скорчившегося Берта, и казалось, смерть витала над его головой. Берт понял, что теперь было не время для его красноречия. Затем принц повернулся и вместе с офицером пошел к летательному аппарату.

— Господи!—прошептал уничтоженный и возмущенный Берт. Еще несколько минут он просидел на корточках, потом вскочил и побежал в кусты, где у него было спрятано ружье китайца.

8.

После этого столкновения, конечно, не могло быть и речи о том, что Берт находится под начальством принца, и о том, чтобы Берт продолжал починку летательной машины: за это взялись оба немца. Берт же притаился по соседству за скалой и принялся рассматривать свое новое оружие. Это было короткоствольное ружье с полным запасом патронов. Он очень осторожно вынул и исследовал механизм ружья, пока, наконец, не убедился, что сумеет обращаться с ним. Тогда он тщательно зарядил его. Но тут Берт опять вспомнил, что голоден, и отправился с ружьем в руках к лавочке. Он бродил около лавочки, сознавая, что ему нельзя показываться на глаза принцу и его адъютанту с этим ружьем в руках: пока они считают его безоружным, они не тронут его, но неизвестно, что этому Наполеону взбредет в голову, когда он увидит Берта с ружьем в руках. Впрочем, Берт и сам не хотел приближаться к ним, так как не мог поручиться за себя. В душе его кипела ярость, и он готов был убить их. Да, он хотел бы убить их, но в то же время думал,

что это будет ужасно. В его душе происходила борьба двух начал его неустойчивой цивилизации.

Котенок все вертелся около лавочки, очевидно, ожидая молока, что еще более разжигало голод Берта. Он не мог больше сдерживаться и разразился опять грозною речью против войны, гордости и империализма.

— Всякий другой принц, не такой, как вы, погиб бы вместе со своею командой и своим кораблем!—крикнул он.

Немцы, занятые работой, слышали его голос, который доносился к ним вместе с шумом воды. Глаза их встретились; немцы слегка улыбнулись.

Берт хотел сначала засесть в лавочке и там подождать их прихода. Но ему вдруг пришло в голову, что тогда придется вступить с ними в бой. Не желая этого, он отправился к Лунному Острову и, спрятавшись там, начал обдумывать свое положение.

Сначала ему все казалось очень просто, но, по мере того, как он прикидывал в уме разные возможности, положение представлялось ему все сложнее и сложнее. У них были шпаги, это так,—но были ли у них револьверы? Притом же, если он убьет их обоих, то все равно не найдет спрятанных ими съестных припасов! Пока он разгуливал с ружьем в руке и не попадался им на глаза, он чувствовал себя в полной безопасности, но ведь они могли устроить засаду и подстеречь его. На острове можно было найти прикрытие на каждом шагу, местность была неровная, и остров был покрыт почти сплошь скалами и густыми зарослями.

— Отчего не пойти и не убить их обоих?—подумал Берт. Но тут же решил, что не может этого сделать. «Не могу. Не вынесу этого»...

Однако, ему стало ясно, что он не должен спускать с них глаз ни в каком случае. Он должен видеть, что они делают, проследить, есть ли у них револьверы, и куда они припрятали пищу. Надо было узнать также, что они намерены сделать с ним. Если он не выследит их, то они выследят его. Это было совершенно ясно. Поэтому он осмотрел свой костюм и сбросил в воду свой воротник и белую шапку воздухоплавателя, которая слишком резко

бросалась в глаза. Затем поднял вверх воротник куртки, чтобы не выглядывала грязная рубашка. Инструменты и гайки, которые лежали у него в кармане и своим громыханьем могли выдать его,—он обернул носовым платком и письмами. Он подвигался в кустах осторожно и бесшумно, прислушиваясь к каждому шороху. Треск и какое-то брюзжание выдавали ему близость его врагов. Он увидел, что они точно вступили в рукопашную с азиатской летательной машиной. Они сняли верхнее платье, положили на землю шпаги и усердно работали. Повидимому, они хотели повернуть аэроплан, но это было трудно, так как длинный хвост аппарата запутался между деревьев. Берт прижался к земле,—немцы были уже совсем близко,—и осторожно пополз в маленькое углубление, где он мог лежать спокойно и следить за всеми их движениями. Иногда, для препровождения времени, он прицеливался в них из ружья, но не стрелял.

Берт с большим интересом наблюдал их работу, и временами даже у него являлось желание закричать и дать им какой-нибудь совет. Он догадывался, что, как только они перевернут машину, им тотчас же понадобятся инструменты и гайки, которые были у него спрятаны. Тогда они, конечно, пойдут его разыскивать. Немцы поймут, что эти предметы должны быть у него, или, что, во всяком случае,—он их припрятал. Не спрятать ли ему и ружье и не попытаться ли добыть с'естных припасов взамен этих инструментов? Но расстаться с ружьем Берт не решался: с ружьем в руках он чувствовал себя в большей безопасности. Котенок все время вертелся около Берта, заигрывал с ним, лизал его щеки и кусал за уши.

Солнце подвигалось к полудню. Взглянув на небо, Берт увидел азиатский воздушный корабль, быстро удалявшийся к востоку; хотя немцы и не видали этого.

Наконец, летательный аппарат был перевернут и стоял теперь на колесах, носом к порогам реки. Оба немца вытерли пот с лица, надели верхнее платье и шпаги и разговаривали между собой с таким видом, точно поздравляли друг друга с успехом. Потом они быстро двинулись по направлению к лавочке. Принц шел впереди. Берт последовал за ними, но он не мог идти так же быстро, как

немцы: ему надо было соблюдать большую осторожность. Так Берту и не удалось проследить, где они прячут пищу. Когда Берт снова увидел их, они сидели спиной к лавочке, держа на коленях тарелки. Около них стояла жестянка с мясными консервами и блюдо с бисквитами. Они были в очень хорошем настроении, и Берт даже услышал хохот принца. При виде того, как они уплетают еду, все планы Берта разлетелись в прах. Непреодолимое чувство голода овладело им, и, не помня себя, Берт выскочил, держа в руке ружье.—Руки вверх!—яростно крикнул он им, прицеливаясь.

Принц колебался с минуту, затем оба подняли руки: ружье заставило их растеряться.

— Встаньте!—закричал Берт.—Бросьте вилки.

Оба повиновались.

— «Что же дальше?»—подумал Берт и тотчас же, показав рукой, сказал:—Прочь! Убирайтесь! Туда!

Принц и это приказание исполнил с замечательной быстротой. Он что-то торопливо сказал своему ад'ютанту, и они оба, забыв всякое достоинство, удрали. Только, когда они скрылись из виду, Берт хлопнул себя по лбу и сказал:

— Боже мой! Мне бы следовало взять их шпаги! Ай! ай!..

Но немцев уже не было видно; они без сомнения, скрылись в чаще, Берт разразился проклятиями, потом вернулся к лавочке, осторожно поглядывая кругом и опасаясь нападения из-за угла. Он держал ружье под рукой и принялся за еду, беспрестанно прислушиваясь. Покончив с тем, что было на тарелке принца, он дал остатки котенку и только что взялся за другую тарелку, как вдруг она развалилась у него в руках. Он с изумлением посмотрел на черепки. В то же время ему почудился какой-то треск в кустах. Он вскочил на ноги, взял в одну руку ружье, в другую жестянку с мясными консервами и побегал кругом лавочки по другую сторону просеки. Вдруг опять послышался треск в кустах, и что-то прожужжало около уха Берта.

Но он не остановился, а продолжал бежать, пока не

достиг удобной оборонительной позиции вблизи Лунного Острова. Там он спрятался за прикрытием и ждал.

— У них все-таки есть револьвер, а может быть и два...— шептал он с замиранием сердца.— Если так, то я погиб!— Но... однако, где же котенок? Ага, должно быть занялся мясными консервами... Эдакий бродяга!

9.

Таким образом, на Козьем Острове началась война. Она продолжалась целый день и целую ночь. Это были самый длинный день и самая длинная ночь в жизни Берта. Он должен был лежать смирно, слушать и наблюдать. Кроме того, ему надо было обдумать дальнейший образ действий. Ясно было: если можно—он должен убить этих двух людей, иначе они его убьют. Приз в этой войне составляла прежде всего пища, а затем летательный аппарат и сомнительное право воспользоваться им. Победенный в этой борьбе будет несомненно убит, а победитель может улететь отсюда. На мгновение Берт призадумался, стараясь представить себе, куда можно попасть отсюда. В его воображении рисовались пустыни, раздраженные американцы, японцы, китайцы, даже, быть может, краснокожие (впрочем, остались ли там краснокожие?)...

— Будь, что будет!—решил Берт.—Я не вижу никакого другого выхода...

Что это? Какие-то голоса? Все его чувства были напряжены. Шум водопада был очень силен, и в нем слышались разные звуки: то какие-то шаги, то голоса, то возгласы и крики.

— Глупый водопад!—сказал Берт.—Ну, какой смысл вот так без конца падать и падать?

Однако, что же поделявают немцы? Вернутся ли они к аэроплану? Им, конечно, не справиться с аэропланом: ведь, спрятаны и винты и гайки, и отвертка, и другие инструменты. А, что если они найдут другой набор инструментов, которые Берт спрятал в деревьях? Положим, он спрятал их хорошо, но ведь они все же могут найти их. Нельзя быть уверенным, нельзя! Берт старался припомнить хорошенько, как он их запер. Он старался

убедить себя, что беспокоиться нечего. Но память снова сыграла с ним штуку. А вдруг рукоятка отвертки торчит среди листьев так, что ее можно заметить?

Шш! Что это такое? Как будто кто-то крадется в кустах... Берт насторожился и поднял ружье... Может быть, это котенок? Нет, показалось...

Немцы наверное, уже заметили, что не хватает гаек, винтов, инструментов, которые Берт унес с собою в кармане, и, конечно, они будут теперь охотиться за ним: ведь понимают же они, что кроме Берта—некому было взять этого. Ему, значит, надо прятаться и тогда, он, наверное, перехитрит их. Но так ли это? Ведь они могут взять сменные части машины и тогда уж отправиться на охоту за Бертом... Нет, пожалуй, им это ни к чему. Ведь их двое, а он один. Им и в голову не придет, что Берт может удрать на аэроплане, и стало быть, незачем им портить летательную машину. Это ясно. Но они могут разыскивать Берта, чтобы отнять у него сменные части. Они знают, что у него остались мясные консервы, которых может хватить на несколько дней, если он будет экономить. Возможно, что они примут другую тактику и попробуют утомить его преследованием, прежде чем нападут на него...

Берт вдруг вскочил на ноги. Ему ясно представилась вся опасность его положения. Ведь он может уснуть!

Не успел Берт подумать об этом, как уже почувствовал: так хочется спать. Он начал тереть глаза, стараясь победить сон. До сих пор ему еще не случалось испытывать на себе сильное снотворное влияние американского солнца, американского воздуха и усыпительное действие однообразного шума водопада. Раньше ему казалось, что все это действует даже возбуждающим образом...

Быть может, если бы он так не наелся перед этим, то не чувствовал бы себя таким отяжелевшим. Хотелось бы ему знать, как чувствуют себя вегетарианцы, всегда ли они бодры?

Берт опять вскочил на ноги. Он чувствовал, что заснет, если не займется какою-нибудь работой. А заснет—пропал: они услышат его храп, найдут его и покончат с ним.

Если он будет сидеть тут смирно и неподвижно, то непременно заснет. Лучше уж рискнуть напасть, чем оставаться бездеятельным. Берт чувствовал, что, в конце концов, сон победит его. Положение немцев было лучше. Один из них мог спать, а другой—сторожить. Само собою разумеется, так это и будет. Один будет делать то, что нужно, а другой будет лежать поблизости, под прикрытием, готовый стрелять, если понадобится. Ведь этак они могут даже заманить его в ловушку: один из них будет служить приманкой, а другой...

Мысль о западне заставила Берта обругать себя дураком. Зачем он бросил свою шапку в воду? Она бы могла ему сослужить службу, как приманка, если бы он ее надел на палку, особенно ночью!

Захотелось пить. Берт взял в рот камешек, чтобы умерить жажду, и на некоторое время это помогло. Снова клонило ко сну.

Ясно было, что ничего другого не остается, как самому произвести нападение.

Подобно многим другим великим полководцам, Берт пришел к заключению, что его багаж, т. е. жестянка с мясными консервами, мешает ему маневрировать. В конце концов, он решился вынуть мясо из жестянки и положить его в свои карманы. Конечно, это не было идеальным решением вопроса, но ведь приходится приносить жертвы во время войны!

Берт прополз около десяти ярдов и остановился, раздумывая о своем положении. Кругом было тихо. Только непрерывный шум водопада нарушал тишину. Берту вдруг пришло в голову, что он теперь имеет в виду только одну цель—смерть двух людей, быть может, гораздо лучших, чем он сам... Но ведь они тоже делают с своей стороны все возможное, чтобы настичь и убить его! Что-то они делают теперь, среди этой тишины? Что, если бы он внезапно появился перед ними, выстрелил и... промахнулся?

Ю.

Берт тихо подвигался ползком, останавливаясь и прислушиваясь. Так продолжалось весь день, до наступле-

ния ночи. По всей вероятности, и немецкий Наполеон со своим адъютантом поступали точно так же. Их стратегические движения на поверхности Козьего Острова, вероятно, можно было бы изобразить красными и синими линиями, перекрещивающимися в разных местах. И тем не менее, они ни разу не встретились друг с другом и не видели друг друга в течение всего этого дня. Берт не знал, были ли они от него далеко или близко. Ночь застала его бодрствующим вблизи американского водопада и изнывающим от жажды. У Берта явилась мысль, что его враги, быть может, скрываются среди обломков корабля, в его каютах, стиснутых между скалами, против Зеленого острова. Тогда он вдруг стал предприимчивым, перестал прятаться и прошел через маленький мостик, перекинутый между скалами. Он не нашел никого. Это был его первый визит к обломкам воздушного корабля, и он с любопытством рассматривал их при сумеречном освещении. Он увидел, что передняя каюта почти сохранилась: ее дверь была наклонена, и один угол ее находился в воде. Он влез туда, напился воды, и вдруг у него явилась блестящая мысль: закрыть дверь и выспаться.

Однако, спать он не мог. Он задремал только под утро и скоро, когда стало светлее—проснулся. Позавтракал мясными консервами, запил их водой. Просидев несколько времени спокойно и насладившись безопасностью своего нового положения, он, наконец, вскочил и решил: пора стать предприимчивым и смелым. Ему надоело ползать и он вышел из каюты, держа ружье наготове и даже не стараясь идти тихо. Он обошел сначала лавочку, но не нашел там никого; затем прошел через рощу к аэроплану. Тут он увидел: офицер сидел, прислонившись спиной к дереву, и мирно спал. Голова его наклонилась к сложенным рукам, и повязка сползла, закрывая один глаз.

Берт внезапно остановился, в нескольких шагах от спящего. Где же принц? Но тут он увидел, что по другую сторону дерева высывается что-то плечо. Тогда Берт сделал несколько осторожных шагов влево и увидел «великого человека»: он стоял, опершись о ствол дерева.

держал в одной руке пистолет, в другой—шпагу и зевал... зевал!... Но разве можно стрелять в зевающего человека? Берт поднял ружье и пошел прямо на него. У него мелькала мысль, уж не крикнуть ли ему: «Руки вверх!» Однако, принц, раньше заметил Берта. Он сразу перестал зевать, захлопнул челюсти, словно крышку западни, и несколько минут стоял сурово и неподвижно. Берт также не двигался, и они молча глядели друг на друга.

Если бы принц был благоразумным человеком, он бы скрылся за деревом. Вместо того он крикнул и поднял пистолет и шпагу. Тогда Берт машинально спустил курок.

Это был его первый опыт с кислородными патронами. Из середины туловища принца вырвалось громадное пламя, озарив все кругом ослепительным светом; затем раздался звук, точно от ружейного выстрела, и что-то горячее и мокрое брызнуло в лицо Берту. Сквозь дым и пар, которыми все заволокло, Берт все-таки увидел, как мелькнули в воздухе человеческие руки и ноги и разорванное на куски тело упало на землю.

Берт был так поражен случившимся, что стоял несколько времени, разинув рот, и адъютант принца мог бы заколоть его шпагой, без всякой борьбы. Но вместо этого офицер бросился бежать сквозь чащу. Очнувшись, Берт пустился за ним вдогонку. Но он не в состоянии был больше убивать и поэтому вернулся назад к той бесформенной истерзанной массе, которая еще так недавно была великим принцем Карлом-Альбертом! Берт осмотрел кругом опаленную и исковерканную растительность и поднял с земли еще горячий револьвер: патронный магазин револьвера взорвался. Берт подвигался с большою осторожностью—и вдруг увидел: котенок! Это его взволновало. Это молодое существо не должно было видеть такие ужасные сцены.

— Иди сюда, киска!—позвал он котенка.—Тут тебе не место!

В три шага он перескочил место происшествия и поймал котенка. Посадив его на плечи, он отправился в лавочку.

— Ты, кажется, не понимаешь, что случилось,—сказал он, мурлыкающему котенку.

Порывшись около лавочки, Берт, наконец, нашел остатки провизии, спрятанные в скале.

— Как все это печально!—сказал он, наливая котенку молока,—три человека, очутившиеся вместе в такой дыре, не в состоянии были работать совместно! Но он и его принц были слишком уж важны... Господи! Какая странная штука жизнь! Вот я, например, слышал его имя, видел его изображение, когда еще был мальчишкой. Принц Карл-Альберт! Еслиб кто-нибудь предсказал мне, что я разнесу его в куски, разве бы я поверил этому, киска? А этот другой? Уж и не знаю, что мне с ним делать!

Зорко осмотрев все окружающие деревья, Берт приклонил ружье к колену и снова обратился к котенку:

— Мне не по нутру это избиение, киска. Курт называл это кровопусканием... Когда я был еще очень юн, мне казалось, что это нужно... Еслиб этот принц подошел ко мне и сказал: «Дай руку»—и я бы протянул ему руку... А теперь этот другой парень рыскает по лесу. У него рана на голову, и, кажется, что-то случилось с ногой... И весь обожжен... Господи! Всего только три недели назад я и первый раз увидел его. Он был такой франтоватый, и у него руки были полны всяких щеточек и он бранился на меня. Он был тогда настоящим джентльменом, а теперь становится полудикарем. Но что же мне делать с ним? Не могу же я предоставить ему этот аэроплан, это было бы слишком великодушно. Но если я не убью его, то он останется на острове и умрет с голоду... Впрочем, у него есть оружие—шпага!

Закурив папироску, Берт пустился философствовать:

— Скверная штука—война, киска!—говорил он.—Мы, простые люди,—мы были дураками! Мы привыкли думать, что высшие знают, что делают, но это было не так. Вот этот принц, например! За ним стояла вся Германия, а что он сделал с нею? Он втянул ее в братоубийственную войну, все разрушил и уничтожил. И вот к чему это привело. Теперь он сам представляет ужасную, бесформенную, окровавленную массу! Принц Карл-Альберт! И все люди, которые были с ним на воздушных кораблях и летающих драконах,—где они? Развеяны, точно клочки бумаги, между этой ямой и Германией. И битвы продол-

жаются, продолжают пожары и избиения, и война, начатая им,—война без конца...

Думаю, мне придется все-таки убить этого парня. Я буду вынужден сделать это... Но разве это—то, о чем я мечтал! Как ты думаешь, киска?—обратился он к кошке.

Берт поискал несколько времени раненого офицера, рыская по острову, и, наконец, заметил его в кустах. Но, когда Берт увидел согнутую, забинтованную фигуру офицера, удиравшего от него во все лапы, к Берту вернулась его природная мягкость; он не мог больше ни стрелять, ни преследовать его.

—Я не в состоянии больше убивать,—сказал он себе.—Я потерял всякий вкус к этому! Пусть себе уходит!

И Берт направил свои шаги к летательному аппарату...

Он больше не видал офицера и даже не заметил никаких признаков его присутствия. Вечером к Берту вернулась боязнь засады, он обыскал все кусты, бродил по острову битый час. Но ничего подозрительного не нашел. Тогда он залез на скалу над канадским водопадом и, заняв хорошую оборонительную позицию, заснул. Ночью он все-таки проснулся в паническом страхе и выстрелил. Но ничего не было. Тем не менее, он уже не мог больше уснуть. Утром, он вдруг стал тревожиться за судьбу исчезнувшего бесследно офицера и стал его разыскивать, точно пропавшего брата.—«Еслиб только я умел говорить по-немецки!»—думал он, вздыхая.—«Я бы тогда действовал смелее. Ведь это все происходит от незнания немецкого языка. Никак не договориться!»

Позднее Берт открыл следы попытки перебраться через провалившийся мост. Веревка, с привязанным на конце болтом, была переброшена на другую сторону и запуталась в отверстии выступающего куска перил. Другой конец болтался в бурлящей воде под мостом.

А птицеликий немецкий офицер в это время уже кружился в водовороте, за две с четвертью мили отсюда, вместе с разными другими предметами, которые некогда были лейтенантом Куртом, китайским аэронавтом, коровой: там было разношерстное общество. Никогда еще в этом сборном пункте водопада, непрестанно несущего сюда

свои воды, не скоплялось столько обломков, странных и печальных остатков войны! Кружась в водовороте, они уносились дальше, но каждый день приносил новую дань: погибших животных, обломки лодок и летательных аппаратов и бесконечное количество мертвых тел из городов, лежащих по берегам больших озер и, главным образом, из Кливленда. Все это собиралось здесь и без конца кружилось, привлекая к этому месту огромное количество хищных птиц, чующих добычу.

Глава X.

Мир во время войны.

I.

Берт провел еще два дня на Козьем Острове и закончил все запасы, за исключением папирос и минеральной воды, и тогда, наконец, решился испытать азиатский аэроплан.

Впрочем, Берт не полетел на нем, а вернее, был подхвачен аэропланом и унесен. Конечно, не много времени потребовалось на то, чтобы заменить сломанные крылья целыми, взятыми от другого аэроплана и, поставить на прежнее место гайки, которые сам же Берт снял. Устройство машины было весьма простое и мало отличалось от обыкновенного современного мотоциклета. Но остальное время Берт провел в размышлениях и колебаниях. Большею частью, виделось, что он падает в бурлящий поток и кружится в водопаде, и водопад уносит его. Иногда представлялось, что он безостановочно летит в воздухе и не может опуститься на землю. Берт был так занят мыслями о полете, что совершенно не думал об остальном, не думая, что же может ожидать такого простодушного парня, как он, если без всякого удостоверения личности он появится на азиатском аэроплане, среди населения, разоренного войной.

Берт все еще не мог забыть о немецком офицере. Ему представлялось, что тот лежит где-нибудь, тяжело раненый, в каком-нибудь глухом уголке или расщелине на

острове. И только после долгих и тщательных розысков Берт, наконец, перестал мучиться над вопросом: «А если я найду его, что мне делать с ним? Нельзя же убивать раненого! А между тем, как помочь ему?».

Высоко развитое чувство социальной ответственности заставляло Берта заботиться также и о котенке. — «Если я оставлю его, то ведь он здесь погибнет с голоду? Впрочем, он должен искать для себя мышей... Но есть ли тут мыши? Он мог бы ловить птиц... Но он слишком мал для этого, и притом, он, в роде меня, черезчур уж цивилизован».

В конце концов, Берт засунул котенка в свой карман, где тот и занялся остатками мяса, которые нашел там.

С котенком в кармане, Берт уселся в седле летательного аппарата. Это была огромная, неуклюжая машина, непохожая на велосипед, но пустить ее в ход было не трудно. Берт решил попробовать. Сперва надо завести мотор... так! Потом поднять ноги и установить вертикально колеса... так! Потом привести в движение гироскоп... так! И затем, затем... повернуть вот этот рычаг...

Сначала это было трудно сделать, потом рычаг вдруг поддался... Огромные крылья с каждой стороны начали хлопать, и машина стала двигаться прямо к воде. Берт испугался и хотел остановить ее, поворачивая рычаг, чтобы тот снова принял первоначальное положение. И вдруг аэроплан начал подниматься. Остановить аппарат было уже нельзя, да и было опасно: колеса поднялись над водой. В следующий момент Берт, бледный как смерть, судорожно держась и стараясь сохранить равновесие, пролетел над порогами, подпрыгивая при каждом ударе крыльев и все поднимаясь и поднимаясь...

Нельзя было и сравнить эту летательную машину с воздушным шаром в отношении спокойствия и плавности полета. Воздушный шар, за исключением моментов опускания, был чрезвычайно удобным экипажем, тогда как этот летательный аппарат, точно упрямый лошак, делал огромные прыжки. Притом же он все поднимался и поднимался, и с каждым ударом крыльев Берт подскакивал вверх и потом снова опускался на седло. На воздушном шаре не ощущается ветра: воздушный шар движется

вместе с ветром. А теперь ветер с такою силой обдувал Берта, что он едва мог смотреть и по временам вынужден был закрывать глаза. Берт весь скорчился и схватил ногами седло, иначе ему не удалось бы удержаться. Он поднимался все выше, на сто, двести, триста ярдов над бурлящим внизу потоком. Это было хорошо. Но когда же, наконец, он полетит горизонтально? Он попробовал представить себе, как этот аппарат полетит горизонтально. Но нет! Крылья двигаются вверх и вниз. Как бы это удержать взмахи крыльев вверх? Из глаз Берта лились слезы, и он вытер их, храбро высвободив одну руку.

Что лучше: падение в воду или на землю?

Он пролетел над верхними порогами, по направлению к Буффало. Во всяком случае, было приятно думать, что водопады и яростное кипение воды внизу были уже позади. Он летел прямо вверх, это ясно. Но что же будет дальше?

Хладнокровие вернулось к Берту, да и глаза у него попривыкли к ветру, но он летел высоко, очень высоко. Он высунул немного вперед голову и смотрел на мелькавшую внизу страну. Он видел теперь все Буффало: три огромные почерневшие массы развалин, затем холмы и дороги. Берт не знал, как высоко он находится над этой местностью. Он видел людей около домов вблизи железнодорожной станции, между Ниагарой и Буффало. Затем люди стали попадаться все чаще и чаще. Они, точно муравьи, копошились около своих жилищ. Берт видел также два автомобиля, ехавшие по дороге в Ниагару. Потом, далеко к югу, он увидел: большой азиатский воздушный корабль летел к востоку. — «О, Господи!» — вздохнул Берт и с отбращением подумал о своих бесплодных попытках управлять аэропланом. Но воздушный корабль не заметил его.

Аэроплан продолжал подниматься, и земная поверхность внизу начала все более и более походить на географическую карту. «Клик-клок, клик-клок» — постукивал мотор. Над Бертом и очень близко около него находился сероватый слой облаков.

Берт решил, наконец, во что бы то ни стало, повернуть рычаг. Ему удалось это после некоторых усилий, и тотчас же хвост аэроплана поднялся, а крылья растянулись не-

подвижно. Наступила тишина и спокойствие. Берт быстро скользил вниз против ветра, дувшего ему в лицо с необычайной силой: пришлось зажмурить глаза.

Маленький рычаг, повертывавшийся с таким трудом, вдруг стал необыкновенно подвижным. Берт осторожно повернул его вправо... и что же? Левое крыло странным образом опустилось, и аэроплан начал скользить вниз, описывая широкую спираль в воздухе. В течение нескольких мгновений у Берта было ощущение приближающейся катастрофы. Но ему удалось установить рычаг в прежнем положении и уравновесить крылья.

Он попробовал повернуть налево, но вместо этого начал описывать круги.

— Это уж слишком! — сказал он.

Берт видел теперь, что он, сломя голову, летит вниз, между железнодорожной линией и фабричными строениями. Они как будто рвались навстречу ему, чтобы пожрать его. Он падал с большой высоты. Одно мгновение он испытывал ощущение велосипедиста, который быстро мчится под гору. Земля чуть не захватила его врасплох. Но он напряг свои силы и снова пустил в ход машину. Аэроплан замахал крыльями и опять начал, дрожа и подпрыгивая, волнообразно подниматься в воздухе.

Берт поднялся довольно высоко, и глазам его представилась красивая местность на западе Нью-Йоркского штата. Затем аэроплан опять начал скользить вниз, потом опять поднялся. На расстоянии четверти мили аэроплан летел над какой-то деревней, и Берт увидел бегущих в разные стороны людей. Очевидно, это имело какое-нибудь отношение к аэроплану Берта, и у него мелькнула мысль, что в него могут стрелять.

— Вверх! — сказал он и повернул рычаг. Это не потребовало никаких усилий. Но вдруг крылья перестали двигаться. Машина остановилась. Он почти инстинктивно повернул рычаг назад. Что же теперь делать?

Все это произошло в течение нескольких секунд, но и мысль Берта работала в этот момент очень быстро. Он понял, что подняться не может, и что скользит вниз. Он налетит на что-нибудь. Так он летел с быстротою двенадцати миль в час, все ниже и ниже...

Вот заросли лиственниц. Издали эта растительность казалась ему нежной и мягкой, точно мох.

Нельзя ли спуститься здесь? Берт попробовал управлять рулем... Раздался треск. Аэроплан пролетел над верхушками деревьев, вдавился в самую чащу зеленых острых листьев и черных веток и вдруг остановился. Берт чуть не полетел вниз головой. Несколько веток больно ударили его по лицу...

Он застрял между стволом дерева и седлом. Одна нога запуталась в рычаге, но он был цел и невредим. Пробыв изменить свое положение и высвободить ногу, Берт начал скользить вниз, между ветвями, которые словно расступались перед ним. Он цеплялся за ветки и, таким образом, спустился на нижние суки дерева, на котором повисла его летательная машина. Воздух был наполнен приятным смолистым запахом. Несколько времени Берт просидел неподвижно, потом снова начал спускаться с ветки на ветку, пока не соскочил на мягкий, покрытый зелеными иглами, грунт.

— Чудесно! — проговорил он, поглядывая вверх на изогнутые крылья аэроплана. — Я спустился благополучно! — Он потер себе подбородок и на мгновение задумался. — Право, я необыкновенный счастливчик! — сказал он. Вдруг он почувствовал, что кто-то шевелится у него под боком. — Бог мой! Как это ты уцелел? — воскликнул он, вытаскивая из кармана котенка, завернутого в носовой платок. Бедная киска была сдавлена и согнута в кармане, очутившись опять на свободе она страшно обрадовалась. Маленький красный язычок торчал между зубов. Берт спустил котенка на землю. Котенок несколько раз встряхнулся и побежал, а потом уселся и начал умываться.

Берт с удовольствием поглядывал на него. Потом вдруг он хлопнул себя по лбу и проговорил:

— Этаким я дурак! Надо было взять ружье!

Он прислонил это ружье к дереву, когда садился в седло летательной машины, и ружье так и осталось там.

В первую минуту Берт был поражен необычайной тишиной мира, среди которого теперь очутился, но потом сообразил в чем дело: больше не было слышно шума водопада.

2.

Берт не имел ясного представления о том, с каким народом ему придется иметь дело в этой стране. Он знал, что это Америка. Он всегда считал американцев гражданами великой и могущественной нации, знал, что они грубоваты и склонны к юмору, легко прибегают к ножу и револьверу и говорят в нос, как норфолькцы. Он знал про них также, что они очень богаты, любят сидеть в качалках и поднимать необыкновенно высоко ноги; что они жуют очень усердно табак, камедь и другие предметы. К американцам относятся также ковбои, краснокожие индейцы и комические, почтительные негры. Все эти сведения Берт почерпнул из романов, которые брал из общественной библиотеки. За пределами этого—он знал очень мало. Но он несколько не был удивлен, когда встретил вооруженных людей.

Покинув изломанную летательную машину, Берт некоторое время бродил между деревьями, а затем наткнулся на дорогу, которая показалась ему, как англичанину, замечательно широкой, но недостаточно хорошо сделанной. Она ничем не отделялась от леса, ни канавой, ни изгородью, и тянулась длинною извилистою лентой, как широкий свободный путь, открытый для всех. Берт встретил на дороге человека с ружьем под мышкой. Человек был одет в синюю блузу, мягкую черную шляпу и черные штаны. Его широкое, жирное лицо носило отпечаток невинного добродушия. Человек искоса посмотрел на Берта и, видимо, был сильно поражен, когда Берт заговорил с ним.

— Можете вы мне сказать, где я нахожусь?—спросил его Берт.

Человек с зловещею подозрительностью оглядывал Берта и в особенности его резиновые сапоги—и затем ответил ему на каком-то странном языке, вероятно, чешском. Заметив удивленное лицо Берта, он вдруг закончил свою речь словами:

— Не говорю по-английски!

— О!—воскликнул Берт. На мгновение он призамался, потом пошел своей дорогой.

— Благодарю покорно,—прибавил он мысленно. Человек посмотрел ему вслед. Очевидно, у него блеснула какая-то мысль, потому что он сделал какое-то движение, но вдруг остановился, вздохнул и пошел дальше с унылым видом.

Скоро Берт увидел между деревьями большое деревянное строение. Оно имело вид огромного, черного, пустого ящика. Ни одно вьющееся растение не украшало его стен, и оно не было отделено от леса ни изгородью, ни забором. Берт остановился в тридцати шагах от ступенек, которые вели к дверям. Место казалось совершенно пустынным. Он хотел подойти к дверям и постучать, как вдруг увидел большую черную собаку, которая смотрела на него. Какой она была породы—Берт не мог определить. Челюсти у нее были огромные, и на шее был надет ошейник, утыканный шипами. Но она не залаяла на Берта, а только издала звук, похожий на кашель.

Берт одну минуту колебался, потом пошел дальше.

Отойдя шагов на тридцать, он остановился и из-за деревьев поглядел на собаку, которая тоже обошла кругом, чтобы лучше видеть его, и опять издала звук, похожий на кашель. Берт вернулся на дорогу.

— Что ж, собака поступает правильно, она стережет хозяйские вещи,—сказал он себе. Но тем не менее, ему было неприятно. Он бы вернулся, еслиб не эта черная собака.

Когда дом и собака исчезли из виду, Берт вошел в лес по другую сторону дороги и вскоре вышел оттуда с недурной дубинкой в руках, которую он срезал для себя карманным ножом. По дороге Берт видел еще несколько деревянных домов с верандами, плохо выкрашенными в белый цвет. Позади, сквозь деревья, он видел свиной хлев и черную свинью с семейством, копавшуюся в земле. Какая-то женщина, с черными глазами и распущенными волосами, довольно дикого вида, сидела на ступеньках одного из домов и кормила ребенка. Но при виде Берта она тотчас встала, пошла внутрь дома, и он слышал, как

она затворила дверь на засов. Затем около свиного хлева появился какой-то мальчик, но он не понял слов Берта.

— Полагаю, что это Америка?—спросил его Берт, но не получил ответа.

Дома стали попадаться все чаще и чаще. Берт встретил на дороге еще двух человек, очень грязного и дикого вида, но он уже не заговаривал с ними. Один из них нес ружье, другой—топор, и они окинули Берта и его палку весьма недоброжелательным взглядом. Берт дошел до перекрестка; тут большую дорогу пересекала другая, по бокам которой тянулись однопорельсовые пути, а на углу висела надпись: «Ждите здесь вагонов».—«Недурно»,—сказал сам себе Берт.—«Но я хотел бы знать, сколько времени мне еще придется странствовать?»—Ему пришло в голову, что при теперешнем полном расстройстве государственных дел, пути сообщения может быть и не работают. Берт заметил, что с правой стороны попадаются больше домов и перешел на эту сторону.

Немного погодя, он увидел старика негра.

— Алло!—крикнул ему Берт.—Здравствуйте!

— Здравствуйте, сэр!—отвечал старик, густым, звучным голосом.

— Что это за место?—спросил Берт.

— Тамода,—отвечал старик.

— Благодарю вас,—сказал Берт. Негр повторил:

— Благодарю вас, сэр.

Дома, которые теперь попадались Берту по дороге, были все того же типа, деревянные и без ограды и только были украшены эмалированными дощечками с различными надписями, частью на английском языке, частью на языке эсперанто. Затем Берт увидал дом, который принял за лавку зеленщика. Это был первый дом, двери которого были гостеприимно раскрыты, и откуда доносились какие-то знакомые, привычные звуки.

— Бог мой!—подумал Берт и начал поспешно рыться в своих карманах.—Ведь я совсем не нуждался в деньгах эти три недели. Даже забыл о них! Не осталось ли у меня хоть сколько-нибудь? Грабб держал у себя почти все деньги...—А!—Берт с торжеством вытащил из кармана несколько монет: три пенни, шесть пенсов и один шил-

линг.—Прекрасно!—сказал он. Но он совсем не принял во внимание одного очень важного обстоятельства.

Он подошел к открытой двери. Тотчас же на пороге показался плотный, седой человек, в жилете и подозрительно оглядел Берта и дубинку, которую Берт держал в руках.

— Здравствуйте!—сказал ему Берт.—Могу я получить что-нибудь поесть или выпить?

Человек, стоявший в дверях, отвечал Берту, к великой его радости, языком истого американца:

— Можете.—Это было сказано ободряющим тоном.

Лавка, куда хозяин ввел Берта, была очень просторная, очень светлая. Слева находился длинный прилавок с ящиками. Позади прилавка лежали разнообразные товары, а направо стояли столики и стулья, две плевательницы и несколько боченков. На видном месте лежали сыры и копченая свинина. Небольшая группа людей сидела около столиков, а женщина лет тридцати пяти стояла, облокотившись на прилавок. Все мужчины были вооружены карабинами, и дуло ружья выглядывало из-за прилавка. Все лениво, будто нехотя, слушали дешевый граммофон, стоявший на столе. Из медного горла граммофона вырывались звуки, от которых у Берта пробудилась тоска по родине; в памяти его воскрес залитый солнцем берег, толпа детей, выкрашенные в красную краску велосипеды. Грабб и приближающийся воздушный шар...

— „Тинка-линг, пига-линг, пига-линг-тант“.
Почем нынче шпильки?”

Когда вошел Берт, какой-то человек с толстым затылком, в соломенной шляпе, и что-то жующий, остановил пальцем граммофон, и глаза всех обратились на Берта. Вид у всех был очень утомленный.

— А что, матушка, можем мы дать этому джентльмену что-нибудь поесть?—спросил хозяин лавки, указывая на Берта.

— Он может получить все, что хочет, начиная от морских сухарей и кончая настоящим обедом,—сказала женщина, зевая во весь рот, как человек, который не спал всю ночь.

— Я хотел бы получить обед,—отвечал Берт,—но только денег у меня немного. Я бы хотел иметь обед не дороже шиллинга.

— Дороже чего?—резко переспросил хозяин лавки.

— Дороже шиллинга,—повторил Берт, и в уме у него мелькнула неприятная догадка.

— Да?—проговорил хозяин.—Но чорт возьми, что же это за монета шиллинг?

Берт, стараясь скрыть свое смущение, показал монету.

— Вот шиллинг,—сказал он.

— Он говорит не так, как мы все, и хочет получить обед за эту самую штуку—за шиллинг,—заметил хозяин.

— Могу я вас спросить, сэр, из какой части Америки вы сюда явились?

Берт снова положил шиллинг в свой карман и сказал:

— Из Ниагары.

— А когда вы покинули Ниагару?

— Около часа тому назад.

— Вот как!—сказал хозяин и посмотрел на присутствующих с недоумевающей улыбкой.

Все набросились на Берта с вопросами. Берт не мог сразу удовлетворить всех спрашивающих и только сказать:

— Видите ли, я был с немецким воздушным флотом... Я попал к ним случайно... Они захватили меня и доставили сюда.

— Из Англии?

— Да, из Англии. По пути из Германии. Я присутствовал при великом сражении с азиатами и был покинут на маленьком острове между водопадами.

— На Козьем Острове?

— Я не знаю, как его называют. Но дело в том, что я нашел там летательный аппарат и полетел на нем. И вот я здесь!

Двое мужчин недоверчиво посмотрели на него и спросили:

— А где же эта летательная машина?

— Она там, в лесу, с полмили отсюда.

— Хорошо,—сказал какой-то человек, со шрамом на лице.

— Я чуть не разбился вдребезги...

Все окружили Берта и заговорили разом, выражая желание пойти с ним сейчас же посмотреть на летательную машину.

— Послушайте,—сказал Берт.—Я покажу вам эту машину, только... я ведь ничего не ел со вчерашнего дня... я пил только минеральную воду...

Сухощавый молодой человек, солдатского вида, с длинными тонкими ногами в гетрах и с ремнем через плечо, до сих пор ничего не говоривший, вмешался теперь и авторитетным тоном заявил:

— Это правда. Дайте ему поесть, мистер Логан. Я заплачу. Я желаю слышать его рассказ. Мы потом пойдем посмотреть его машину. По моему мнению, случай, который привел сюда этого джентльмена, в высшей степени замечателен. Я предлагаю взять эту летательную машину, если мы найдем ее, и воспользоваться ею для местной обороны...

3.

Берт уселся за стол и, поедая холодное мясо с хорошим хлебом и горчицей и запивая очень хорошим пивом, рассказывал в общих чертах историю своих приключений. Те неточности и неверности, которые встречались в ней, были совершенно в порядке вещей, если вспомнить, к какому типу людей принадлежал Берт. Берт рассказал, что он и «один джентльмен—его приятель» отправились «на морской берег для здоровья», когда явился какой-то субъект на воздушном шаре, вывалился оттуда, а сам Берт свалился в корзину шара, и его понесло во Франконию. Там немцы, повидимому, приняв его за другого, «захватили его в плен» и доставили в Нью-Йорк, откуда он попал в Лабрадор, а из Лабрадора на Ниагару и Козий Остров, где оказался один-одинешенек. В своем рассказе Берт совершенно пропустил историю с принцем и Беттериджем, не столько вследствие прямой недобросовестности, сколько вследствие опасения, что он не сумеет это рассказать как следует. Он желал, чтобы все, что он рас-

сказывал носило вполне правдоподобный, естественный и корректный характер и могло бы возбудить полное доверие к нему, как к англичанину среднего круга, которому безо всякого опасения можно предложить кров и пищу.

Когда Берт начал рассказывать о сражениях в Нью-Йорке и Ниагаре, слушатели тотчас же вытащили откуда-то газеты и, разложив их на столе, принялись забрасывать его вопросами и поминутно прерывали его рассказ. Берт увидел, что его появление вновь возбудило прежние горячие споры, которые раньше прекратились только потому, что не хватило фактического материала и потому что заиграл граммофон. Но теперь спор возобновился с новою силой, и все повскакали со своих мест, с ружьями в руках, обсуждая единственную важную в данный момент тему—войну и методы войны. Берт заметил, что он сам и его личные приключения совершенно отступили на задний план, и что он является теперь только источником, откуда они могли почерпнуть некоторые сведения. Повседневные занятия, покупка и продажа предметов первой необходимости, возделывание земли, забота о скоте—все это продолжалось по инерции, как продолжается обычная жизнь в доме, хозяин которого лежит под ножом хирурга. Весь интерес теперь был сосредоточен на огромных азиатских воздушных кораблях, которые постоянно рыскали по небу, исполняя какие-то бесчисленные поручения; все разговоры были только о солдатах в яркочерной одежде, прилетавших сюда, чтоб запастись керосином, съестными припасами или узнать новости.

Все интересовалось тем вопросом, который занимал сейчас умы всего американского континента: «Что нам делать? Что мы можем предпринять? Как добраться до неприятеля?» И Берт, захваченный общим настроением, перестал занимать центральное и независимое место даже в его собственных мыслях.

Насытившись и утолив свою жажду, он с наслаждением закурил папиросу, которую ему дали, и, похвалив угощение, повел публику к летательной машине, оставшейся там, среди лиственниц. Сухопарый молодой человек, которого называли Лорье, повидимому, был предво-

дителем, как по своему положению, так и по своим природным качествам. Он знал всех по имени, знал способности каждого. Он сразу заставил всех приняться за работу, чтобы благополучно спустить на землю летательную машину и сохранить это драгоценное орудие войны. При этом пришлось, конечно, срубить несколько деревьев. Положив машину на землю, выстроили над нею широкий навес из ветвей и стволов, чтобы драгоценная находка не попала как-нибудь на глаза пролетающим мимо азиатам. Еще до наступления вечера раздобыли из соседнего города инженера, который тотчас же принялся за работу. Пришлось даже бросить жребий, кто из семнадцати желающих первым совершит полет на этом аппарате.

Возле аэроплана Берт нашел своего котенка и отнес его мистрис Логан, с просьбой взять его на свое попечение. Тут Берт понял, что и он, и его киска нашли в мистрис Логан сочувственную душу.

Лорье был не только богатый человек.—Берт с ужасом узнал, что Лорье—президент «Катинит-корпорации» в Танодэ, человек очень популярный и умеющий справляться с народом. Вечером целая толпа собралась в лавке и говорила о летательной машине и о войне, которая разрывает мир в клочья. Приехал какой-то велосипедист и привез плохо отпечатанный листок газеты, который подействовал, точно масло, подлитое в огонь. В этом листке заключались почти все американские новости. Прежние кабели уже почти вышли из употребления за последние годы и заменились беспроволочным телеграфом, станции которого были рассеяны по океану и вдоль Атлантической береговой линии. Они-то и сообщали наиболее выдающиеся эпизоды войны.

Берт совсем отошел на задний план (к этому времени Берта уже успели раскусить)—и сидел, слушая новости с театра войны. Перед глазами проносились страшные картины: какой-то небывалый кризис, бурное движение всех наций, страшные опустошения, голод, погибшие континенты... И снова, несмотря на все усилия отогнать от себя эти образы, Берт видел, среди общего хаоса, окровавленную бесформенную массу, оставшуюся от

взорванного принца; видел мертвого китайского аэронавта, висящего вверх ногами; видел хромающего и забинтованного немецкого офицера, одинокого, в отчаянии ищущего спасения в бегстве...

Говорили о пожарах и избиениях, о жестокостях с той и другой стороны; о жестокостях обезумевшей толпы по отношению к мирным, ни в чем неповинным азиатам, о сгоревших и разрушенных городах, железнодорожных узловых станциях, мостах; о том, как бежало и пряталось население целых областей.

— Все суда, какие только есть у них, находятся теперь в Тихом океане!—воскликнул какой-то человек.—С начала войны они высадили не меньше миллиона людей на Тихоокеанский берег. Они явились сюда, чтобы остаться в этих штатах и останутся в них—живые или мертвые.

Мало-по-малу в уме Берта с неотразимой силой пробуждалось сознание того, что человечество переживает великую трагедию, в которую замешана и его собственная жизнь. Берт начал понимать, что для всего мира наступает ужасная эпоха, что пришел конец привычному порядку и безопасности. Весь мир был обят войной и не мог уже вернуться к мирному и спокойному состоянию.

Берт думал, что то, чему он сам был свидетелем, носило исключительный характер и имело решающее значение. Осада Нью-Йорка и сражение в Атлантическом океане—для Берта были событиями, делающими эпоху среди долгих годов спокойствия и безопасности. А между тем эти события явились только первыми предостерегающими признаками всемирного катаклизма *). Опустошения, ненависть и бедствия возрастали с каждым днем, пропасть между людьми увеличивалась, и новые насаждения цивилизации рушились и погибали. На земле, снизу, вырастали армии, и погибал народ; вверху, в небесах, сражались воздушные корабли, и аэропланы и несли с собой опустошение.

Читателю, обладающему широкими взглядами, трудно понять то состояние умов, которое наступило тогда. Лю-

*) Катаклизм—буквально всемирный потоп; вообще—коренной, всеобщий переворот

дям, которые жили в эту эпоху и которых непосредственно коснулся мировой переворот—падение цивилизации, гибель века науки—казались просто невероятными. Прогресс до сих пор победоносно шествовал по земле непрерывно в течение трехсот лет. Пульс европейской цивилизации все ускорялся. Города размножались, население их возрастало, ценности увеличивались, открывались новые страны; мысль, литература, знание развивались и распространялись. Вместе с этим и орудия войны с каждым годом становились все обширнее и могущественнее: армии и взрывчатые вещества в своем развитии обгоняли все остальное...

Триста лет кровь приливала к сердцу европейской цивилизации, затем быстро и неожиданно отхлынула—как будто это сердце сжали в кулак. Сначала этого никто не понял. Никто не смотрел на это иначе, как на временную приостановку мирного прогресса. Гибель всего казалась невероятной, и люди погибали, уничтоженные какою-нибудь падающей массой или взрывом, не веря в конец цивилизации.

Люди, которых Берт нашел в лавке, представляли лишь крошечную, уединенную группу, уцелевшую среди всеобщего разрушения. Они придумывали разные мелкие мероприятия. Главною их целью была защита против азиатских аэронавтов, прилетавших, чтобы захватить керосин или оружие и разрушать пути сообщения. Для защиты железнодорожного подвижного состава были везде устроены караулы, сменявшиеся днем и ночью, так как все лелеяло надежду, что железнодорожное сообщение скоро восстановится. В стране попрежнему шла тихая, мирная жизнь.

Какой-то человек, говоривший слабым голосом, проявил большое знание и хитроумие. Он знал недостатки немецких летающих драконов и американских аэропланов, знал преимущества японских летательных машин. Затем он пустился в романтическое описание машины Беттериджа и привлек этим внимание Берта.

— Я видел ее,—сказал Берт и вдруг замолчал, пораженный какой-то мыслью. Но человек со слабым голосом продолжал свой рассказ, не обращая внимания на

Берта и говорил о странной судьбе и о смерти Беттериджа. Берт почувствовал некоторое облегчение при этих словах. Значит, он больше никогда не встретится с Беттериджем! Повидимому, Беттеридж умер совершенно внезапно.

— И его секрет, сэр, погиб вместе с ним,—прибавил рассказчик.—Когда хотели собрать его машину, то не нашли ее частей. Он их припрятал слишком хорошо.

— Но неужели он не мог сказать перед смертью, где они находятся?—спросил мужчина в соломенной шляпе.—Разве он умер внезапно?

— Сражен был ударом, сэр. Припадок ярости и апоплексия уложили его на месте. Это случилось в Даймчёрче, в Англии.

— Это верно,—сказал Лорье.—Помню, я читал об этом в американской воскресной газете. Там рассказывалось, между прочим, что немецкий шпион похитил его воздушный шар.

— Как бы то ни было,—возразил человек со слабым голосом.—Смерть Беттериджа была абсолютное самое худшее, что только могло случиться в мире. Если бы это...

— А разве никто не знает секрет Беттериджа?

— Ни одна душа. Секрет погиб вместе с Беттериджем. Его шар, повидимому, пропал бесследно в море со всеми его чертежами. Он пошел, должно быть, ко дну, и вместе потонули чертежи.

Пауза.

— Если бы у нас была такая машина, какую он изобрел, мы могли бы бороться с азиатами на равных условиях. Мы бы летали быстрее этих красных жужжащих пчел, где бы они ни появились, и били бы их, били бы... Но это пропало и вернуть этого нельзя. Приходится бороться при помощи тех средств, которые у нас есть в руках, и, конечно, перевес не на нашей стороне. Однако это не может удержать нас от борьбы. Нет! Только подумать об этом!

Берт сильно задрожал. Он откашлялся и проговорил хриплым голосом:

— Послушайте... я...

Никто даже не взглянул на него. Человек со слабым голосом снова завладел разговором. Берт, в очень возбужденном состоянии, вскочил на ноги и начал размахивать руками.

— Послушайте!—воскликнул он.—Мистер Лорье, послушайте!—Я хочу рассказать про машину Беттериджа...

Лорье, сидевший рядом на столике, остановил величественным жестом разглагольствования человека со слабым голосом и спросил, указывая на Берта:

— Что он такое говорит?

Тут все обратили внимание на Берта, который в сильном волнении и задыхаясь говорил:

— Подождите!—и дрожащими руками начал расстегивать одежду.

Он оторвал воротник, расстегнул жилет и рубашку, затем засунул руку и начал доставать что-то изнутри, точно собиравшись вытащить оттуда свою печень. Когда, наконец, он вытащил наружу то, что хотел, то это оказалось ужасно грязным фланелевым нагрудником. Через несколько минут Берт, полуодетый, стоял уже, нагнувшись над столом, и раскладывал на нем какие-то бумаги.

— Видите ли,—сказал он.—Это чертежи. Вы знаете... Машина Беттериджа... того, который умер... А я тот, который был унесен его шаром!

Несколько секунд все молчали и, остолебенев от изумления, смотрели то на Берта, то на бумаги, разложенные на столе. Никто не двинулся. Наконец, человек со слабым голосом снова заговорил.

— Ирония судьбы!—произнес он тоном удовлетворения.—Ужасающая ирония! Как раз теперь мы получаем чертежи, когда уже поздно думать об изготовлении таких машин!

4.

Всем, конечно, хотелось снова послушать историю Берта, но вмешался Лорье, сказавший:

— Не надо, сэр.

Лорье слез со стола, на котором сидел, к одним, вполне понятным движением руки, сгреб все бумаги, спасая

их этим от объяснительных знаков, которые хотел расставить на этих чертежах человек со слабым голосом. Лорье протянул чертежи Берту и сказал:

— Спрячьте их туда, где они были. Перед нами еще целый день путешествия.

Берт взял бумаги и спрятал.

— Зачем это?—спросил человек в соломенной шляпе.

— Затем, что мы отправимся сейчас к президенту нашего Штата и передадим ему эти бумаги. Я никак не могу поверить, сэр, что уже поздно!

— А где президент?—спросил Берт во время наступившего всеобщего молчания.

— Логан!—обратился Лорье к хозяину, оставляя без внимания вопрос Берта.—Помогите нам!

Через несколько минут Берт и Лорье уже осматривали велосипеды, стоявшие в задней комнатке магазина. Берту ни один из велосипедов не понравился. У них были деревянные колеса, а опыт Берта с деревянными колесами в английском климате научил его относиться к ним с недоверием. Впрочем, как это, так и другие возражения Берта, Лорье не принял во внимание и настаивал на том, чтобы сейчас же двинуться в путь.

— Но где же президент?—спросил еще раз Берт. Они стояли позади Логана, накачивавшего воздух в шину. Лорье посмотрел на Берта сверху вниз.

— По имеющимся сведениям он находится по соседству с Албани, за Беркшайрскими холмами. Он постоянно переезжает с места на место и организует, насколько возможно, оборону посредством телеграфа и телефона. Азиатский воздушный флот старается отыскать, где президент. Когда азиаты думают, что отыскали местопребывание правительства, они начинают бросать туда бомбы. Конечно, это создает некоторые неудобства, но, впрочем, до сих пор азиатам еще не удалось ни разу приблизиться к резиденции правительства ближе, чем на десять миль. Азиатский воздушный флот теперь рыскает над восточными штатами, отыскивая и разрушая газовые мастерские и все, что только может пригодиться для постройки воздушных кораблей или перевозки войск. Наши военные мероприятия идут слишком медленно. Но с этими

машинами, сэр... наше выступление займет выдающееся место среди всемирно-исторических походов!

Лорье даже стал в позу при этих словах.

— Мы не попадем к президенту сегодня?—спросил Берт.

— Нет, сэр,—сказал Лорье.—Нам, наверное, придется путешествовать несколько дней.

— Мы не можем воспользоваться железной дорогой или чем-нибудь в этом роде?

— Нет, сэр! Вот уж три дня, как через Таноду не проходил ни один поезд. Ждать не стоит. Постараемся добраться собственными силами.

— Что ж, мы сейчас отправимся?

— Да, сейчас.

— Но как? Ведь мы не сможем особенно далеко уехать до наступления ночи?

— Будем ехать, пока не свалимся от усталости. Тогда ляжем спать. Во всяком случае, это будет уже выигрыш. Наш путь лежит к востоку..

Берт хотел что-то сказать,—ему припомнился Козий Остров,—но промолчал и начал усердно запрягивать чертежи в свой нагрудник, чтобы они не высовывались из-за жилета.

5.

Эта неделя была полна для Берта самых разнообразных ощущений. Среди этих ощущений преобладало чувство усталости в ногах. Берт без остановки ехал позади Лорье. Он видел огромную страну, гораздо больше Англии, более высокие холмы, более глубокие долины, более обширные поля, более широкие дороги и меньшее количество изгородей; видел деревянные строения с удобными площадями вокруг. Он не знал, куда он едет. Лорье расспрашивал, выбирал повороты, сомневался и решал, какого пути надо держаться. По временам, казалось, они уже могли по телефону определить местопребывание президента, потом опять теряли его след. Но они продолжали ехать. Одна шина ослабла, но Берт не останавливался. У него образовались ссадины от тряски на

седле, но Лорье сказал ему, что на это не стоит обращать внимания. Когда показались азиатские воздушные корабли, оба велосипедиста укрылись за прикрытием и подождали, пока небо снова не стало чистым. Однажды они увидели красную азиатскую летательную машину. Она спустилась настолько низко, что они могли различить голову аэронавта, который преследовал их целую милю. Они проезжали через области, охваченные паникой и подвергшиеся полному опустошению, где люди боролись из-за пищи. Они видели и такие места, где шла все та же застоявшаяся, тихая сельская жизнь. Они провели день в разоренном и разрушенном Албани. Азиаты тут перерезали все провода и превратили в груды щепа соединительную ветвь железной дороги. Наши путешественники ехали все дальше к востоку. Мельком наблюдали они разные эпизоды из жизни, и Берт все продолжал нестись на своем велосипеде за неутомимым Лорье...

Разные обстоятельства привлекали внимание Берта по дороге и внушали ему тревожные мысли и вопросы, на которые он не находил ответа.

Он увидел огромный горящий дом с правой стороны дороги, и ни одного человека не было возле этого дома...

Затем они подехали к узкому железнодорожному мостику и увидели поезд однопорельсовой железной дороги, стоявший на запасном пути. Это был замечательно роскошный поезд,—экспресс, представляющий последнее слово в отношении удобства и роскоши. Пассажиры этого поезда играли в карты, спали, устраивали пикники на зеленом холме поблизости. Поезд стоял тут уже шесть дней...

В одном месте Берт увидел: на деревьях возле дороги качались десять повешенных темнокожих людей. Берт очень удивился: почему бы это их...

нашли пиво и бисквиты. Какой-то маленький и до-нельзя

Наконец, остановились в какой-то мирной деревушке: надо было исправить шину одного из велосипедов. Там грязный мальчик подошел и сказал:

— Отец повесил китайца в этом лесу.

— Как повесил китайца?—спросил Лорье

— Да. Он поймал его, когда он грабил железнодорожные навесы.

— О!

— Они взяли с собою патроны. Отец повесил его, а потом ему оторвали ноги. Отец будет так поступать с каждым китайцем, который попадется ему в руки... Лучше уж им не показываться здесь! С каждым будет то же самое.

Ни Берт, ни Лорье ничего не возразили этому маленькому джентльмену, который мастерски сплюнул и затем, увидав на дороге двух своих приятелей, громко свистнул и побежал к ним навстречу.

В этот же день наткнулись на полуразложившийся труп убитого человека, лежавший поперек дороги, за Албани. По всей вероятности, труп лежал тут уже несколько дней...

По ту сторону дороги им повстречался автомобиль с лопнувшей шиной. Какая-то молодая женщина сидела совершенно пассивно рядом с шоффером. Возле автомобиля на корточках возился старик, тщетно старавшийся что-то исправить, а несколько поодаль, на дороге, спиной к автомобилю, сидел молодой человек, держа ружье между колен и задумчиво смотря в лес. Старик, заметив велосипедистов, вылез из-под автомобиля и, стоя на четвереньках, рассказал Берту и Лорье о своих злоключениях. Автомобиль попортился ночью. Он старался разобрать, что случилось, но не может ничего понять. Ни он, ни его зять ничего не смыслят в механике. Их уверили, что этот автомобиль очень хороший. Оставаться здесь, в этом месте, опасно. Им уже пришлось отразить одно нападение бродяг. Знают, что у них есть с собою припасы. Старик назвал себя: оказалось—это очень известный финансовый деятель. Не согласится ли Лорье и Берт помочь ему? Сначала старик предложил им это в уверенности, что они не откажут, затем начал настаивать и, наконец, умолял их, в ужасе, заливаясь слезами...

— Нет!—сказал непоколебимый Лорье.—Мы не можем останавливаться! У нас есть дело поважнее спасения женщины. Мы должны спасти Америку!

Молодая женщина даже не шевельнулась при этих словах...

Однажды они встретили сумасшедшего, который шел по дороге, весело распевая песни...

Наконец, они нашли президента в маленьком кабаке, в окрестностях местечка, называемого Пинкервилль на Гудсоне, и передали ему чертежи машины Беттериджа.

Глава XI.

Великое разрушение.

I.

Цивилизация погибала, распадаясь на куски; она словно таяла в горниле войны. Все стадии внезапной и всеобщей гибели финансовой и научной цивилизации, которою открылся двадцатый век, быстро следовали одна за другой,—настолько быстро, что в сокращенном историческом повествовании этого почти невозможно проследить. Перед этим мир достиг, повидимому, максимума богатства и благосостояния. Обитатели его, казалось, также пользовались максимумом безопасности. Пусть теперь какой-нибудь вдумчивый мыслитель просмотрит интеллектуальную историю того времени, прочтет уцелевшие остатки тогдашней литературы, обрывки политического ораторского искусства, кое-какие изречения, сохранившиеся из бесчисленного множества проявлений мудрости. Если ознакомиться со всеми этими материалами, то бросится в глаза один поразительный факт: во всем этом преобладала галлюцинация безопасности. Но мы теперь живем в условиях порядка и безопасности, основанных на строго научных данных, и нам ясно, что нет ничего более непрочного и опасного, чем тот социальный строй, который существовал в начале двадцатого века. Нам теперь кажется, что всякое учреждение и все отношения тогда были плодом случайности и традиции, и что законы создавались каждый раз для какого-нибудь отдельного случая, а не в виду некоего ряда дальнейших потребностей. Все тогдашние обычаи представляются нам

нелогичными, а воспитание—бесцельным и разорительным. Метод экономической эксплуатации поражает каждый образованный и просвещенный ум, как самая неистовая и разрушительная погоня за наживой, какую только можно вообразить себе. Кредит и монетная система, основывающаяся на ложной теории относительно ценности золота, представляются нам фантастически непрочными. Жизнь тогдашнего человечества проходила в непланово построенных городах, большей частью слишком густо населенных, причем, как пути сообщения, так и население, распределялись по поверхности земли в величайшем беспорядке, под влиянием самых неуместных соображений. Но тогда думали, что это и есть наиболее обеспеченная и прогрессивная система, и, полагаясь на триста лет случайных и беспорядочных улучшений, все говорили в ответ на чьи-нибудь сомнения в достоинствах такого порядка вещей.

— До сих пор все шло хорошо. Как-нибудь проживем!

Однако, сравнивая положение вещей в начале двадцатого века с предшествующими историческими периодами, мы начинаем понимать слепую уверенность, которая была в эту эпоху. Она явилась неизбежным последствием постоянной удачи. В самом деле, если принять во внимание тогдашние условия жизни, то нельзя не признать, что все шло очень хорошо. Это не будет преувеличением, если мы скажем, что в первый раз в истории все народы снабжались более чем в достаточном количестве жизненными припасами, а статистика ясно указывает не только на небывалое улучшение санитарных условий, но и на широкое умственное развитие во всякого рода искусствах, оздоравливающих жизнь. Уровень и качество просвещения необычайно возросли, и на заре двадцатого века оставалось уже сравнительно мало неграмотных народов и в Западной Европе, и в Америке. Еще никогда не бывало столько читающих среди народных масс. Общественная безопасность тоже увеличилась. Простолудин мог спокойно обехать три четверти земного шара, совершить кругосветное путешествие, истратив на это менее, чем может заработать в год искусный ремесленник. Жизненный комфорт и пышность во времена Римской Империи должны

показаться очень невысокими, если сравнить их с жизнью в начале двадцатого века. И каждый год, каждый месяц происходило новое приращение человеческих знаний и возможностей, открывались новые страны, новые рудники, делались новые научные открытия, изобретались новые машины!

Действительно, в течение трехсот лет прогресс казался благотворительным для человечества. Находились люди, которые говорили, что нравственная организация не идет в ногу с физическим прогрессом, но лишь немногие придавали значение этим словам. Между тем, именно это требование положено в основу нашей теперешней безопасности. Поддерживающие и созидательные силы населения некоторое время уравнивали злое влияние удач и природного невежества, предрассудков, слепой страсти и разорительного эгоизма человечества.

Случайный перевес на стороне прогресса был гораздо менее значительным и бесконечно более сложным и тонким, нежели это думали тогда. Но во всяком случае такой перевес был на самом деле. Люди, однако, не понимали, что это был для них век огромной, но временной удачи. Они предполагали, что развитие прогресса идет естественным путем и за этот путь—они не отвечают. Они не понимали, что им надо было позаботиться об обеспечении этого прогресса, и что нельзя было терять времени. Они энергично занимались своими делами и с удивительной беспечностью относились к этой грозной стихии. Никого не тревожила действительная опасность, которая угрожала человечеству. Армии и флоты возрастали и принимали чудовищные размеры. Стоимость некоторых броненосцев равнялась годичному расходу на народное образование. Люди накапливали взрывчатые вещества и другие орудия истребления. Они стремились к укреплению национальных традиций и взаимного недоверия наций. Они поощряли с удивительным непониманием и необдуманностью расовую вражду и допустили развитие продажной и беспринципной печати, неспособной приносить пользу, но очень способной причинять огромное зло. Государство не имело никакого контроля над этой печатью и позволяло самым беспечным образом накапливаться горючему

материалу у самых дверей своих военных складов, так что достаточно было одной искры, чтобы произвести пожар. В истории, однако, уже существовало не мало precedентов падения цивилизаций, и признаки надвигающейся опасности были достаточно ясны. Теперь трудно поверить, что люди не видели этого.

Могло ли человечество предупредить это страшное бедствие, вызванное войной в воздухе? Это, конечно, праздный вопрос, такой же правдный, как и вопрос о том, могло ли человечество предупредить такие события, как падение Ассирии и Вавилона и превращение их в пустыни, или такие, как медленный упадок и постепенная социальная дезорганизация, завершившая историю Западной Римской Империи. Предупредить гибель было невозможно, потому что не было достаточно сильного желания остановить процесс разложения. Но европеизированный мир не подвергся медленному упадку, как названные цивилизации, которые постепенно угасали и распадались. Европеизированная цивилизация была снесена в один миг. Она совершенно распалась и разрушилась в промежуток пяти лет. Почти накануне войны в воздухе можно было наблюдать грандиозное зрелище непрерывного прогресса. Мы видим громадные площади, занятые высоко организованной промышленностью и оседлым населением; гигантские города, моря и океаны, покрытые судами; сеть железных дорог, простирающуюся на громадные пространства. И вдруг, немецкий воздушный флот, появляется на сцене, и наступает начало конца!

2.

История о том, как молниеносно напал на Нью-Йорк первый немецкий воздушный флот и как после этого неизбежно наступила дикая оргия разрушения,—эта история уже рассказана нами. За этим флотом уже другой воздушный флот приготовился к выступлению, когда Англия и Франция, Испания и Италия показали свои когти. Ни одна из этих стран не готовилась к воздушному походу в таких размерах, как Германия, но каждая втай-

не принимала меры, опасаясь германской силы и агрессивных наклонностей, олицетворяемых принцем Карлом-Альбертом. Эти общие опасения сделали возможной кооперацию держав, и они очень быстро заключили между собою союз. Вторую воздухоплавательную державой в Европе, в то время была Франция. Англичане, больше всего опасавшиеся за целостность своей азиатской империи и рассчитывавшие на громадное нравственное впечатление, которое должен произвести воздушный флот на полубразованные народы, поместили свои воздухоплавательные парки в северной Индии и могли сыграть лишь второстепенную роль в европейском конфликте. Но даже в Англии было девять или десять больших дирижаблей, около двадцати или тридцати маленьких и разнообразные аэропланы. Когда флот принца Карла-Альберта пролетал над Англией, и Берт с высоты птичьего полета видел Манчестер, то уже шли дипломатические переговоры относительно нападения на Германию. Разнообразная коллекция дирижаблей, различной величины и типов, собралась над бернским Оберландом и в сражении над Альпами разрушила и сожгла двадцать пять швейцарских воздушных кораблей, неожиданно воспротивившихся такому собранию. Покинув альпийские глетчеры и долины, усеянные теперь обломками воздушных кораблей, эти дирижабли разделились на два отряда и отправились терроризировать Берлин и разрушать Франконский парк, чтобы предупредить выступление второго воздушного флота Германии.

Прежде, чем нападавшие были отбиты, они успели нанести бомбами громадный вред Берлину и Франконии. Во Франконии двенадцать совсем готовых к отправлению кораблей и пять наполовину готовых могли противостоять налетам и, во всяком случае, хотя бы с помощью отряда летающих драконов, явившегося из Гамбурга, могли освободить от осады Берлин. Немцы напрягали все силы, чтобы иметь в распоряжении подавляющий воздушный флот, и уже отправили его на Лондон и Париж, как вдруг из Бирмы и Армении были получены известия о передовых отрядах азиатского воздушного флота, явившегося совершенно новым фактором в этом конфликте

Вся мировая финансовая фабрика пошатнулась, когда это произошло. Вместе с уничтожением американского флота в Северной Атлантике и сокрушительным столкновением, положившим конец морскому могуществу Германии в Северном море, вместе с колоссальным разрушением и сожжением четырех главных городов мира,—люди в первый раз столкнулись с фактом безнадежно громадной стоимости войны. Кредит полетел вниз, увлекаемый вихрем продажи ценностей. Повсюду можно было заметить то явление, которое обнаруживалось уже и в предшествующие периоды, когда возникали паники, хотя и в более слабой степени: все стремились запастись золотом, прежде чем цены упадут на самое дно. Но теперь это явление распространилось с быстротою пожара и стало универсальным. Наверху происходил видимый для глаз конфликт и разрушение, а внизу—нечто такое, что наносило смертельный удар хрупкому зданию финансовой и коммерческой мировой фабрики, на которой люди так слепо основали свой кредит. В то время, как воздушные корабли сражались вверх,—внизу таяли видимые запасы золота. Эпидемия всеобщего и частного недоверия распространилась по всему свету. Деньги чрезвычайно быстро исчезли, запрятанные в погребах, ямах, стенах домов и во всевозможных тайниках. Остались только обесцененные бумаги. Исчезли деньги, и вместе с их исчезновением настал конец торговле и промышленности. Экономический мир запатался и пал мертвым. Как будто болезнь внезапно подкосила организм! Как будто вода внезапно исчезла из крови живого существа, и эта кровь свернулась! Так внезапно произошло всемирное свертывание жизненных соков и полное прекращение обмена!

Что касается кредитной системы, представлявшей живую крепость научной цивилизации, то она зашаталась и рухнула на те миллионы людей, которых она удерживала вместе посредством экономических отношений. И в то время как эти люди беспомощно смотрели на полное разрушение кредита, азиатские воздушные корабли, в несметном количестве, неслись по небу—на запад, в Европу, и на восток, в Америку. История превращается в

длинный список ужасающих битв. Главный корпус англо-индийского воздушного флота погиб под натиском своих противников в Бирме. Немцы были рассеяны в великой битве в Карпатах. Весь обширный индийский полуостров был охвачен восстанием, и гражданская война распространилась от одного конца его до другого, а от Гоби до Марокко поднимались знамена священной войны. В первые недели этой войны и разрушения могло показаться, что восточно-азиатская коалиция хочет завоевать весь мир. Но наскоро построенная «современная» цивилизация Китая не выдержала напряжения. Трудолюбивое и мирное население Китая лишь против воли подверглось европеизации в начале двадцатого века. Японское и европейское влияние насильно вводило западную цивилизацию и дисциплинировало китайцев. Но вместе с введением санитарных мер, полицейского контроля и военной службы, началась такая всеобщая эксплоатация, против которой должны были возмутиться традиции китайского народа. Война довела напряжение до последних пределов и наступил перелом. В Китае началось беспорядочное восстание, а случайное истребление центрального правительства в Пекине горсточкой германских и британских воздушных кораблей, ускользнувших во время главных сражений, сделали это восстание непобедимым. В Иокогаме появились баррикады, черный флаг и социальная революция. Таким образом, весь мир был охвачен всеокупающим конфликтом...

Логическим последствием этой всемирно распространившейся войны явился социальный упадок. Там, где население было многочисленно—огромные массы его очутились без работы; без денег и не могли добыть себе пропитание. Через три недели после начала наступательных действий голод уже свирепствовал во всех кварталах рабочего населения. Через месяц уже не было нигде ни одного города, где бы обычные законы и обычный общественный строй не были заменены какою-нибудь формой случайного контроля, и где бы для поддержания порядка и предупреждения насилий не прибегали к оружию и военным экзекуциям. Но голод продолжал распространяться, и не только в беднейших кварталах и населенных

округах, но и там, где прежде господствовали довольство и достаток.

3.

И вот из этого фазиса социального упадка возникло то, что было названо историками «фазисом случайных комитетов». Наступил период жестокой и страстной борьбы против разложения. Везде шла борьба за сохранение порядка и за продолжение войны. Между тем, произошла перемена в самом характере войны: огромные, наполненные газом воздушные корабли заменились летательными машинами, как орудиями войны. Как только миновало время крупных сражений между большими флотами, азиаты постарались устроить по близости наиболее важных пунктов различных стран укрепленные центры, откуда летательные машины могли производить набеги. Некоторое время, таким образом, азиаты имели перевес; когда был найден секрет Беттериджевской летательной машины, борьба стала более равной, но зато и не приводила к решающему результату. Маленькие летательные аппараты, непригодные для больших экспедиций или решительной атаки, были чрезвычайно удобны для партизанской войны: их можно было быстро и дешево построить, легко было управлять ими и легко прятать. Чертежи Беттериджевской машины были тотчас же скопированы и отпечатаны в Пинкертвилле и распространены по всем Соединенным Штатам, а копии посланы в Европу, где они также были воспроизведены в бесчисленном количестве экземпляров. Каждый человек, каждый город и каждый приход строили такие машины и пользовались ими. В скором времени не только правительства и местные власти строили эти машины, но их строили и шайки разбойников, и повстанческие комитеты, и разные частные лица. Особенность этой машины и ее социальной разрушительной силы заключалась в ее простоте. Она была почти так же просто устроена, как мотоциклет. Широкие рамки прежних стадий войны исчезли после появления этой машины, и антагонизм наций, империй и рас

растворился в бурлящей массе отдельных конфликтов. Один шаг—и мир перешел от широкого единства и простоты, более значительных, чем в лучшие времена Римской Империи—к полному социальному раздроблению, какое наблюдалось во времена средневековых баронов. Но, само собою разумеется, во время этого длительного падения и постепенного разложения, наблюдалось то же самое, что бывает и при падении со скалы. Везде находились мужчины и женщины, видевшие бездну под ногами и отчаянно боровшиеся, чтобы удержаться на верху скалы.

Наступил четвертый фазис. Борьба против хаоса и голода пробудила старого врага человечества—морювую язву, Пурпурную Смерть. Но война всетаки не прекращалась. Флаги продолжали развеиваться. Появлялись новые воздушные флоты, новые формы воздушных кораблей, и под влиянием этой войны в небесах мир погружался в мрак, едва освещаемый историей.

Мы не имеем в виду рассказывать здесь дальнейшую историю этого периода и описывать, как все дальше и дальше развивалась война в воздухе и как правительства оказались совершенно неспособными заключить какое-нибудь соглашение, чтобы положить конец этой войне. Такое положение вещей продолжалось до тех пор, пока всякое организованное правительство в мире не рассыпалось вдребезги, как фарфоровая чашка от удара палкой. История этих ужасных лет с каждой неделей становится все более запутанной, загроможденной деталями и недостоверной. Конечно, цивилизация сдалась и пала не без великой борьбы и героического сопротивления. Из жестокого социального конфликта, господствовавшего внизу, нарождались разные патриотические ассоциации, братства, монашеские ордена, появлялись принцы, бургомистры и временные комитеты, старавшиеся восстановить порядок внизу и удержать небеса в своем владении. Эти усилия на два фронта—еще больше разрушали их. Но вместе с истощением механических ресурсов цивилизации небо само собой очистилось от воздушных кораблей. Анархия, голод и чума оказались победителями внизу, на земле. От великих наций и от империй—оста-

лись только имена. Повсюду рассеяны были развалины, и валялись мертвые, непогребенные тела, а те, кто пережил все эти ужасы, были охвачены смертельной апатией. В одном месте организовывались комитеты для надзора за порядком, в другом—бродили грабители и партизанские шайки, господствовавшие в голодных областях; возникали и распадалась странные федерации и братства, и религиозный фанатизм, порожденный отчаянием, сверкал в глазах голодных людей. Это было всемирное разложение. Прекрасный порядок и благосостояние на земле разлетелись в брызги, как мыльный пузырь. В течение каких-нибудь пяти лет мир и весь строй человеческой жизни претерпели регрессивные изменения, такие же значительные, какие произошли в промежуток времени между веками Антонинов *) и Европою IX столетия...

4

Среди этой мрачной картины всеобщего разрушения и бедствия есть одна незначительная, случайная фигура: Берг. И читателю, может быть, интересно узнать конец истории Берга. О нем еще надо рассказать одну удивительную вещь.

Среди умирающей цивилизации, среди погибающего мира, объятого мраком, он нашел свою Эдну!—Этот маленький бродяга Берг умудрился-таки найти свою Эдну.

Он пересек Атлантический океан, исполняя приказание президента. Берту и тут благоприятствовала его счастливая звезда. Ему удалось отправиться на британском бриге, который перевозил строевой лес, и теперь как раз уходил из Бостона; судно отправлялось из Америки без всякого груза.—кажется, больше всего потому, что капитан надеялся добраться домой. Берг был принят на судно, главным образом, из-за своих морских сапог. Путешествие было долгое и полное приключений. За ними гнался в течение нескольких часов—или же они вообразили, что гнался—азиатский броненосец, который

*) Антонин-Пий и его племянник Антонин, известный под именем Марка-Аврелия философа,—римские императоры 2-го века по Р. Х.

потом вступил в бой с британским крейсером. Эти два корабля сражались около трех часов, кружась и подвигаясь к югу, пока не исчезли из виду в сумерках, в налетевшем урагане. Несколько дней спустя, бриг, на котором плыл Берт, потерял руль и мачту во время бури. Не хватило с'естных припасов, и пришлось питаться рыбой. Они видели: странные воздушные корабли, летевшие к востоку. У Аворских островов остановились и в Тенерифе исправили руль и запаслись провизией. Город оказывался совершенно разрушенным, а в гавани затонули два больших линейных корабля, вместе с находившимися на них людьми. Берт и его товарищи достали здесь и хорошие запасы пищи и материал для ремонта, но им сильно мешала какая-то шайка, скрывавшаяся в развалинах города: эта шайка таскала у них припасы и старалась всячески выжить отсюда.

После того остановились в Могadore. Послали на берег лодку за водой—и чуть не были взяты в плен арабами. Тут они захватили заразу Пурпурной Смерти—и увезли ее в море с собой—в своей крови. Первым заболел повар, потом боцман, потом переболели все остальные, и трое уже лежало мертвыми на баке корабля. По счастью, погода была тихая, и они беспомощно уносились течением назад, к экватору, совершенно равнодушные к своей судьбе. Капитан всех их лечил ромом. Девять человек умерло, а четверо, оставшиеся в живых, ничего не понимали в морском деле. Когда они настолько поправились, что могли управлять парусом, то стали держать курс по звездам, прямо на север. Скоро опять не хватило провизии, но тут встретились с судном, идущим из Рио в Кардиф; на этом судне не хватало людей.—команда сильно пострадала от чумы,—поэтому капитан охотно взял на борт Берта и остальных. Так вот Берт добрался, наконец, до берегов Англии, пробродив по свету целый год. Он вступил на английский берег в яркий июньский день и тотчас же увидел, что Пурпурная Смерть уже и здесь начала производить опустошения.

В Кардифе население находилось в состоянии паники. Многие бежали в горы. Как только пароход, на котором находился Берт, вошел в гавань, какой-то временны́й

комитет тотчас же захватил его и завладел оставшимся провиантом. Берт отправился бродить по стране, совершенно дезорганизованной чумной эпидемией и голодом и представлявшей картину глубочайшего падения. Все основы существовавшего с незапамятных времен строя пошатнулись. Берт не раз подвергался смертельной опасности, голодал и однажды чуть не погиб во время свалки. Но тот Берт Смоллуэйс, который шел из Кардифа в Лондон, побуждаемый смутным желанием «вернуться домой», найти Эдну, был совсем не похож на Берта, изображавшего «дerviша пустыни» и унесенного из Англии воздушным шаром Беттериджа год тому назад. Берт сильно загорел, похудел и приобрел громадную выдержку и опыт. Он уже не ходил больше, разинув рот, как прежде; и в его взгляде светились твердость и упорство. В Кардифе он испытал нужду в новом одеянии и оружии и, чтобы раздобыть это, он прибегнул к таким средствам, которые, наверное, шокировали бы его год тому назад. Он нашел в покинутом ломбарде фланелевую рубашку, костюм из вельвета и револьвер с пятьюдесятью патронами. Всем этим он завладел без всяких церемоний. Он нашел также немного мыла и в первый раз за тринадцать месяцев вымылся хорошенько в ручье за городом. Сторожевые отряды, которые раньше прямо расстреливали грабителей, уже наполовину разбежались вследствие эпидемии, а остатки—разрывались между городом и кладбищем, тщетно стараясь поспеть и туда, и сюда: эпидемия все разrostалась...

Три-четыре дня Берт бродил в окрестностях, умирая с голоду, и, наконец, вернулся в город и присоединился на неделю к госпитальному отряду, чтобы немного откорректироваться перед отправлением в дальнейший путь к востоку.

Уэльс и вообще английская провинция представляли в высшей степени странное явление обеспеченности и богатства среди всеобщего упадка. Там имущество было в целости. Дома и однопорельсовые железные дороги, изгороди ферм, кабели, мостовые и тротуары, столбы с наклеенными на них объявлениями, относящимися к прежнему порядку вещей—все это большую часть оставалось нетронутым. Банкротство, социальный упадок, голод и чума,

как будто не коснулись этих мест. Только большие столицы и крупные центры подверглись настоящему разрушению. Тот, кто внезапно попал бы в сельский округ, сразу не заметил бы даже большой разницы против прежнего. Конечно, бросилось бы в глаза, что все живые изгороди давно надо подстричь; трава слишком густо разрослась по краям дороги; по дорогам разрыты дождем колеи; коттеджи, виднеющиеся по сторонам, большею частью закрыты, телефонные проволоки оборваны, и на откосе стоит покинутая повозка... Широковещательные объявления о превосходных консервированных персиках или о необыкновенно вкусных сосисках—должны были бы еще сильнее раздражить голод попавшего сюда человека. А ватем вдруг он увидел бы нечто, напоминающее средневековые времена в картинах Дюрера *),—скелет лошади, или скомканную массу лохмотьев во рву, из которой выглядывает худая нога с желтой покрытой красными пятнами кожей, и лицо,—или то, что было лицом,—теперь изъеденное и страшное! Местами попадались бы вспаханные, но не засеянные поля или поле ржи, истоптанное скотом, и кучи хвороста, припасенные для костра...

Но Берт у встречались по дороге и люди—мужчины и женщины, с пожелтевшими лицами, одетые кое-как: с оружием в руках—они разыскивали себе пищу. Эти люди выражением глаз—да и вообще всем своим видом—напоминали бродяг и преступников, хотя их одежда указывала на принадлежность к зажиточному среднему и даже высшему классу. Многие из них жаждали узнать какие-либо новости и готовы были даже поделиться своими скудными припасами и крохами серого и полусырого хлеба. История Берта, конечно, должна была заинтересовать их, и им очень хотелось удержать его у себя на несколько дней. Почта и всякие газетные предприятия уже не работали, и это образовало огромный и болезненный пробел в умственной жизни того времени. Люди уже не могли видеть и знать того, что делается в разных концах земного шара, и им пришлось вернуться к привыч-

кам средних веков и довольствоваться разными слухами и толками. Во взглядах, в разговоре и во всем внешнем облике этих людей чувствовалась полная растерянность.

Берт избегал, по возможности, больших городов, этих центров, где господствовали насилие и отчаяние, переходил из одного округа в другой, из одного прихода в другой и часто находил в них весьма различные условия. В одном каком-нибудь приходе он видел сожженные большие дома и разоренный дом приходского священника, очевидно, вследствие подозрения, что там скрывались запасы пищи, видел непогребенные трупы людей, полную остановку всего механизма общины. В другом месте он находил организованные силы, упорно старающиеся восстановить порядок; читал свежие объявления насчет бродяг; видел группы вооруженных людей, охраняющих дороги и возделанные поля; видел борьбу с эпидемией, заботы о питании народа, запасы пищи и присмотр за скотом. В некоторых местах он встречал даже организованное правосудие, в лице двух-трех судей, причем обыкновенно деревенский доктор или какой-нибудь фермер подчиняли себе всю местность. Это было также возвращением к автономной общине пятнадцатого века. Но даже такая организованная деревня могла во всякое время подвергнуться набегу азиатов или африканцев, или вообще каких-нибудь воздушных пиратов, разыскивающих для себя керосин, или алкоголь, или провиант. Порядок покупался ценою невообразимых усилий, необычайной бдительности и постоянного напряжения. Иногда начинали попадаться грубо сделанные надписи, как-то: «Карантин», «Иностранцы подвергаются расстрелу»,—и вереницы повешенных грабителей, раскачивавшиеся на телефонных столбах, по краям дорог... Это означало, что где-нибудь уже близко большой населенный центр, где идет междоусобица и хаос. Вокруг Оксфорда, на крышах, помещались огромные доски, на которых было написано только одно слово: «Пушки», служащее предостережением для всех чужестранцев.

Несмотря на риск, которому подвергались все на этих дорогах, по ним раз'езжали велосипедисты, и Берт во время своего долгого путешествия несколько раз встре-

*) Дюрер—знаменитый немецкий художник конца 15-го—начала 16-го века.

чал огромные автомобили, с сидящими в них закутанными фигурами в автомобильных масках. Полиции попадалось мало, но иногда встречались отряды худых и обтрепанных солдат-велосипедистов, и чем ближе Берт подходил к границе Уэльса, тем чаще попадались они. По-видимому, они продолжали поход, несмотря на господствующее кругом разрушение.

Терзаемый голодом, Берт несколько раз хотел зайти в рабочие дома, чтобы переночевать там, но находил их или запертыми, или же превращенными во временные госпитали. Однажды Берт, в сумерках, пришел в одну деревню в Глостершайре и захотел войти в рабочий дом, двери и окна которого были широко раскрыты. Но тут Берта поразило зловоние, господствовавшее в коридорах, и он, к ужасу своему, увидел, что коридоры полны трупов.

Из Глостершайра Берт отправился к северу, в британский воздухоплавательный парк, за Бирмингэмом, в надежде, что там его примут на службу и покормят. Правительство или, во всяком случае, военное министерство продолжало существовать и энергично старалось, несмотря на упадок и социальные бедствия, поддерживать британский флаг, побуждая мэров и городские магистраты заново организовываться. Лучшие, оставшиеся в живых, ремесленники со всего округа были собраны в этот парк и готовили его к осаде. Они спешно строили машины Беттериджа, более крупного типа. Но Берт не нашел здесь себе работы. Он был недостаточно искусен. Поэтому он отправился дальше, в Оксфорд. Как раз после его ухода произошло сражение, во время которого был окончательно разрушен этот парк. Кое-что Берт видел, но не слишком много, когда проходил местность Бор Хилл. Он видел азиатскую эскадру, пролетающую над холмами по направлению к юго-западу. Он видел также, как два аэроплана преследовали воздушный корабль, догнали его, подстрелили, и корабль сгорел в Эдж Хилле. Но Берт так и не узнал исхода всего этого сражения.

Берт переправился через Темзу из Итона в Виндзор и прошел вокруг южной части Лондона в Бен Хилл. Там он нашел своего брата Тома: у Тома был вид несчастно-

го, загнанного животного и он прятался в своей старой темной лавчонке. Он только что перенес чуму, а Джессика еще лежала наверху без сознания, в мучительной агонии. Она бредила о рассылке товара своим постоянным покупателям и бранила Тома за то, что он не торопился: ведь этак он непременно опоздает отнести во-время картофель мистрисс Томпсон и цветную капусту мистрисс Гапкинс... Но всякая торговля в лавочке давно уже прекратилась, и Том занимался только тем, что с необыкновенным искусством расставлял западни для крыс и воробьев. Впрочем, он очень ловко сумел припрятать кое-какие запасы хлеба и бисквитов из ограбленных магазинов.

Том встретил брата с сердечностью, в которой, однако, сквозила некоторая боязнь.

— О, Господи!—вскричал он.—Это ты, Берт? Я так и думал, что ты когда-нибудь вернешься, и я очень рад, что вижу тебя. Но я не могу накормить тебя: у меня у самого ничего нет... Где ты был все это время?

Берт успокоил брата, показав ему оставшийся у него кусок хлеба, и затем принялся рассказывать ему свою историю. Вдруг он заметил за прилавком пожелтевшую и забытую там записку, адресованную ему.

— Это что такое?—спросил Берт и, взяв записку, увидел, что она была написана Эдной, год тому назад.

— Она заходила сюда,—сказал Том равнодушным тоном, как будто сообщал самую простую вещь.—Она спрашивала о тебе и просила нас взять ее. Это было после битвы и сожжения Клэпгэма. Я хотел ее взять, но Джессика не соглашалась; тогда она заняла у меня пять шиллингов и ушла. Она тут сообщает тебе...

Берт уже не слушал его. Он прочел в записке, что она отправляется в Горскэм к своему дяде и тетке, у которых был в той местности кирпичный завод. И там, наконец, после двухнедельного путешествия, полного приключений, он нашел Эдну...

5.

Когда Берт и Эдна увидели друг друга, они прежде всего расхохотались от души. Оба так изменились, имели

такой оборванный вид и так были поражены, что не могли удержаться от смеха. Но затем оба заплакали:

— О, Берт, дорогой!—рыдала Эдна.—Ты пришел, пришел!—Она протянула ему руки и зашаталась.—Я говорила ему это... Он сказал, что убьет меня, если я не выйду за него замуж!..

Но Эдна еще не была замужем и, когда, наконец, она успокоилась, то рассказала Бертю следующее. Этот маленький уголок уединенного земледельческого округа подпал под власть шайки буянов, во главе которой находился Билль Гор. Билль Гор начал свою карьеру приказчиком у мясника, а затем превратился в профессионального борца. Раньше он вместе со своими товарищами находился в группе борцов, организованной местным дворянином, который раньше был известен как любитель скачек. Но вскоре после того этот дворянин исчез без вести, и предводительство перешло к Биллю, который подчинил себе весь округ, обнаружив большие способности. Его предшественник имел отчасти философские взгляды и мечтал об «улучшении расы» и о «сверхчеловеке». На практике это выражалось в том, что он, а отчасти и вся его маленькая шайка, женились немножко черезчур часто. Билль с особенным энтузиазмом ухватился за эту идею, что даже вредило его популярности среди последователей. Однажды он повстречал Эдну, когда она кормила своих свиней. Он сейчас же, с удивительной назойливостью, начал приставать к ней, возле корыт со свиным пойлом. Она храбро сопротивлялась, но он не оставлял ее в покое и был чрезвычайно настойчив.

— Он может заявиться во всякое время,—сказала Эдна, смотря в глаза Бертю.

Очевидно, люди снова вернулись к варварским временам, когда мужчина должен был с оружием в руках отстаивать свое право на любовь женщины.

Конечно, тут можно было пожалеть о прежних рыцарских традициях и можно было бы предпочесть, чтобы Берт поступил, как поступали в прежние романтические времена, т. е., чтобы он послал вызов своему сопернику, и чтобы счастье было на его стороне. Но ничего подобного не произошло. Берт тщательно осмотрел свой ре-

вольвер, зарядил его и затем засел в лучшей комнате коттеджа у заброшенного кирпичного завода, прислушиваясь к разговорам о Билле и его поступках, высматривая и размышляя... Вдруг тетка Эдны с дрожью в голосе сообщила ему, что Билль идет. Через садовую калитку Билль вошел в сопровождении двух товарищей из своей шайки. Берт встал, отодвинул тетку Эдны от окна и стал смотреть на приближающихся мужчин. Это были в своем роде замечательные фигуры. Они были одеты в красные куртки, белые фуфайки, короткие штаны, чулки и ботинки, какие надевают для игры в мяч. Что касается головных уборов, то тут уж каждый дал волю своей фантазии. На голове Билля была женская шляпа с массою петушиных перьев, а у его товарищей широкополые шляпы ковбоев.

Берт глубоко вздохнул и стоял, задумавшись. Эдна с удивлением смотрела на него. Женщины стояли смирно, не двигаясь. Наконец, Берт отошел от окна и медленно прошел в коридор с озабоченным выражением человека, которому предстоит сложное и неприятное дело.

— Эдна!—позвал Берт и, когда она пришла, он открыл входную дверь и просто спросил ее, указывая на человека, идущего впереди:—Это он? Наверное?—Удостоверившись, он выстрелил и очень аккуратно всадил пулю в грудь своему сопернику; затем, уже не целясь, выстрелил в голову другому и послал пулю в догонку третьему, когда тот бросился бежать. Этот парень взвизгнул, но продолжал бежать, комично прихрамывая.

Берт продолжал стоять в раздумьи, с револьвером в руках, не замечая женщин, стоявших позади.

До сих пор ему все удавалось, но теперь для него было ясно, что, если он не пустит в ход дипломатию, то будет повешен, как убийца. Поэтому, не говоря ни слова женщинам, он отправился на деревенский постоялый двор и пробыл там час. Он вошел с заднего крыльца и прямо направился к шайке шалопаев, которые здесь кутили за столиком, разговаривая о браке и о любовных делах Билля в шутовском тоне, но с явною завистью. У Берта как будто случайно был при себе револьвер, но этот револьвер был тщательно заряжен. Берт обратился

к ним с предложением присоединиться к «Комитету надзора» под его управлением.

— Такой комитет необходим,—сказал им Берт,—и мы должны его устроить!—Он представился им, как человек, имеющий тут друзей, хотя у него никого не было, кроме Эдны, ее тетки и двух ее кузин.

Последовал оживленный разговор. Обсуждалось положение вещей, но к словам Берта видимо отнеслись с некоторым почтением. Должно быть, принимали его за сумасшедшего, который появился откуда-нибудь из окрестностей и ничего не знает о Билле. Поэтому, желая оттянуть время, они предложили ему подождать, пока не придет их предводитель,—он уж сам уладит все дело!

Кто-то заговорил о Билле.

— Билль умер,—сказал Берт.—Я только что застрелил его, нам нечего теперь считаться с ним. Он убит. И красноволосый парень, с косыми глазами, тоже убит! Мы теперь должны устроить все без них. Билля больше нет и не будет! У него были неправильные понятия о браке и тому подобных вещах. Такие люди нам не нужны!

Тем дело и кончилось.

Билля кое-как похоронили, и комитет Берта стал править этой местностью вместо Билля.

Тут конец и нашей истории, поскольку это касается Берта Смоллуэйса. Мы оставляем его с Эдной, вдаль от событий, среди болот и лесов, где они превратились в крестьян. С этого времени жизнь их уже приняла другой характер. Мелочная борьба с крестьянами, забота о свиньях и курах, мелкие нужды, маленькие сбережения и дети—все это отодвинуло для них на задний план великие события, свидетелем которых был Берт, и все, что произошло, теперь казалось ему сном. Он никогда не узнал, продолжалась или нет война в воздухе. Были слухи о воздушных кораблях, которые то появлялись, то исчезали, и о событиях в Лондоне. Раза два Берт видел: на него падает тень от кораблей, но он не знал, откуда они явились и куда направляются. Впрочем, у него даже не было желания разговаривать об этом. Да и некогда было. Дел было много. Временами в стране появлялись воры и грабители или возникали болезни среди скота и

ощущался сильный недостаток в пище. Со всем этим надо было бороться. Однажды Берту пришлось помогать в охоте на кабанов, которые производили опустошения в стране. Он пережил еще много разных приключений, и часто он и его жена бывали на краю гибели. Но они оба любили друг друга и страдали, и были счастливы. Она родила ему много детей,—одиннадцать человек одного за другим—и из них только четверо погибли вследствие тяжелых условий их жизни. Но они все это перенесли и из года в год улучшали свое существование, насколько это было возможно в те времена.

Эпilog.

Однажды в летний вечер, спустя тридцать лет после выступления первого германского воздушного флота, какой-то старичок, вместе с маленьким мальчиком, отправился искать пропавшую курицу в развалинах Бен Хилля и Хрустального дворца. В сущности, этот человек еще не был очень стар, ему минуло только шестьдесят три года, но постоянная работа заступом и вилами, копание корней, собиранье навоза, постоянное пребывание на открытом воздухе, в сырости, без перемены одежды,—превратило его в согбенного старца. К тому же он потерял все зубы: это повлияло на его пищеварение и отразилось на его наружности и на его настроении. Лицом старик был удивительно похож на старого Томаса Смоллуэйса, который когда-то служил кучером у сэра Питера Бона. Впрочем, в этом сходстве ничего не было удивительного, так как этот старичок был его сын Том Смоллуэйс, некогда содержавший маленькую зеленую лавочку у виадука однорельсовой железной дороги в Гайстрие, в Бен Хилле. Но теперь лавочки уже не существовало, и Том жил в одной покинутой вилле, как раз у того места, где некогда он занимался огородничеством. Он и его жена занимали верхние комнаты, а в нижних комнатах, в столовой и гостиной, откуда большие французские окна выходили прямо на луг,—в нижних комнатах Джессика, все еще очень энергичная и деятельная, хотя и очень ху-

дая, сморщенная и плешивая старушка, держала своих трех коров и множество кур.

Том и Джессика были членами маленькой общины бродяг и возвратившихся беглецов, численностью не более полутора ста душ; эта община умудрилась кое-как устроиться при новом положении вещей, после паники, голода и чумы, последовавшими за развитием войны. Они все пришли сюда из разных укромных убежищ и тайных уголков, где скрывались до этого времени, и поселились теперь среди знакомых мест и домов, начав тяжелую борьбу за существование. Им приходилось бороться с природой, чтобы добыть себе пищу, что и составляло теперь главный интерес их жизни. Поглощенные такой постоянной заботой о пропитании, они были миролюбивым народом,—в особенности, после того, как Уильнэй, агент по приобретению недвижимой собственности, оказался сутягой и вздумал проверять права владельцев. Уильнэй в спешке был найден утонувшим в колодце, возле разрушенных газовых мастерских. (Он не был намеренно убит,—вы понимаете?—его только хотели для примера выкупать в колодце, чтобы умерить его пыл, и продержали в воде десять минутами дольше, чем это было полезно для его здоровья).

Маленькая община, отрешившаяся от своих прежних привычек пригородного паразитического существования, вернулась к той нормальной жизни, которую вело человечество в незапамятные времена. Это была грубая и простая жизнь, в самом тесном соприкосновении с коровами и курами, с землей, которую надо было пахать. Это была жизнь, пропитанная ароматом коровника, и потребность в возбуждающих средствах удовлетворялась процессами брожения, происходившими там. Такова была жизнь европейских крестьян на заре истории и вплоть до начала научной эры, а огромное большинство народов Азии и Африки всегда вело такую жизнь. В течение некоторого времени можно было думать, что машины и научная цивилизация предохранят Европу от этого постоянного возвращения к животной грязной работе, и что Америка избежала этого уже с самого начала. Но вместе с разрушением великолепного, высокого и прочного зда-

ния машинной цивилизации, простой человек вернулся назад к земле, назад—к навозу...

Сохранившиеся в памяти людей воспоминания о великом государстве мало-по-малу и почти незаметным образом содействовали развитию обычного права под руководством либо врача, либо священника. Мир вновь открыл религию и необходимость найти нечто такое, что могло бы удерживать вместе общины. В Бен Хилле функцию руководителя исполнял старый баптистский священник. Его учение было очень простое, но легко усваиваемое людьми. Оно заключалось в следующем: добрый принцип, именуемый «Словом», постоянно боролся против дьявольского женского влияния, именуемого «Пурпурной женщиной», и зла, называемого «Алкоголем». Алкоголь давно уже превратился в чисто отвлеченное понятие, лишенное всякого материального элемента и не имеющее никакого отношения к случайной находке водки и вина в лондонских погребах, что послужило праздником для Бен Хилля. Священник проповедовал свою доктрину по воскресеньям, а в обычные дни недели он был простым, добрым и любезным старичком, отличавшимся от других своим «странным» стремлением ежедневно умывать руки и лицо и своим гениальным искусством в резании свиней. Воскресная служба происходила в старинной церкви на Бикенгэм-Род, и поселяне стекались туда в костюмах, напоминавших городскую одежду времен Эдуарда. Все мужчины были в сюртуках, цилиндрах и белых рубашках, хотя многие были без сапог. Том в особенности отличался щегольством в таких случаях, потому что он носил зеленый сюртук и штаны, найденные им на одном скелете в подвале городского банка, а цилиндр у Берта был даже украшен золотым шнурком. Женщины, даже Джессика, являлись в церковь в жакетах и громадных шляпах, самым экстравагантным образом отделанных искусственными цветами и перьями экзотических птиц, запасы которых имелись в большом количестве в лавках северной части города. Дети—их было не особенно много, так как огромное количество детей, родившихся в Бен Хилле, погибло от неизвестных бо-

лезней,—дети были точно так же одеты, только платья их были соответствующим образом укорочены. Даже маленький четырехлетний сынок Стринджера щеголял в цилиндре.

Таковы были воскресные костюмы в округе Бен Хилл. Это был очень любопытный и интересный пережиток прежних времен. В самом деле, в течение недели все эти люди ходили грязные, в лохмотьях, увешенные грязными тряпками, остатками старых ковров, красной фланели, кусками кисейных занавесок и мешков, и либо были без сапог, либо носили грубые деревянные сандалии. Эти люди представляли городское население, вернувшееся к варварскому состоянию крестьянства, но не обладавшее ни одним из тех простых искусств, которыми обладало варварское крестьянство. Во многих случаях они оказывались дегенератами и неспособными людьми. Они потеряли всякое представление о том, как делается пряжа и не могли приготовить для себя одежду, даже если у них был материал для этого, и, в конце концов, чтобы прикрыть свою наготу, они вынуждены были грабить постоянно уменьшавшиеся запасы в развалинах. Все простые искусства и ремесла, которые они когда-то знали, были ими позабыты, а вместе с исчезновением всех современных приспособлений, современного водоснабжения и стоков, лавочной торговли и т. п.,—все их цивилизованные привычки оказывались совершенно бесполезными. Стряпня их была хуже, чем в первобытные времена. Они приготавливали какую-то пищевую смесь, кипятив ее на огне в закопченных каминах в гостинных домов, так как на кухонные очаги выходило слишком много дров. Они потеряли всякое понятие о печении, пивоварении и о каком-либо металлическом производстве.

Употребление мешков и других грубых материалов для повседневной одежды и привычка подвязывать их шнурком, а для теплоты засовывать туда солому и пух,—придавало им странный вид каких-то ходячих тюков. В такой именно рабочей одежде старый Том отправился со своим маленьким племянником разыскивать курицу в развалинах Бен Хилля.

— Вот и ты явился в Бен Хилл, Тэдди!—сказал ста-

рик Том мальчику. Как только они потеряли из вида Джессику, они пошли медленней. Ты последний из сыновей Берта, которого мне еще оставалось увидеть! Я видал уже молодого Берта, видел Сисси и Матта, и Тома, названного в честь меня, и Питера... Странники доставили тебя сюда, а?

— Я и сам бы дошел,—отвечал Том.

— А есть тебе не хотелось дорогой?

— Они дали мне поесть... А по дороге, близ Ледергада, мы видели велосипедиста.

— Вот как!—воскликнул Том.—Да, теперь осталось немного. А куда же он направлялся?

— Сказал, что едет в Доркинг, если только большая дорога достаточно хороша. Но я сомневаюсь. Все вокруг Берфорда залито водой. Мы пришли через холмы. Это то, что они называют Римскою дорогой *). Там место возвышенное и поэтому сухо.

— Не знаю этой дороги,—возразил Том.—Но велосипед? Ты уверен, что это был велосипед? У него было два колеса?

— Да, это был велосипед.

— А знаешь, я помню такое время, Тэдди, когда конца не было велосипедам! Тогда можно было, стоя здесь,—дорога была гладкая, как скатерть,—видеть двадцать тридцать велосипедистов одновременно. И мотоциклеты и автомобили, и всякого рода экипажи...

— Неужели?—воскликнул Тэдди.

— Да, я тут видел их ежедневно. Они целыми сотнями проезжали тут.

— Но куда же они все ехали?—спросил Тэдди.

— В Брайтон. Ты никогда не видал Брайтона, я думаю. Он там, у моря. Считался самым веселым местом: из Лондона постоянно ездили туда и обратно.

— Зачем?

— Ездили, и все тут.

— Но зачем?—настаивал Тэдди.

*) Англия с 1-го по 5-ый век после Р. Х. составляла римскую провинцию под названием Британии. Во многих местах Англии до сих пор сохранились следы римских построек, укрепленных лагерей, мостов и дорог.

— Богу известно, Тэдди. Но они постоянно ездили туда. А вот видишь этот огромный шест, ну вон же: торчит, точно громадный заржавленный гвоздь, выше всех домов, а вон там другой, и еще, и еще... Это были части однорельсовой железной дороги. Она тоже была проведена в Брайтон, и ежедневно, днем и ночью, по ней сновали огромные вагоны, наполненные народом, взад и вперед.

Маленький мальчик посмотрел на заржавленные остатки дороги, по ту сторону грязной канавы, некогда представлявшей улицу Гай-Стрит. Он был склонен не верить, но развалины были налицо. Его воображение было все же слишком слабо развито, чтобы он мог представить себе все это.

— Зачем же они все ездили туда?—еще раз спросил он.

— Так. В те времена никто не сидел на месте.

— Да, но откуда они все являлись?

— Из всех этих мест. Тут много народа жило в этих домах, Тэдди, и по этой дороге было много домов и в них жило очень большое население. Тебе трудно поверить этому, Тэдди, но это так же верно, как Библия. Ты мог бы идти по этой дороге все дальше и дальше и всюду видел бы дома и дома! Без конца! И они становились все выше и выше... Это был Лондон...—Он сказал это упавшим голосом, точно произносил какие-нибудь странные чуждые имена.—Теперь все пусто и заброшено. Целый день никто туда не заглядывает. Ты там не найдешь ни одного человека, ничего, кроме собак и кошек, которые охотятся за крысами... И только пройдя через Бромлей и Бикенгем, ты найдешь там кентских ребят-свинопасов. (Довольно таки грубый народ!). И пока солнце стоит на небе, везде кругом тихо, как в могиле. Я там бывал днем, часенъко...

Он помолчал немного и продолжал:

— И все эти дома, и улицы, и дороги были полны народа, пока не началась война в воздухе и голод и чума. Да, Тэдди, тут везде толпился народ. А потом наступило время, когда все это покрылось трупами, и когда нельзя было сделать шага, чтобы не отскочить назад от страш-

ной вони разлагающихся трупов. Чума убивала людей. Она не щадила никого, ни кошек, ни собак, ни кур, ни гадов... У всех была чума. Пережили лишь очень немногие. Я перенес ее, и твоя тетка тоже, только она лишилась после этого всех своих волос. И теперь еще можно найти скелеты в домах. Тут по этой дороге, мы осмотрели все дома, взяли оттуда, то, что нам было нужно, и похоронили большинство мертвецов. Но там, по Норвудской дороге, еще стоят дома со стеклами в окнах и с нетронутой мебелью,—мебель покрыта толстым слоем пыли и разваливается на куски, а на постели и где-нибудь возле дома—можно найти кости людей, погибших от чумы двадцать пять лет тому назад. Я заходил в прошлом году в один из таких домов, вместе со старым Хилинсом, и там мы нашли комнату, полную книг. Ты знаешь, Тэдди, что это такое книги?

— Да. Я видел их: такие—с картинками.

— Ну вот! Книги были везде, сотни их лежали кругом без всякого смысла, поросшие плесенью и высохшие. Я стоял за то, чтобы их не трогать, я вообще никогда не был охотник до чтения,—но старый Хилинс сказал, что он их возьмет.—«Я думаю, что я могу почитать их!»—сказал он.—«Я—нет!»—отвечал я.—«А я могу»,—сказал он, смеясь, и взял одну из книг. Он раскрыл книгу—я заглянул туда и увидел раскрашенную картину. О, Тэдди, это было так красиво! На картинке были изображены женщины и дети в саду. Я никогда не видел ничего подобного.—«Вот это мне нравится!»—сказал старый Хилинс и от удовольствия хлопнул по книжке. Тогда...

Старый Том выразительно замолчал.

— Тогда?—спросил Тэдди.

— Она рассыпалась в пыль. В белую пыль... Мы больше не прикасались к книгам в этот день. Не трогали их и потом.—прибавил он многозначительно. Некоторое время оба молчали. Затем Том, еще раз возвращаясь к этой, странно привлекавшей его, теме,—повторил в раздумьи:—Они лежат там целый день... тихо, как в гробу...

— А ночью они тоже лежат там?—спросил заинтересованный Тэдди.

Старик покачал головой:

— Никто не знает, мальчуган, никто!—сказал он.

— Но что же они могут делать ночью?—приставал мальчик.

— Никто не знает. Никто не видал, никто не может рассказать...

— Никто?

— Мало ли что говорят! Они и сами не верят своим рассказам. Я всегда возвращаюсь домой к закату солнца и больше не выхожу из дому, поэтому я ничего не могу сказать. Но одни думают одно, другие другое... Я слышал, что приносит несчастье, если снимать с них платье, раньше чем кости не побелели... Рассказывают разные истории...

— Какие истории?—спросил мальчик, не спуская глаз с Тома.

— Истории про лунные ночи и про кое-что, разгуливающее по ночам... Но я не обращаю на них внимания. Я лежу в постели. Если ты станешь слушать все эти рассказы, то—Бог мой!—тебе будет страшно среди белого дня в поле.

Мальчик озирался кругом и некоторое время молчал.

— Рассказывают, что в Бэкнаме есть один человек, который пропал в Лондоне три дня и три ночи,—опять заговорил старик.—Он выпил виски в Чипсайде и отправился, но заблудился среди развалин и начал блуждать. Он бродил три дня и три ночи, и улицы постоянно изменяли свой вид, так что он никак не мог добраться домой. Еслиб он не вспомнил некоторых слов из Библии, то так бы и с сих пор и бродил там. Он шел целый день и целую ночь, и целый день была тишина, точно в могиле, вплоть до солнечного заката. А когда сгустились сумерки, то стал слышен шорох и шелест и как будто топот многих ног...

Старик замолчал.

— Что же дальше?—спросил мальчик, затаив дыхание, —что дальше?

— Дальше слышался стук колес и лошадиный топот, грохот кабров и омнибусов и резкие пронзительные свистки, от которых кровь застыла в жилах. И тотчас же после свистков началось движение. На улицах пока-

зался народ. Люди, занятые своими делами, наполнили дома и лавки. По улицам раз'езжали автомобили, а в фонарях и окнах отразился лунный свет. Я говорю: люди, Тэдди. Но это не были люди, это призраки наполняли улицы. Они проходили мимо этого человека и через него и никогда не касались его. Они были как туман и пар, Тэдди. Порою они были веселы, а порою ужасны, ужасны так, что и сказать нельзя! И вот он дошел до площади, которая называлась Пикадилли, Тэдди. Там было светло, как днем, расхаживали в великолепных одеждах лэди и джентльмены, а таксомоторы раз'езжали по дороге. А когда он пристальней начал смотреть на них, Тэдди, то лица у них вдруг стали злыми, Тэдди. Ему вдруг показалось, что они видят его, и женщины начали смотреть на него и говорили ему ужасные, дурные вещи. Одна из них подошла к нему очень близко, Тэдди, совсем близко, и посмотрела ему прямо в лицо. Но у нее не было лица, а только разрисованный череп, и он заметил, что у них, у всех, были разрисованные черепа... И, один за другим, они начали подходить к нему, говорили ему ужасные вещи, хватали его, ласкали и угрожали ему, так что кровь у него застыла в жилах и сердце переставало биться от страха...

— Дальше!—прошептал Тэдди, слушавший с замиранием сердца.

— Тут он вспомнил слова Священного Писания и благодаря этому спасся.—«Бог—мое спасение!»—сказал он,—«поэтому я ничего не боюсь!»—Как раз в это время раздалось пение петуха, и все призраки на улицах исчезли. После этого Господь сжалился над ним и помог ему выбраться на дорогу домой.

Но Тэдди занимал другой вопрос: кто же были эти люди, жившие раньше во всех этих домах. Кто они были такие?

— Джентльмены, занимавшиеся делами, люди с деньгами, по крайней мере, они так думали; только когда все начало рушиться, то они увидали, что это были не деньги, а бумажки всякого рода. Сотни, тысячи бумажек... даже миллионы! Я видал это прежде, на Гай-Стрите. По ней просто трудно было двигаться в известное время дня.

когда делались покупки. Женщины и всякий народ толпились на ней.

— Но откуда же они брали пищу и всякого рода вещи?

— Покупали в лавках, вроде той, которая и у меня была прежде. Я покажу тебе это место, Тэдди, когда мы пойдем назад. Теперь люди не имеют никакого понятия о лавках... ни малейшего понятия! Витрины магазинов—ведь это для них абракадабра. Да, мне иногда случалось продавать сразу полторы бочки картофеля. Ты бы не поверил своим глазам, еслиб видел, что только у меня не было в моей лавочке! Целые корзины груш и яблок, великолепные большие орехи и даже бананы и апельсины...

— Что это такое: бананы и апельсины?—спросил мальчик.

— Плоды такие. Сладкие, сочные, великолепные плоды, иноземные плоды. Их привозили сюда из Испании, из Нью-Йорка и других мест. Привозили на кораблях. Мне доставляли их со всего света и я продавал их в своей лавочке. Я продавал их, Тэдди! Да, я, идущий теперь с тобой искать пропавшую курицу и одетый в старый мешок! Люди приходили в мою лавочку. Прекрасные дамы, каких ты и во сне не видал, Тэдди, приходили ко мне и говорили:—«Ну, что у вас есть сегодня, мистер Смолдуэйс?»—А я отвечал:—Сегодня я получил прекрасные канадские яблоки...—Или же я предлагал сушеные плоды... Понимаешь? И они покупали их.—«Хорошо»,—говорили они,—«пришлите нам».—Господи, какая это была жизнь! И чего только не видели мы тогда здесь! Тут разъезжали omnibuses, и автомобили, и коляски. Шарманщики, немецкие музыканты проходили мимо. Никогда не бывало, чтобы тут кто-нибудь не проходил! Еслиб не эти пустые дома, я бы думал, что мне все это приснилось...

— Но отчего же они погибли—все эти люди?—спросил Тэдди.

— Все рухнуло сразу,—сказал старик.—Пока они не начали войны, все шло прекрасно, как заведенные часы. Каждый был занят своим делом, был счастлив и имел ежедневно хороший сытный обед.

Тэдди взглянул на него с недоверием.

— Да, уверяю тебя, это было именно так,—подтвердил старый Том.—Каждый имел обед. Если ты не мог иметь его дома или в другом месте, то мог всегда получить в рабочем доме хорошую миску горячего супу и хлеб с маслом. А теперь ведь никто не знает, как делается настоящий «белый» хлеб, казенный хлеб!

Тэдди с удивлением слушал эти рассказы, но не говорил ничего. Том же, вспоминая прежние времена, испытывал чувство глубокой тоски и старался побороть его. На некоторое время он весь ушел в воспоминания о вкусных вещах, которые он ел когда-то. Его губы шевелились.—«Лососина с пикулями... уксус... голландский сыр... пиво!»—шептал он.—«И трубочку хорошего табачку!»

— Но как же убили всех этих людей?—спросил Тэдди.

— Была война. Война была началом гибели. Война бушевала и разливалась потоком; в действительности, она истребила не так уже много людей, но она перевернула все вверх дном. Они явились и подожгли Лондон, сожгли и потопили все суда, какие были в то время на Темзе,—мы в течение многих недель видели пар и дым,—потом бросили бомбу в Хрустальный дворец и разрушили железную дорогу, и так одно за другим. Что же касается избияния людей, то оно являлось лишь случайностью. Они больше убивали друг друга. Там, в воздухе, происходило однажды большое сражение, Тэдди. Громадные корабли, величиною больше пятидесяти домов, больше чем Хрустальный дворец, летали в воздухе, бросались друг на друга, а убитые падали на землю. Ужасно! Но они не столько убивали людей, сколько останавливали все дела. Все прекратилось тогда, Тэдди. Не было больше денег, да и нечего было бы покупать, еслиб они у кого были!

— Но, всетаки, отчего же погибли люди?—настаивал Тэдди.

— Я же говорил тебе, Тэдди, вслед за войной остановились все дела. Внезапно люди заметили, что денег нет. Были только чеки.—ключки бумаги, на которых было что-то написано. Раньше они были так же хороши, как деньги,—если ты получал эти чеки от знакомого покупателя. И вдруг чеки потеряли всякую цену. Я остался с

ремя такими чеками. Два мне удалось все-таки разменять, затем пятифунтовые билеты потеряли цену и скоро не стало нигде серебра, а золота нельзя было достать уже ни за что на свете. Оно было в лондонских банках, а банки были уничтожены. Все стали банкротами, все лишились работы... все!

Том замолчал, и испытующим взглядом смотрел на своего слушателя. Умненькое личико мальчика выражало полнейшую растерянность.

— Вот как это случилось,—сказал Том и несколько мгновений как-будто подыскивал более подходящие слова, чтобы выразить свою мысль.—знаешь, это было похоже на внезапную остановку часов. В первый момент наступило спокойствие внизу. Только вверху, в небесах, продолжалась битва воздушных кораблей. Но потом люди заволновались. Помню один из моих постоянных покупателей—мистер Мозес Глокстейн, джентльмен, очень милый и большой любитель спаржи и артишоков,—вдруг пришел ко мне—(а уже в течение нескольких дней никто не заглядывал ко мне в лавочку!)—и начал очень взволнованно говорить, предлагая купить на вес золота все, что у меня есть в лавке, картофель и другие припасы. Он говорил, что хочет попробовать устроить маленькую спекуляцию. Он уверял, что он держит нечто вроде пари, и что он, наверное, проиграет, но, все-таки, хочет попробовать. Он всегда был игроком—уверял он! Он предложил мне взвесить мой товар и заплатить мне по весу чеком. Все это было прекрасно, но только я сомневался относительно чека. Он начал мне объяснять, но вдруг в это время явилась толпа безработных, с огромным знаменем в руках, на котором была огромная надпись, и каждый мог читать ее—ведь тогда все умели читать:—«Мы требуем пищи!» От этой толпы отделилось несколько человек, и они вошли ко мне в лавку.—«Есть у вас с'естные припасы?»—спросили они.—Нет,—отвечал я.—У меня нет ничего для продажи. Но если бы у меня был товар, то я бы не мог отдать его вам. Этот джентльмен предлагает мне...—Мистер Глокстейн хотел остановить меня, но было уже поздно.—«Что он вам предлагает»—спросил высокий парень с топором в руках.—Он говорил таким тоном, что я

должен был ответить.—«Ребята»,—обратился он к своим товарищам.—«вот еще один финансист!»—Они вытащили его и повесили на фонаре улице. Он даже не оказал никакого сопротивления им, не вымолвил ни слова, после того как я сказал им это...

Том помолчал немного, потом прибавил.

— Это был первый человек, которого повесили на моих глазах...

— Сколько вам тогда было лет?—спросил Тэдди.

— Около тридцати.

— Да? А мне еще не было и шести лет, когда я увидел в первый раз, как вешали трех человек, укравших свиней. Отец взял меня, потому что мой день рождения был близок, и он сказал, что меня надо приучить к крови,—заметил Тэдди, с видом превосходства.

— Но зато ты не видал раздавленных автомобилем, не видал мертвецов, найденных в химической лавке!—возразил Том, несколько смущенный замечанием мальчика.

— Да,—отвечал Тэдди,—этого я не видел!—И минутное торжество, которое он испытал над дядей, исчезло.

— И никогда не увидишь! Никогда! Ты никогда не увидишь того, что я видел! Даже если ты проживешь сто лет... Итак, я уже рассказывал тебе, как начался голод и свалки... Потом были стачки и социализм—это такие вещи, которым я никогда не сочувствовал. И дела пошли все хуже и хуже. Схватки, перестрелки, пожары и грабежи не прекращались. Они ворвались в лондонские банки и захватили золото. Но из золота они не могли приготовить пищи. А как мы уцелели? Очень просто: мы сидели смиренно. Мы не вмешивались, и нас не трогали. У нас еще оставалось немного картофеля, но главную нашу пищу составляли крысы. Наш дом—был старый дом, крыс—было полно, и голод, повидимому, не оказывал на них никакого влияния. Мы очень часто ловили крыс, очень часто. Но большинство людей, живших в этих местах, обладали слишком тонким вкусом и не хотели есть крыс. Им не нравилось это кушанье. Они ели всякую всячину, но не хотели есть эту честную пищу, пока не стало поздно. Они предпочитали умереть... И вот голод начал убивать людей. Даже раньше, чем появилась эпидемия Пурпурной

Смерти—чумы, люди умирали, как мухи к концу лета... Каким образом я помню это? Да я был одним из первых, заболевших чумой. Я вышел из дому, чтобы поискать, не найду ли я старую кошку или что-нибудь в этом роде. Потом я пошел на свой участок, посмотреть, не удастся ли найти где-нибудь репу, и вдруг со мною приключилось что-то ужасное. Ты не можешь себе представить, какие страдания я испытывал. Меня совсем скрючило, и я упал тут возле этого угла. Твоя тетка пришла посмотреть, что я делаю, и приволокла меня домой, как мешок. Я бы никогда не оправился, еслиб не твоя тетка. — «Так», — сказала она мне, — «ты воздоравливаешь, а теперь моя очередь». — И сама заболела. Но смерть не совладала с ней. — «Господи», — говорила она. — «Да разве я могу оставить Тома, чтобы он один влачил свою жизнь!» — Вот что она говорила, твоя тетка! Язычок у нее хоть куда! Но болезнь унесла все ее волосы, и хотя я добыл ей парик со старухи, там, в саду викария, но она не хотела носить парик...

Эта Пурпурная Смерть уничтожила массу людей. Всех похоронить было нельзя. Болезнь распространилась на собак и кошек, на крыс и лошадей. В конце концов, все дома и сады были наполнены трупами. По лондонской дороге совершенно нельзя было ходить из-за страшного зловония от трупов, и нам пришлось, тоже из-за этого, перебраться из Гай-Стрита в эту виллу. Вода отсюда совсем исчезла; она пошла по трубам и подземным туннелям. Богу известно, откуда пришла к нам эта Пурпурная Смерть. Одни говорят одно, другие—другое. Одни говорили, что болезнь произошла от того, что ели крыс, а другие уверяли, что она вызвана тем, что ничего не ели! Рассказывали также, что ее принесли с собой азиаты из страны, называемой Тибет. Однако, нам эта болезнь не делала большого зла. Я знаю только одно, что она явилась сюда после голода. А голод возник после паники, а паника явилась после войны.

Тэдди на минутку задумался и спросил:

- Отчего была Пурпурная Смерть?
- Ведь я же сказал тебе.
- А отчего паника?

— Ну просто—испугались.

— Но отчего они начали войну?

— Они не могли остановиться, раз начали эту войну. Раз у них были воздушные корабли, они должны были воевать.

— А как кончилась эта война?

— Богу известно, кончилась ли она, мальчуган, — сказал Том. — Тут проходили странники два лета тому назад, и один парень сообщал, что война все еще продолжается. Говорят, что на севере есть целые банды людей, которые все еще продолжают войну. В Германии, в Китае, Америке и в других местах все еще не прекратилась война. Этот парень рассказывал, что у них есть летательные машины и газ, и разные вещи. Но мы здесь ничего не видели в воздухе, и вот уже семь лет никто не являлся к нам. Последний раз мы видели что-то вроде с'ежившегося воздушного корабля, который пролетел вон там. Он был какой-то кривобокий, — точно с ним что-то приключилось.

Разговаривая таким образом, Том подошел к тому месту, где еще виднелись остатки старого забора. Тут он сидел некогда со своим соседом мистером Стринджером, молочным торговцем, и в отверстие в плетне они вместе наблюдали субботние маневры южно-английского воздухоплавательного клуба. И снова на Тома нахлынули воспоминания прошлого...

— Там, видишь ли, где торчат красные кирпичные обломки, там был газовый завод...

— А что такое газ? — спросил Тэдди.

— Это... Это—ничто, только мохнатое такое, и этим самым наполняли шары, чтобы они могли подниматься вверх. Когда не было электричества, то зажигали газ.

Тэдди тишечно старался представить себе газ, на основании рассказа Тома. Затем его мысль снова вернулась к первоначальной теме.

— Но почему они не кончили войны? — опять спросил он.

— Из упрямства. Все страдали—но зато все причиняли страдания другим. И кроме того—все были очень возмущенно настроены и патриотичны. Таким образом, они все разнесли вдребезги. Ну просто вот—все разносили и

разносили. А после этого наступило отчаяние, и люди одичали.

— Они должны были бы кончить войну!—упрямо проговорил мальчик.

— Ее не следовало бы начинать.—сказал старый Том.—Но народ был горд. Люди стали заносчивыми, надменными и опять же обабилась. Слишком много ели мяса и пили... А потом им совсем нечего было ни есть, ни пить...

Том задумчиво почмокивал губами, устремив взгляд в долину, где блестели на солнце рассыпавшиеся стекла Хрустального Дворца. Смутное чувство бесповоротной гибели всех удобств и чудес былой культуры овладело им. Он тихо покачал головой и медленно и упрямо повторил высказанное им уже раньше окончательное мнение об этом предмете:

— Пусть говорят, что угодно,—сказал он.—А все-таки не следовало начинать войны...

Он сказал это самым простодушным тоном. «Кто-то» «где-то» должен был «что-то» прекратить, но «кто», «как» и «почему»—это уже выходило за пределы его понимания!

Перев. Э. Шименова.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие	7— 13
Глава I. О прогрессе и семье Смоллуэйсов	15— 39
„ II. Как Берт попал в затруднительные обстоятельства	39— 65
„ III. Шар	65— 87
„ IV. Германский воздушный флот	87—129
„ V. Сражение в Атлантическом океане	129—154
„ VI. Война в Нью-Йорке	154—180
„ VII. „Фатерланд“ выведен из строя	180—205
„ VIII. Мировая война	205—230
„ IX. На Козьем острове	231—265
„ X. Мир во время войны	265—284
„ XI. Великое разрушение	284—303
Эпилог	303—318